

ДРУГИЕ
МИРЫ

Валентина Савенко

ВДОВА МАСТЕРА ТЕНЕЙ

Annotation

Пробираясь на королевский бал дебютанток, Габриелла рассчитывала получить контракт жены мастера теней. Однако мастер, которого она выбрала, предложил Габи стать его... вдовой. Что это? Шутка, глупый розыгрыш или нечто большее? Наверное, стоило оставить «почившему» супругу его тайны, но всегда полезно знать, кто ты — кукла или приманка...

- [Валентина Савенко](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Эпилог](#)

- [notes](#)

- [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
-

Валентина Савенко
ВДОВА МАСТЕРА ТЕНЕЙ

Глава 1

— Вы станете моей вдовой? — вопрос прозвучал как утверждение. Сухая констатация факта. Собеседник прекрасно знал: соглашусь на любое предложение.

Я четко дала понять, что отношусь к той категории дебютанток, прибывших сегодня на королевский бал, которой нужен могущественный покровитель. Муж. Любовник.

Впрочем, получить контракт фаворитки мастера теней в принципе невозможно. Они не опускаются до подобного — предпочитают накрепко привязывать понравившихся девиц брачным договором. Разводов у них не бывает. Жена становилась фактически собственностью мужа.

Именно по этой причине многие матери потенциальных невест, собиравшихся впервые выехать в свет, решили сегодня остаться дома вместе со своими чадами. Или перепродали приглашения за звонкую монету либо услугу. А если последняя довольно деликатная, то, дабы избежать ненужной огласки в обществе, даже соглашались сопроводить приткую, но не слишком родовитую замену на бал.

Причиной переполоха стал приезд мастеров теней, среди которых наблюдалось просто неприличное количество холостяков.

Да, они в большинстве своем весьма состоятельны. Но этот плюс перекрывался явным жирным минусом, способным перечеркнуть все радости безбедной жизни. Никто не хотел жить рядом с тем, кто настолько мало отличается от кровожадных порождений теней и ночных кошмаров, что способен вызывать оторопь одним взглядом.

Иногда женами мастеров становились — как бы банально это ни звучало — по большой любви, но чаще — по договору, порою без согласия родни невесты либо от безысходности.

Как я. У меня не было выбора. Только бы оказаться рядом с одним из них. Остальное — дело техники.

Я была готова на многое. Но стать вдовой?!

Такого не ожидала.

Если бы не привычка прятать эмоции и соответствовать ожиданиям окружающих, я могла бы выдать себя несдержанным жестом или взглядом. Не думаю, что самый молодой из мастеров теней, Витор Алистер, выбранный мной на роль покровителя, оценил бы настоящую Габриеллу. А посему — никакого удивления. Пара секунд на замешательство. За это

время я успела справиться с волнением, поутихшим, пока настойчиво добивалась внимания Витора на балу. Но, стоило мастеру озвучить свое предложение, снова задержалась.

Вернуть душевное равновесие оказалось сложнее, чем в начале бала. Однако я справилась. И снова готова играть выбранную роль не слишком далекой охотницы за мужьями. Удивленный, слегка потрясенный взгляд голубых глаз, растерянный взмах ресниц. Нервное прикосновение кружевной перчатки к черному локону, ниспадающему из высокой прически.

И вежливый, немного наивный вопрос, который от меня ждет мастер:

— Прошу прощения, двэйн,^[1] вы оговорились? Женой? Возможно, вы хотели сказать... фавориткой? — Смущенно потупилась, уставилась на затянутые в нежный голубой ажур пальцы, сдерживая дрожь от плохо скрываемого возмущения и надежды в голосе. Тут и притворяться не пришлось. Вечер вымотал морально и физически, я устала и только сейчас поняла, что вот она, моя цель, сидит напротив и с занятой смесью сомнения, насмешки и недовольства внимательно всматривается в мое лицо. И даже не подозревает, что выбрал не он, а его. А если заподозрит, вряд ли обрадуется. От осознания этого сразу неприятно засосало под ложечкой.

— Элтина,^[2] не заставляйте меня сомневаться в ваших умственных способностях! — холодно и абсолютно спокойно ответил Витор.

Ровному тону совершенно не соответствовала возникшая рядом со столом, занятым молодым мужчиной, серая тощая хищная тварь. Она повела собачьей, напоминающей обтянутый кожей череп головой из стороны в сторону и уселась у начищенного сапога двэйна. Преданно посмотрела на хозяина, ее породившего.

Именно так выглядела одна из самых сильных отрицательных эмоций. Боль.

Не знаю, почему она выбирала этот облик, почти всегда один и тот же. Неважно, кто ее хозяин: человек или нелюдь, следом за ними всегда бежала тощая собака. Невидимая для окружающих, она отравляла жизнь хозяев.

Странно лицезреть ее рядом с мастером теней. У них, как я заметила, практически не было эмоций. Тем более таких сильных, что способны воплотиться в эфирном мире в конкретный образ.

А эта еще и была застаревшей. Избавиться от такой трудно. Хотя и возможно. У меня бы, скорее всего, вышло.

Не сейчас. После. Как всегда, украдкой, скрываясь.

Пока же я сделала вид, что не изучала столь внимательно пустоту рядом со столом, а всего лишь отвела взгляд, растерялась. Боль снова широко и нахально зевнула, отвлекая от мастера.

Пришлось приложить усилие и озадачиться насущной проблемой. К сожалению, наш с отцом расчет, что Витору потребуется время, чтобы навести справки обо мне, с треском провалился. Он обратился ко мне как к простолюдинке, хотя в приглашении значилась дворянка. И сопровождала меня, незамужнюю, как и полагается, самая что ни на есть чистокровная греди.^[3] Мои манеры были безупречны, без скромности, — не все высокородные девицы так вышколены. Наряд полностью соответствовал случаю. Пусть он несколько простоват, но элегантен.

Миловидная брюнетка в бледно-голубом платье, перехваченном под грудью атласной лентой на тон темнее. С небольшим шлейфом. Струющаяся ткань подчеркивает худенькую девичью фигурку.

Минимум косметики, только очарование юности. Слегка смущенный взгляд голубых глаз, изящный овал лица, мягкие черты. Уложенные в простую элегантную прическу черные локоны украшены скромной бутоньеркой с голубой звездочкой эдельвейса в центре. Экзотично и подчеркивает глаза. Длинные кружевные перчатки, не атласные, как у прочих, — маленькая вольность — и аккуратная сумочка дополняли образ. Сегодня я выглядела почти копией Элизы. Так нужно.

В отличие от остальных дебютанток, я пришла за контрактом жены одного конкретного мастера. А не за порцией слухов о том, как некая юная особа кружила головы кавалерам. И в итоге получила несколько сомнительных предложений.

Значит, не только я подготовилась и навела справки.

Когда он успел?

Приглашение на бал дебютанток я выменяла на услугу всего два дня назад. Следовательно, выяснить Витор мог лишь то, что известно всем. И это хорошо. Повода для более детального изучения меня и моей семьи я ему не дам.

Итак, предположим самое невероятное. Он не только в курсе моего происхождения, но и знает, что я не настолько благовоспитанная и тихая элтина, как Элиза, имя которой я вписала в книгу гостей.

Идти на бал со мной провожатая отказывалась. Злопамятная дама. Подумаешь, однажды весьма резко ответила, когда она пыталась оскорбить Эли. Я давно забыла, а вот греди запомнила. Пришлось назваться сестрой.

Провожатая была не против того, что у нее неожиданно появилась дальняя родственница. Моя фамилия никого не интересовала. Есть

приглашение на имя грэди, с которой я пришла, есть запись на ее же имя и дополнение, что она прибыла с... кузиной по имени Элиза.

К тому же это было вполне в духе того образа, что мы выбрали для меня. Девушка, решившая любой ценой заполучить мастера теней, обязательно воспользовалась бы образом скромной сестры-близнеца.

Сердце привычно кольнуло иглой беспокойства: как там Эли? Я незаметно покосилась на изящные наручные часы. Два часа до полуночи. У меня еще есть время. Я успею вернуться. Все будет хорошо.

— Элтина Даннер! — все тем же лишенным эмоций тоном напомнил о своем присутствии мастер, полностью подтвердив догадку, что прекрасно осведомлен не только о моем происхождении, но и о фамилии.

«Как повела бы себя Элиза в такой ситуации?» — ненавижу этот вопрос. Он преследует меня с самого детства. Вначале мама настаивала, чтобы я брала пример с сестры. Потом... Именно он не раз спасал нас от многих неприятностей.

Если забыть, что Элиза никогда не отважилась бы на подобную авантюру и пришла бы в ужас от одной мысли, что придется стать женой мастера теней. Она бы смутилась, почувствовала себя неуютно под пристальным взглядом зеленых глаз Витора Алистера. И никогда бы не решилась отправиться с ним в кабинет.

Тем более одна, в то время как сопровождающая дремлет под дверью, перебрав с игристыми винами и даже не поняв, что приглянувшееся ей кресло стоит у кабинета, а не в нем. Ведь это такой моветон — юная особа наедине с неженатым мужчиной.

Меня прощает лишь факт, что мой спутник — мастер теней, а им дозволено многое. В том числе и прямое предложение дебютантке контракта жены.

Однако мне предложили стать не женой, а вдовой.

Я воскресила в памяти магическую фотокарточку с изображением Витора, вырезанную из газеты, — было бы глупо смотреть на собеседника теперь, когда я старательно изображаю святую наивность, неожиданно разглядевшую прелюбопытнейший узор на обивке кресла.

Жгучий брюнет двадцати трех лет от роду. Холодное выражение аристократического лица не смягчает даже улыбка. Упрямый подбородок, густые брови, пронизательный взгляд зеленых глаз. Все говорит о том, что играть с таким человеком не стоит. Привычка носить мундир видна невооруженным взглядом. А если кто не такой глазастый, как я, на профессию мужчины намекает короткая стрижка. Не ежик, столь любимый другими мастерами и военными, но и не хвост, порою смотрящийся

донельзя странно на едва прикрытой редкими волосами голове какого-нибудь почтенного господина. И потому он, хвост, постепенно вытесняется более функциональными прическами. Как любил говорить папа, лучше три своих пера на макушке, чем прикрытая шиньоном лысина.

Что-то я отвлеклась. Видимо, от нервов. Итак, выбранный нами мастер — самый молодой из всех. Он пока еще не пропитался магией теней, не превратился в бесстрастную глыбу льда. И хотя по его поведению этого не скажешь, он до сих пор склонен к различного рода авантюрам. Правда, в последнее время их все меньше. Возможно, сейчас меня собираются втянуть в одну из них.

Стать вдовой. Что это? Шутка? Глупый розыгрыш? Или нечто большее? В любом случае я скоро узнаю. Потом. Когда соглашусь. Может, я и поддельная авантюристка и совсем не та, за кого пытаюсь себя выдать, но... Мне нужен мастер теней, и пути назад нет. И если ему угодно обозначить наши отношения подобным образом — пусть так.

Но вначале необходимо доиграть роль противоречивой авантюристки. Такую девушку, безусловно, удивит предложение, но она постарается выяснить в первую очередь свои выгоды. Не сразу, конечно же. А потому...

— Извольте шутить, двэйн? — в притворном смятении спросила я, поднимая испуганный взгляд на собеседника.

— Не изволю, — последовал сухой ответ.

Витор недовольно поморщился, ослабил шейный платок — моя игра его раздражала. Хорошо. Резко сбрасывать маску нельзя, пусть у него останется иллюзия власти.

— Вы станете моей вдовой? — с нажимом на последнем слове повторил мужчина. И добавил с явным превосходством: — Или вы уже не хотите поправить благосостояние батюшки за мой счет? Габриелла.

На миг позволила увидеть свое истинное лицо, почти истинное, старательно отрепетированное перед зеркалом выражение. Слегка ироничная улыбка, намного более смелый взгляд, чем у Элизы. Достаточно.

Я скрыла под маской придуманного образа волнение, из последних сил сдерживаемое, щедро смешанное со страхом, что у меня не получится или что-то пойдет не по плану.

— Вдовой? — переспросила без тени насмешки.

Ему доложили, что я охотница за мужьями, — превосходно.

Не зря мы распускали соответствующие слухи о нашей семье. Ведь это самое простое объяснение повышенного интереса к высокородным двэйнам и грэди. Ничего нового: родители хотят выдать замуж одну из дочерей, если повезет — обеих, чтобы поправить свое положение. В идеале

— полностью избавиться не только от нахлебниц, от которых никакого проку нет, но и от долгов.

— Вы правильно поняли: вдовой.

— Но, двэйн... — Бросила быстрый взгляд на потягивающуюся у ног мужчины боль. Боль душевную, а не физическую. В конце концов, она не столь велика, чтобы подыскивать себе вдову! — Вы весьма живы для покойника.

— И собираюсь оставаться... весьма живым, — язвительно передразнил меня Витор.

Насмешливо посмотрела на мастера, ожидая объяснений и внутренне замирая, как перед прыжком в пропасть.

— Всего лишь невинный розыгрыш, элтина. И только. Пару недель вас будут считать моей вдовой. Посидите в моем поместье, погрузите у камина. Естественно, я буду рядом... под прикрытием, на случай, если вы не будете знать, как повести себя. Потом произойдет мое «воскрешение», праздник по этому случаю, и вы свободны.

Мастер поднялся с кресла, подошел к окну, еще сильнее ослабил шейный платок и уставился на небо, расцвеченное радужными фонтанами фейерверка, давая мне время обдумать его сомнительное предложение. Боль тенью следовала за хозяином.

Слишком гладко стелет двэйн. Розыгрыш, помощь от него самого и свобода для фиктивной вдовы — все просто и логично, хоть и несколько абсурдно.

Но почему тогда, скажите на милость, у меня предчувствие очередных неприятностей?

— Не беспокойтесь, я не собираюсь покушаться на вашу честь, — с плохо скрываемым сарказмом заверил Витор, истолковавший мое молчание как смущение. — Даю слово.

— Это радует, — я тоже не стала манерничать.

— Вижу, мои сведения верны, и вы на редкость благоразумная элтина. — Мастер тактично заметил нелестную характеристику. Но я прекрасно поняла, что меня считают расчетливой стервой.

Превосходно. Хотя звучит отвратительно. Но вряд ли девушка другого склада ума согласилась бы стать женой мастера теней после нескольких часов знакомства, тем более его вдовой. Расчет и деньги, деньги и расчет — многие мои ровесницы считали это залогом долгой счастливой жизни. Для них вариант с помолвкой после выгодного знакомства был оптимальной версией замужества. И, конечно же, их не смутило бы предложение Витора.

— Что я получу после вашего воскрешения? — не стала разубеждать

его в обратном, постаралась придать лицу озабоченное выражение. Вдруг мне предложат меньше, чем рассчитываю!

— За свою более чем скромную услугу вы получите: во-первых, статус моей бывшей супруги; во-вторых, мое имя и, в-третьих, приличное пожизненное содержание, — проскользнувшие в голосе Витора презрительные нотки удивили.

Неужели мы с отцом ошиблись? И ему нравятся девушки с другой жизненной позицией? Сердце испуганно пропустило удар, но я тут же себя успокоила. Нам удалось узнать об Алистере достаточно, чтобы понять, каким дамам он отдает предпочтение. Витор этот аспект своей жизни совершенно не скрывал.

А тем временем объект моих сомнений, выдержав многозначительную паузу, закончил твердо и по-деловому, словно вместо вдовы покупал породистую лошадь:

— Вы получите содержание, достаточное, чтобы помочь вашему отцу.

— Простите, двэйн, бывшей супруги? — от меня этого вопроса ожидали, и я его задала.

Впрочем, прекрасно понимала, что родные «покойника» одним моим словам не поверят, — нужны бумаги: свидетельство из храма, брачный договор. Иначе вдову выставят из поместья спустя минуту после ее явления перед глазами будущих жертв розыгрыша. Так что брак должен быть оформлен по правилам. По крайней мере, в части, касающейся бумаг и обряда в храме.

А еще я помнила один любопытный нюанс: мастера теней не разводятся. Мы этот вопрос изучили особо тщательно. Понятно, что связи отца ограничены. Но все же... не на пустом же месте появились слухи, что девицы оказываются связаны с мастерами на всю жизнь и являются их собственностью? Не зря же сегодня столько «замен» на балу.

— Да, вы все верно поняли, элтина, — кивнул Витор, — вам придется выйти за меня, а потом развестись. Все это мы пропишем в брачном договоре. Вопреки расхожему мнению, у мастеров теней случаются разводы. Крайне редко. Мастера весьма неохотно расстаются со... своим.

— Они не одиноки в этом, — покладисто согласилась я, — все крайне неохотно расстаются со своей собственностью.

Опровергать, что жены мастеров теней — их собственность, Витор не стал. Не захотел, или так оно и есть. В любом случае, правду я скоро узнаю.

Выйти замуж, овдоветь и... развестись. Не думаю, что кому-то еще из дебютанток сегодня поступали подобные предложения. Впрочем, вряд ли

вообще кому-то еще так же повезло за все время существования балов!

Но если отодвинуть в сторону иронию, то у меня будет две недели. Их Витор собирается провести рядом со мной, чтобы элтина случайно не наделала глупостей.

Четырнадцать дней в компании мастера теней. Хватит ли этого? На крайний случай можно упереться и, например, заявить, что возникли не указанные в контракте обстоятельства... Витор — молодой мужчина, а я — юная девушка. Всякое может случиться. И затянуть развод, объявить, что наши отношения вышли за рамки контракта. Пока рассмотрят мой иск, пока назначат доктора... Мерзко, но так появится еще немного времени. Цинично, согласна. Но если не останется выбора, я на это пойду. Я не Элиза. Плохо это или хорошо — не знаю.

— Над чем вы задумались, Габриелла? Мне кажется, я выразился предельно ясно, — оторвавшись от созерцания праздничной иллюминации, насмешливо спросил Витор.

— Более чем.

— И что же тогда заставляет вас задумчиво морщить носик?

Комплимент? Мне этого добра не нужно. Предложенная роль меня устраивает. Особенно уточнение об отсутствии интереса к моей персоне как к женщине.

— Думаю, какие пункты нужно внести в наш контракт, — легкомысленно взмахнув ресницами, отозвалась я.

— Вот как? Занятно. И чего же вы хотите? — Во взгляде мастера читалось: «Что, одних денег мало?»

Сделала вид, что ничего не понимаю. И в лучших традициях стерв... простите, благородных гред и не слишком благородных, но амбициозных элтин, мечтающих о выгодном замужестве, невинно пожав плечиком, ответила:

— Не так уж много, двэйн. Всего пару пунктов.

Витор недовольно скривился, а я вдохновенно продолжила:

— Во-первых, возможность ездить к отцу в любое время. Слышала, мастера весьма строги к своим женам. — Выдержала паузу, дождалась раздраженного взгляда мастера. — Во-вторых, мою сестру в качестве компаньонки.

— Это все? — Витор ничуть не удивился скромным размерам списка требований — видимо, решил, что свиток с остальным, длиной в пару миль, я принесу ему позже, когда отправимся к адвокату.

— Пожалуй, еще одно, — обворожительно улыбнулась, довольно отметила, как поморщился мой будущий покойный супруг, которого

выводил из себя прагматизм охотницы за мужьями. Занятно: то есть общаться мы предпочитаем с дамами такого вот бойкого типажа, но видеть их рядом с собой не хотим? Неудивительно, что Витор до сих пор не женат! С таким-то внутренним диссонансом. Впрочем, возможно, это семейное. Его кузен тоже холостяк.

— Я заинтригован, — Витор выжидательно смотрел на меня. — Итак, что еще желает получить моя вдова? Бриллианты? Под цвет слез вашей матери, которой жаль вашу загубленную жизнь? Меха? Под цвет седины отца, обзаведшегося ею от понимания, что именно вы решили принести себя на алтарь спасения семейства? Или шубку под цвет глаз вашего пуделя?

— Прогулки! — со счастливой улыбкой выдохнула я, не без удовольствия наблюдая, как мастер пытается не показать удивления. Да, не золото и бриллианты. И даже не шубу для пуделя, которого у меня, к слову, нет. Для меня прогулки гораздо важнее каких-то побрякушек. — Я очень люблю гулять. Хотелось бы иметь возможность покидать ваше поместье, когда мне заблагорассудится.

Крамольные слова, что люблю делать это в одиночестве, без полагающегося сопровождения, не стала произносить. Витор сам догадался и скривился, заподозрив, что я подрабатываю древним ремеслом, недостойным приличной девицы.

— Не беспокойтесь о вашем имени, я очень осторожна, — в этом я, без ложной гордости, вынужденно стала профессионалом, ну или почти профессионалом, — ваши родные и слуги не узнают, что я уходила. И, двэйн, я на самом деле гуляю. Если я долго сижу в помещении, мне становится нехорошо. — Несколько упустила ситуацию, специально забыла пояснить некоторые нюансы. Но, думаю, за две недели Витор не успеет понять, что с моими прогулками далеко не все так просто. А если и заметит, всегда можно сослаться на то, что его предложение выбило меня из колеи, я растерялась и забыла сказать. — Доктора предписали мне частые долгие прогулки. Как видите, теперь в обмороки я не падаю.

— Да вы полны сюрпризов! — усмехнулся мастер.

— Вы тоже, — чуть склонила голову, намекая на его предложение стать вдовой. — Моя просьба вас не смущает?

— Нет. — Витор вернулся к созерцанию фейерверка. — Завтра у центрального храма в четыре утра вас устроит?

Ожидаемо, что встречу назначили еще до рассвета. Храмы открыты круглосуточно. А Витор не хочет, чтобы посторонние видели нас входящими в святилище. Или таким образом проверяет, насколько мне

нужен контракт вдовы, стану ли его соблюдать, появятся ли в будущем со мной проблемы. Скорее, второе. Ну что ж, я эту проверку пройду.

— Вполне. — Мимоходом отметила, что буквально в паре шагов от указанного храма есть крупная адвокатская контора. Уверена, ради двэйна Алистера ее сотрудники откроют свое заведение еще до рассвета и будут ждать нас с распростертыми объятиями.

— Еще одно, Габриелла: не нужно никаких свадебных нарядов, — Витор покосился на меня и едва заметно скривился, как от зубной боли. — Обряд в храме — необходимая формальность. Наденьте то, в чем вам будет удобно.

Сам того не зная, мастер решил мою проблему. Я не представляла, как отбиться от сестры — она ведь обязательно настоит на соответствующем случае наряде. Когда придет в себя после известия, что я скоро стану вдовой. Элиза была невыносимо упряма в некоторых вопросах. Жаль, что их становилось все меньше. Интерес к окружающему миру вытесняла апатия или хуже того...

Отогнав неприятные мысли, я согласно кивнула:

— Как скажете, двэйн.

— До завтра, элтина.

— До завтра, двэйн, — ответила я в напряженную спину мастера.

Покосилась на боль, трущуюся о его ноги, потом на часы, которые уже полгода неизменно носила на запястье. Времени в обрез — на развоплощение серой заразы, мучающей хозяина, не хватит, едва успею добраться в Чарлтон.

«Придется вам, двэйн, немного потерпеть общество порожденной вами псины».

— Элтина Даннер! — Вздрогнула от неожиданности и замерла, взявшись за дверную ручку. — Захватите завтра с собой ваши вещи и сестру. Не усердствуйте с багажом, у вас будет несколько часов до отъезда, чтобы купить необходимые, соответствующие вашему новому статусу вещи, — сухо сказал Витор; на лице мастера играли разноцветные блики фейерверков, но особой радости от предстоящей авантюры я не заметила.

Элиза бы пришла в ужас от перспективы за столь короткий срок полностью изменить гардероб в соответствии с требованиями «покойника». Я же лишь пожала плечами. Я ведь охотница за мужьями? Не в моих интересах сейчас нервировать будущего супруга. Он ведь может передумать? И утекут от меня денежки. Правда, меня интересуют вовсе не они, но кое-кому знать этого не нужно.

— Как вам угодно, двэйн.

Ответа меня не удостоили, и я отправилась будить свою провожатую, с которой пришла на бал и с которой надлежало с него удалиться.

Пару минут гипнотизировала мирно дрыхнувшую в кресле женщину и, пожалев, что нельзя оставить ее тут, осторожно дотронулась веером до плеча сопровождающей. Плечо недовольно дернулось, его хозяйка сердито всхрапнула.

Витор, появившийся из двери кабинета, с интересом оглядел меня и мою проблему, сладко выводящую трели носом. Подмигнул и кивком указал на вазу с цветами, стоящую на столике. Я отрицательно покачала головой. Согласна, окатить подвыпившую грэди водой было бы весьма эффективно, но мне еще с ней в одной карете ехать. Выслушивать злые вопли не было никакого настроения. Витор усмехнулся, пожал плечами и удалился.

Пришлось пойти на крайние меры. Пригодилась все та же ваза. Я «случайно» задела ее и с грохотом уронила на сверкающий паркет. Надеюсь, имущество короля застраховано? А то было бы накладно каждый раз после балов за счет казны закупать новые вазы, разбитые неуклюжими гостями.

Сопровождающая подорвалась с места, озадаченно заморгала, глядя на меня.

— Нам пора, — покосившись на часы, поспешно пояснила я. — Вы устали и... задумались.

Во взгляде женщины появилось понимание, она медленно кивнула.

И мы наконец направились к выходу.

Скрывая слегка помятое лицо за веером, грэди Адмет недовольно сопела. Она была бы не прочь задержаться на балу. Но приличия требовали, чтобы все увидели, как мы вместе садимся в карету и отъезжаем от парадного входа летнего дворца. Отказаться грэди не могла: услуга, за которую она согласилась «подарить» мне приглашение своей дочери и сопровождать на бал, еще пару дней будет вариться в лаборатории отца. Если Адмет нарушит договоренность — вполне может не довариться.

На крыльцо парадного входа во дворец я практически выбежала. Огромное скопление людей и нелюдей в сияющих роскошью залах вызывало жуткую головную боль.

Столько воплощенных эмоций в одном месте!

Зависть, ревность, похоть, злость. Каких только чудовищ не было рядом с гостями! Они терлись об их ноги, скалили клыки, раскидывали щупальца, преданно смотрели на своих хозяев. Глаза воплощений горели огнем. И здесь тоже не было единообразия. Взгляд каждой эмоции имел

свой оттенок. От кроваво-красного до ледяного голубого, как у боли Витора.

К моему счастью, с болью я больше не сталкивалась. Тоски тоже не видала. Зато заметила легкие прозрачные крылья, белыми искрами мелькающие над залом. Были ли это эфирии, духи ветра, или что-то иное, я не могла точно сказать.

Насмешка судьбы! В многогранном мире духов, окружающем нас, — эфире — я могла четко различить только воплощенные отрицательные эмоции. И легкие крылья духов ветра.

Как же хочется вернуть время, когда я ничего не знала об эфире, полагая, что это стезя мастеров теней!

Особняк грэди Адмет находился на противоположной стороне Ирвэйны, реки, мутно-зеленым лезвием рассекающей столицу на две части. Сейчас она выглядела лентой черного шелка, расцвеченной отражениями фонарей.

У ворот дома меня ждал оседланный Гром. Застоявшийся конь встретил нашу карету нетерпеливым ржанием. Бедняге пришлось провести в конюшне грэди Адмет почти сутки. За это время дамочка требовала с отца дополнительную порцию зелья. То, что я буду добираться обратно не наемным экипажем, а верхом, мою сопровождающую ничуть не удивило. Хоть Эли она и считала более приличной, но, по мнению дамочки, обе мы отребье, выбившееся в люди благодаря удачной женитьбе отца. И плевать хотела грэди на то, что папа отказался принять фамилию мамы, из-за чего мы почти десять лет не общались с ее родителями. Да и потом дед был к нам весьма холоден.

Зря беспокоились, что появление Грома вызовет вопросы, — грэди подумала: дела отца совсем плохи, и он решил откормить коня за ее счет.

Грэди вообще, судя по всему, особо умом не отличалась. И вопрос, почему отец не забрал меня сам, ее надушенную головку не посетил. Очевидно, решила, что он помимо овса экономит на помощниках, без которых иногда лабораторию так просто не оставишь. Есть риск, вернувшись, обнаружить вместо дома котлован.

Когда моя сопровождающая выбралась из экипажа, я задернула шторы и занялась своей внешностью.

Отстегнула шлейф, развязала шнурки под коленями и откатила лосины, спрятанные под юбкой. Светлая бутоньерка из волос и перчатки отправились в вывернутую наизнанку (темной подкладкой наружу) сумочку. Подшитые изнутри к бокам платья шнурки, незаметные для окружающих, помогли превратить его в тунику. А снятый шлейф,

предварительно снабженный темной внутренней стороной, стал коротким плащом с капюшоном.

Признать во мне девушку сейчас можно было разве что по форме туфель и их слишком светлому цвету. Но тут ничего не поделаешь: проверено, таскать в маленькой дамской сумочке сменную обувь неудобно. Нужно заранее прятать в тайнике. Или носить туфли не в тон платью. Или ездить ночью. В темноте светлое пятно на ногах всадника мало кого заинтересует.

Увидев меня, грэди Адмет недовольно поджала губы, но промолчала. Спросила о том, что ее интересовало куда больше, чем неподобающее поведение бывшей подопечной:

— Когда ваш отец пришлет зелье?

Мысленно усмехнулась такой забывчивости. Отец четко назвал дату, и женщина прекрасно знала, когда будет готов ее «подарок».

— Через три дня, грэди. — И предвидя следующий вопрос, которым дамочка не так давно доставала моего отца: — Нет, грэди, ускорить процесс приготовления нельзя. Вы же не хотите обзавестись витыми рогами?

Шутка была дежурной у всех зельеваров. Постоянные клиенты их магазинов об этом знали и совершенно не обижались. И грэди, часто употреблявшая зелья, была в курсе. Однако она все еще не простила мне ранний уход с бала. Честно говоря, с удовольствием оставила бы ее спать в кресле, если бы не приличия.

— Что вы себе позволяете, милочка?! — взвилась дамочка.

— Простите... — быстро прокрутив в голове ситуацию с точки зрения сестры, привычно начала я.

Ругаться с женщиной не хотелось, да и не было времени. Меня ждали дома. А вежливость сестры часто ставила в тупик хамов не хуже язвительного ответа. Честно говоря, когда тебе много лет говорят равняться на сестру, ты как-то не задумываешься, что можно поступить по-другому. У меня уже была готова мысленная речь, как женщина решила снова открыть рот.

— Вы мне руки должны целовать! — высокомерно заявила грэди, а рядом с ней начала ткаться зеленая змея. Презрение или отвращение — кто ее знает. Они так похожи.

Извинения так и не слетели с моих губ — видимо, сказались волнения сегодняшнего дня, экстренная подготовка к балу и непривычный образ приличной невинной стервозной девы. Иначе не могла объяснить то, что вместо заготовленных слов я, замаскировав язвительность за искренним

участием, спросила:

— Грэди? Неужели вы решили принять сан и удалиться в монастырь?

Аристократки часто покупали низший сан, приносили обет безбрачия и запирали себя в кельях. Но дама, глядящая на меня с недоумением, туда точно не собиралась. По крайней мере, специфическое сильнодействующее зелье, усиливающее, так сказать, женскую активность в постели, говорило о молодом любовнике, а не об отречении от мирских благ.

— Простите, грэди, наверное, я неправильно поняла ваши слова о лобзании рук? — Я решила, что достаточно налюбовалась на растерянную аристократку, не ожидавшую отпора, и тратить время на дальнейшие споры не видела смысла.

Дама промычала что-то невнятное, неопределенно мотнула головой. Кажется, ей совершенно противопоказан алкоголь. Надо отцу сказать. Все же большинство его зелий содержат спирт.

— Благодарю за помощь, — поспешила откланяться я. — Через три дня отец пришлет вам ваш... тоник.

Именно так дама ответила мужу, не вовремя заглянувшему в гостиную, где мы беседовали с его супругой. «Тоник для лучшего цвета лица». Придумают же такое! Не зря отец посмеивается над некоторыми клиентами, просящими вместо настоящей этикетки прицепить безобидную. Ядов он не делает, а остальное... в случае неправильного применения самое большее, что может приключиться, — это легкое несварение.

Создав небольшой голубой светляк, я вскочила в седло. Вспомнила, что забыла о защите для копыт, свесилась вниз, начаровала страховочные заклинания на ноги Грома. Теперь ему не страшны случайные ямы. Моих сил едва хватило. Магиня из меня, честно говоря, не очень. Элиза сильнее... была...

Я посмотрела на часы, шепотом попросила прощения у ни в чем не повинного Грома, погладила по вороной шее и подхлестнула коня.

До Чарлтона добралась в рекордно короткое время — в родословную Грома затесались пегасы. Крыльев у него не было, но при необходимости конь не скакал, а почти что парил над землей. К сожалению, не буквально. Без заклинаний на копытах вполне мог переломать ноги.

Наш дом, он же магазин, ярко озаряли фонари. Заехав во двор, я поспешно спрыгнула со спины Грома. Оставив плащ и сумочку в темной прихожей, я буквально взлетела по лестнице на второй, жилой этаж. Дверь в комнату Элизы была приоткрыта. У стены стоял столик на колесиках. На нем ужин, к которому едва притронулись, и пустой пузырек. Сестра снова плохо ест. Хотя зелье принимает исправно.

В спальне Эли пахло жасмином. Отец с несчастным выражением осунувшегося лица сидел в кресле. Элиза в простом домашнем платье — на кровати.

А вокруг сестры расположились воплощенные эмоции. Серая псина-боль скалилась на алую кошку-ярость, по размерам больше напоминающую не кошку, а рысь. Зеленые щупальца тоски раскинулись на синем ковре. А в воздухе парила острокрылая ящерица — безысходность.

Даже сейчас сестра старалась выглядеть, как полагается приличной элтине: задумчивое выражение симпатичного лица, легкая полуулыбка на губах, раскрытая книга в руках. Казалось, она просто ждет моего возвращения, а не борется с собой.

Я бы на ее месте давно послала этикет в самый темный угол эфира, к самым злобным духам. Но это я. В детстве мама сомневалась, что мы близнецы. Внешность одинаковая — характеры разные.

Не стала тратить время на расспросы. И так ясно: приезжала мама. Я отсутствовала меньше суток, а воплощения — размером с двухдневные. Родительница покидала свою уединенную усадьбу крайне редко, сугубо чтобы воззвать к нашей совести. С последствиями ее визитов приходилось разбираться мне. Запретить матери общаться с сестрой язык не поворачивался — не хватало духу. Она ведь тоже сильно переживала. И пыталась помочь. По-своему.

— Я принесу в твою комнату ужин, Габи. — Отец устало вздохнул и оставил меня наедине с сестрой и ее монстрами.

Первой решила развоплотить самую опасную гостью спальни. Ярость почувствовала мой боевой настрой и оскалилась, плотнее прижимаясь к ноге сестры. Элиза сфокусировала на мне взгляд. Ее лицо на секунду стало кровожадным. Но зелье помогло, черты расправились, сестра устало перевела дух. Ярость недовольно зарычала.

Глубокий вдох, и я воскресила в памяти светлое чувство радости, когда мы с Эли играли у ручья в поместье, в прозрачных струях воды переливались крохотные радуги...

Ярость истерично взвизгнула, превратилась в алое облачко и растворилась в моей груди.

У меня потемнело в глазах, гулко застучала кровь в ушах.

Справляюсь!

Несколько раз моргнув, я сосредоточилась на следующем приятном воспоминании. Нацелилась на боль. Она всегда уходила неохотно. Пришлось к детским воспоминаниям добавить немного радости с выпускного бала, когда мы с Элизой, счастливые, танцевали с кадетами

Военной академии, которых ради праздника допустили в стены Института благородных девиц.

Когда серое облачко, в которое превратилась боль, втянулось в мою грудь, я поспешно, пользуясь подъемом, царившим в душе, развоплотила тоску и безысходность.

Элиза вздрогнула всем телом, утомленно провела пальцами по своей щеке.

Посмотрев на часы, я со вздохом констатировала, что потратила на развоплощение без малого час. Именно поэтому старалась делать это незаметно. Исподтишка. Внезапно замершая посреди улицы девица выглядит слишком подозрительно. А когда люди чего-то не понимают, начинают задавать вопросы. Опасные вопросы.

Я помогла сестре переодеться в ночнушку, вытащила шпильки из ее прически, расчесала волосы. Осторожно уложила на кровать, накрыла одеялом и поцеловала в щеку.

— Отдыхай! Нам завтра рано вставать.

— У тебя получилось? — прошептала Элиза, обеспокоенно глядя на меня.

— Да. Завтра утром я стану женой Витора Алистера. — Смягчила новость. Хватит сестре на сегодня переживаний. Скажу завтра, что по контракту буду его вдовой. Мне еще сегодня с отцом разговаривать. Вряд ли он придет в восторг от скорости развития наших отношений с Витором.

— Так быстро? — изумленно выдохнула Элиза.

— Ему нужна... жена, — легкомысленно пожала плечами.

— Но ведь мы не аристократы? — недоверчиво заметила она.

Сестра не совсем права. Дедушка оставил нам возможность по желанию унаследовать титул. С восемнадцати лет. Но последние полгода на нас с Эли столько всего навалилось. Приставка к фамилии была совсем не тем, о чем мы думали. Дед дулся, демонстративно не навещал, запретив бабушке ездить в гости, но это было и к лучшему. Чем меньше народа в нашем доме, тем меньше опасность разоблачения. Эту истинную причину очередного взбрыка дедули я поняла не так давно. Слишком уж много раз он объявлял нам опалу после очередного спора с отцом.

— Для мастеров теней не играет большой роли, аристократка я или нет, — напомнила я сестре. — В остальном я его вполне устраиваю.

— Ты говоришь так, будто ты племенная кобыла! — возмутилась Элиза.

— Эли, мы уже говорили об этом. — Я со вздохом присела на кровать, погладила сестру по голове. И пока она не собралась с силами и снова не

начала требовать отказаться от безумной затеи, добавила: — Брак будет фиктивным. Можешь не переживать, я ничем не рискую.

— А зачем ему тогда жена? — озадачилась Элиза, укладываясь обратно на подушку, с которой в порыве чувств поднялась.

— Не знаю. Может, у них есть традиция жениться до двадцати трех лет? — усмехнулась я, заметила радостный блеск в глазах сестры: — Прости, Эли, никаких свадебных платьев! — подняла руки в примирительном жесте.

— Но ведь!..

— Витор на этом настоял. — Поцеловав сестру в лоб, я погасила люстру, оставив только ночник в форме цветка жасмина на прикроватной тумбочке, и, пожелав Элизе сладких снов, отправилась к себе.

Отец взволнованно расхаживал по комнате. Я устало опустилась на кровать, покосилась на столик, занятый огромным подносом, заставленным всевозможной снедью. Папа меня явно переоценил.

— Получилось? — Отец сел в кресло напротив, нервно помассировал вначале костяшки пальцев одной руки, потом другой. Взлохматил пальцами волосы, дернул узел на шейном платке.

Он сильно переживал, что в случае моего замужества мастер вполне может захотеть консумировать брак. Было сложно убедить его, что в этом нет ничего страшного. Безусловно, мне неприятно думать, что моим первым мужчиной может стать незнакомый человек, но отцу я сказала совсем другое. А именно напомнила, что половина браков заключается по сговору родителей. И ничего, живут люди и нелюди. Мамина сестра, тетя Мэлори, была вполне счастлива. С мужем — взаимные чувства, хотя первый раз увидели друг друга на собственной свадьбе. Тетя всегда выглядела такой довольной; жаль, что ее больше с нами нет.

В общем, отца я уговорила... и себя уговорила.

К тому же выбора не было. Нам нужен мастер теней. А что касается близких отношений, Витор четко дал понять: как девушка я его не интересую. Даже если бы это было не так, мастер — весьма привлекательный молодой мужчина. Стеснения в его присутствии я не чувствовала. Он казался мне несколько... вымороженным, но кто бы хохмил и балагурил, ежедневно сталкиваясь со злобными порождениями эфира?

— Габи?

Я виновато улыбнулась отцу, поняв, что отвлеклась.

— Да... получилось. — Закатав штанины, я развязала ленты, скинула туфли и блаженно пошевелила пальцами ног. — Но не совсем так, как мы

думали. Точнее, совсем не так...

Родитель подался вперед, облокотился о колени и нахмурился.

— Свадьба состоится завтра на рассвете в центральном столичном храме, — не рискнула начать с главного, побоялась. Отец был не в восторге от всей этой затеи. — Элиза поедет со мной в качестве компаньонки. Витор предложил мне контракт на две недели. Фикцию.

Темные отцовские брови сшиблись на переносице. Я нервно заерзала под взглядом серо-голубых глаз. Все равно придется сказать.

— Па, он предложил стать его вдовой. На две недели. Сказал, что это шутка. Я успею! Все получится! — поспешно выпалила.

Отец недоверчиво покачал головой, тяжело вздохнул, потер пальцами висок, искоса глядя на меня.

— Я не откажусь, — твердо сказала я.

— А я и не отговариваю, — невесело усмехнулся отец.

В этом мы с ним похожи. Всегда идем к своей цели.

Если бы были другими, все закончилось бы шесть месяцев назад. И никакой надежды на счастливый конец нашей «сказки». Мама это понимала и все равно периодически настаивала на своем. У нее элементарно не выдерживали нервы. Дочери аристократа, небогатого, но в энном поколении, такое простительно. Да вот только зельевара, добившегося всего в своей жизни самостоятельно, в том числе и руки дворянки, подобное положение вещей не устраивало. Его дочь тоже. По крайней мере одну. Иногда папа шутил, что я пошла в него, а Эли — в маму.

— Он сказал, зачем ему это нужно? — задумчиво проследив, как я решительно стискиваю кулаки, осведомился отец.

— Нет. — Я расслабилась.

— Шутка... — задумчиво повторил он.

— Так Витор сказал. — Взяла куриную ножку, покосилась на вилку и нож и решила: к духам их, я слишком голодна, чтобы следовать правилам этикета. Кроме того, никто ведь не видит. Папа сам иногда, к ужасу мамы, «забывает» о столовых приборах.

— А сама как думаешь? — прищурился отец. — Действительно шутка?

— Не знаю, — честно призналась я.

Положила косточку на поднос, вытерла пальцы салфеткой и подробно пересказала наш разговор с Витором. Сразу перешла к главному. Опустила несколько часов «прелюдии». Как мы приехали на бал, «случайную» встречу с Алистером. Как потом строила из себя святую наивность и

одновременно намекала на вещи, недостойные добропорядочной элтины.

Я добила своего. Об остальном хотелось забыть. И я забуду!

Отцу шутка Витора тоже показалась подозрительной. Папа похвалил за предусмотрительность. Возможность ездить к нему и взять Эли в качестве компаньонки отлично вписывалась в наш план, который пришлось немного подкорректировать из-за торопливости мастера теней.

Касаясь самой шутки решили: главное, чтобы Алистер соблюдал условия контракта. Пока это так, нас не касается, почему и зачем двэйн решил устроить жестокий розыгрыш.

Быстро доев ужин, мы занялись подготовкой к нашему с сестрой отъезду. Времени осталось мало — едва хватит, чтобы сделать все необходимое.

Отец заперся в лаборатории. Я отправилась инспектировать платяные шкафы. Сначала осторожно, чтобы не разбудить Элизу, пробралась в ее комнату. Потом пересмотрела свои вещи.

Я выбрала самые любимые платья Эли. Добавила пару амазонок. Почти все белье. Забрала всё, что было выставлено на туалетном столике сестры. Вещей получилось прилично. Ну и пусть. Эли и так почти не улыбается. Искренне. А не по требованию этикета.

Себе взяла лишь минимум, Витор обещал поездку по магазинам. Два выходных платья, одно из которых я собиралась надеть, два домашних, лосины, плащ, костюм для прогулок, белье и большая шкатулка с женскими мелочами. С двойным дном, в ней удобно прятать пузырьки с зельями. Влезало туда точно двадцать восемь флаконов. Запас на четырнадцать дней сестре, тонизирующее для меня на тот же срок. Разрешением Витора на поездку к отцу я собиралась воспользоваться в крайнем случае. Если что-то пойдет не так и нам с Эли случится быстро уносить ноги из поместья Алистера.

Зелья принес отец. Ему пришлось доваривать недостающее количество. Убедившись, что я все сложила, отправился готовить экипаж. Запихивая шкатулку в саквояж, подумала, что брать зелья для Элизы без небольшого запаса недальновидно. Понятно, что привлекать внимание слуг пузырьками с сомнительным содержимым, распахнутыми по сумкам, тоже не самый лучший вариант. Но...

Поместье Витора находится далеко от Чарлтона.

Выложила в тумбочку половину своего тонизирующего зелья, которое я вынужденно пила каждый день, потому как развоплощать чужие эмоции приходилось постоянно. Навестила лабораторию отца и взяла зелья Эли.

Поделюсь с отцом своими страхами — и он может отказаться от

сомнительной затеи. Скажет, слишком велик риск. Наверное, даже хорошо, что папа от усталости не вспомнил о непредвиденных ситуациях.

А что до моего тоника — я сильная, справлюсь. К тому же в детстве часто забывала о нем. Да, я была весьма болезненным ребенком, сейчас намного крепче. Правда, тогда я не видела разношерстный зверинец вокруг. Ничего! Кроме последствий развоплощений, никаких физических недомоганий нет. Если, конечно, меня не запереть в доме.

Я выгребла пузырьки из тумбочки и, спустившись в лабораторию, сунула их в утилизатор. Если будет совсем невмоготу, попрошу у лекаря мужа какую-нибудь настойку. Конечно, папа настаивал на зельях его приготовления. Но ведь никакой разницы нет. Тонизирующее зелье — оно и есть тонизирующее зелье.

Последними в тайник отправились двенадцать магических накопителей — все, что мы смогли достать. Их мне предстояло носить в потайных кармашках на поясе платья. Накопители были особыми, со специальной защитой. Проще говоря, магией не фонили. Что нам и требовалось.

Поспешно приняв ванну, переоделась в любимое алое платье с широким поясом под грудью и квадратным вырезом. Соорудила простую прическу, выпила тоника — на сон времени не осталось — и побежала будить сестру.

До ее спальни не дошла. Сердце закололо, потом будто когтями провели изнутри по легким, выбивая воздух. Как же не вовремя! Впрочем, как всегда. Посмотрев на часы, я пришла к выводу, что не успею переодеться. Накинув плащ, я натянула капюшон пониже и выскочила из дома.

Вглядываясь в темные закутки улицы, куда не доставал свет фонарей, я думала лишь об одном: только бы успеть.

Где же ты?

Упавшая на мостовую сверху женская туфелька заставила поднять глаза. Рина, дочка доктора Флина, обхватив себя руками, стояла на крыше. О ее ноги терлась огромная серая псина. А острые крылья безысходности, почти накрывшие хрупкую девушку, были готовы столкнуть ее вниз. По щекам Риной текли слезы. Боль и безысходность росли на глазах. Еще немного, и девушка шагнет вниз! Не успею подняться на крышу. Не успею даже окликнуть! Придется рискнуть...

Я смотрела на дочку доктора, а видела взлетающие к небу качели, слышала свой смех и радостный визг сестры...

Два облака ринулись вниз, они почти окутали меня. Покачнувшись,

схватила рукой за фонарный столб.

Рина вздрогнула, взвизгнула и отскочила от края. Не удержалась на ногах и села на скат крыши.

Я предусмотрительно шагнула в тень. Крик слышали. Из окна дома высунулся отец девушки, посмотрел вверх, побледнел. Потом раздался грохот — Флин побежал спасать дочь. Громко запричитала его жена. Вскоре все семейство сидело на крыше, обнявшись. А я могла вздохнуть спокойно и вернуться домой. Было жаль Рину: девушку соблазнил военный и бросил. Она посчитала, что на этом ее жизнь кончена. Глупость какая! Подумала бы о родителях!

Я незаметно вернулась домой. Минус сорок минут времени — надеюсь, Рина все же поймет, что гробить свою жизнь из-за кобеля в мундире глупо. Меня немного покачивало от усталости. Полпузырька тоника исправили положение.

В спальне сестры ждал очередной «сюрприз». Эли спала, раскинув руки и судорожно всхлипывая во сне. На подушке рядом с ее головой сидел колючий черный комок — страх. Даже во сне ей уже нет покоя!

...Золотистые ветви ивы, колышущиеся над водой, и летящие в небо белые шляпки семян одуванчиков...

Вспомнила раньше, чем сообразила, что делаю...

Черное облако врезалось в мою грудь. За год я научилась без вреда для себя развоплощать эмоции. Но иногда, как сейчас, случались промахи. Чужой страх заструился по жилам, заставил испуганно вздрогнуть. И лишь потом исчез.

Мимолетный взгляд на часы. Пять минут. Не так уж и долго.

— Просыпайся, соня! — Я погладила сестру по волосам. Элиза сонно забормотала, отмахнулась от моей руки. Перевернулась на живот, зарылась в подушку лицом. — Эли, просыпайся! А то опоздаешь на мою свадьбу!

— Уже утро? — Сестра взлохматила пальцами волосы, зевнула, прикрыв рот ладонью.

— Уже.

Глубоко вздохнула. Больше тянуть нельзя!

— Эли, я тебе сразу не сказала, но Витор предложил стать не женой, а вдовой. — Сестра замерла с занесенной рукой, которой собиралась потереть глаза. Быстро добавила: — Это шутка! Глупо, я знаю. Витор хочет подшутить над родными. Вроде: вы меня не ценили, а тут — раз! — и вот...

Элиза смотрела на меня широко распахнутыми голубыми глазами. Очаровательно сонная, наивная и совершенно ничего не понимающая. Все

же какие мы с ней разные!

— Не волнуйся. Это глупая шутка. Почему и зачем — нас не касается. Вставай! А то опоздаем, и будущий покойник передумает на мне жениться! — смех вышел нарочитым и усталым. Надо еще тоника выпить.

Эли медленно кивнула. Посмотрела с укоризной.

Я отрицательно качнула головой в ответ: «Не откажусь, не проси».

Сборы заняли чуть больше времени. Пришлось возвращаться. Одета в серебристо-серое двуслойное платье с завышенной талией, причесанная, сестра вспомнила о любимой стабилизированной магией ветке жасмина, благополучно мною забытой. Эли ничего не сказала, но по глазам видела: сестра обиделась. Эта ветка стала своего рода ее талисманом. Символом того, что все будет хорошо.

Согласна с сестрой: надеяться нужно всегда, даже когда падаешь в пропасть. Вдруг тебе повезет и внизу окажется уступ, за который ты сможешь зацепиться! Или у тебя вырастут крылья! Или прилетит пегас! Потому что, если желаешь чего-то искренне, чудо обязано случиться! Правда, иногда не сразу его увидишь. Но сдаваться — это последнее дело!

Пока ехали в столицу, Элиза молчала, потом, глядя на мелькающие за окном ночные улицы, тихо сказала:

— Это жестоко!

— О чем ты? — Я как раз вытаскивала шпильки из прически и расправляла пальцами пряди, потому что волосы невесты должны быть распущены. Платье, туфли, наличие или отсутствие фаты — все неважно, но волосы надлежит освободить. От всего — как символ освобождения от прошлого. Я как-то упустила этот момент. Вот бы Витор удивился. Безусловно, брак у нас фиктивный. Но оскорблять жрецов не стоит.

— Я о розыгрыше! — Сестра упрямо вздернула подбородок. — Какие бы они ни были, они его родственники! И сообщать им, что он умер, — жестоко!

Так и знала, что с Элизой будут проблемы. Но оставить ее с отцом не могла. Сутки без моей помощи — и... Нет, не думать! Никаких «суток» и «и»!

— Эли, не вздумай сказать Витору, что он поступает дурно. Это наш последний шанс. — Сестра сникла. Слишком резко, знаю. Но если дать слабину, мое вдовство окажется под вопросом. Вряд ли у нас есть еще один шанс подобраться настолько близко к мастеру теней. — Эли?

— Я знаю. Со мной не будет проблем, обещаю. — Элиза опустила глаза, на губах появилась вежливая полуулыбка. Сестра снова спряталась от меня в раковине этикета.

Приличные элтины не истерят, не ругаются. И у них не возникает желания стукнуть сестру покрепче, а потом обнять, расцеловать и разреваться. Потому что страшно: мы приехали, и снаружи отец здоровается с Витором. Мастер теней хвалит Грома и впряженную с ним в пару Весну. Удивляется тому, что родитель сам сидит на козлах. Отец пространно отвечает. Ссылается на спешку и болезнь кучера. Конечно же, Алистер сделает вывод, что наши дела совсем плохи. Так и нужно.

Я должна успокоиться. Но не выходит. Паника нарастает.

Это все эмоции виноваты. Те, которые мне приходится развеивать.

Вдох-выдох...

Даже не нужно задавать вопрос: «Как поступила бы Элиза?» Вон он, ответ, сидит, примерно сложив руки на коленях, с зажатой в пальцах веткой жасмина. Прямая спина, чуть склоненная голова, скромный взгляд из-под ресниц. Полуулыбка на губах.

Пригладив пальцами волосы, я нервно улыбнулась отцу, открывшему дверь экипажа.

Глава 2

— Доброй ночи, Габриэлла! — поприветствовал Витор.

Я чуть склонила голову в ответ, оценив простой, но элегантный темно-синий камзол, сменивший праздничный броский наряд. Рубашка осталась той же. Алистер не сильно утруждался подготовкой к свадьбе. Как и я.

Боль у его ноги немного уменьшилась. Это давало надежду, что мастер сам справится и мое вмешательство не потребуется.

Встречал нас Витор не один. У храма стоял запряженный четверкой лошадей экипаж, на дверцах которого красовался герб Алистеров. Кучер сидел на козлах, выжидательно поглядывал на хозяина — значит, свадьба много времени не займет. У колеса мялся щуплый старик в огромных роговых очках.

— Грэди Лириг, адвокат, — перехватив мой взгляд, пояснил Витор.

Визит в адвокатскую контору отменяется. Контора в лице ее хозяина уже здесь. И, судя по пухлой папке, во всеоружии.

— Позволите?

— Да, конечно. — Я оперлась на руку жениха.

Отец помог Элизе.

Я напряглась. Мы всё проверили заранее. Но вдруг... К моему счастью, никакого «вдруг» не случилось. Витор вежливо поприветствовал сестру. Дождался, когда отец представит их друг другу. Скользнул равнодушным взглядом по произносящей положенные по этикету слова Элизе.

Мне даже немного обидно стало за Эли. Обычно мужчины обращали внимание на скромную красавицу, живое воплощение идеальной невесты и жены. И с подозрением поглядывали на ее косую копию — меня. А тут... Взгляд будущего «покойника» то и дело обращался ко мне, будто Витор наконец решил изучить, кто ж такой прыткий согласился овдоветь. Либо его попросту веселил мой взлохмаченный вид.

— Пройдемте, нас уже ждут в храме. — Витор показал на светлое здание.

— Молодой человек, — остановил нас отец, — мы бы хотели вначале обсудить условия.

— Разве ваша дочь вам не рассказала? — с подозрением поглядел на меня двэйн.

— Рассказала, но этого недостаточно. Нам нужны подробности.

Я усердно закивала, поддерживая отца.

— Конечно, как вам угодно, — недовольно поморщился Алистер. —
Прошу, пройдемте в храм. Грэди Лириг!

Я переглянулась с отцом.

В храме нас встретил одетый в белую хламиду бритоголовый жрец. Наша просьба немного подождать с обрядом, пока мы знакомимся с документами, его не удивила. Наверняка и не такое видел за долгие годы службы. Сопроводив нас в одну из комнат, примыкающих к главному залу, он удалился.

Вначале мы принесли клятву о неразглашении — обычная практика в работе адвокатов. Затем грэди Лириг дал нам с отцом три заранее подготовленных документа: брачный договор, контракт на исполнение услуги и бланк свидетельства о браке, который заверит жрец после церемонии.

— В брачном договоре не оговорен срок брака, — пододвигая бумаги к сидящему рядом Витору, заметила я.

— Он оговорен в вашем контракте на услугу. В брачном договоре указано, что имеется возможность расторжения по желанию сторон. Этого достаточно, чтобы выполнить условия сделки и не нарушить мои планы необычной припиской в брачном договоре, — последовал слегка раздраженный ответ, и мне показали на микроскопическую приписку внизу последней страницы. От волнения я ее проглядела. И, уже обращаясь к моему отцу: — У вас есть вопросы, элт Даннер?

Отец внимательно просмотрел документы и отрицательно покачал головой.

— Превосходно. Быть может, тогда подпишем и приступим наконец к бракосочетанию? — И как это у Витора получается задавать вопросы так, что они звучат как приказы?

Свадьба, если можно так назвать ночную церемонию, заняла от силы десять минут. Выяснилось, я много не знала об обряде бракосочетания.

Например, что необязательно идти в главный зал и становиться перед алтарем. Достаточно жреца, ритуальной чаши и кинжала. Оказывается, храмы весьма условно открыты в ночное время. И вообще, при желании и увесистом денежном подкреплении жрец вполне мог бы приехать на дом и провести обряд в теплой семейной обстановке. Подобного желания ни у нас, ни у Витора не возникло. Мы играли роль увязшего в долгах семейства. Мастер торопился начать свою шутку и не хотел тратить время на доставку жреца в поместье.

А еще я не была в курсе того, что жрец может сильно сократить свою

речь, оставив от нее несколько предложений и собственно заклинание, тоже урезанное. Без «пока смерть не разлучит нас».

Служитель храма снова ничуть не удивился просьбе Витора озвучить эконом-вариант.

Пары не всегда уверены, что их брак будет долгим и счастливым. Кроме того, при желании сделать его нерасторжимым можно и потом.

Чем многие молодые семьи иногда и пользовались. Конечно же, сие не афишировалось.

— Вытяните правую руку над чашей, — закончив шептать заклинание и налив в чашу немного воды, тут же засиявшей золотом, попросил жрец.

Стянув перчатки, я поморщилась, когда кинжал прочертил тонкую полосу на моей ладони. Витор молча протянул жрецу небольшой темный флакон. И тот, под нашими удивленными взглядами, ловко свинтив крышку, окропил лезвие кровью. Вода в чаше стала вначале серой, потом пурпурной — магия приняла нашу кровь.

— А разве так можно? — Мог бы и сказать! Боли я не боюсь, но все равно неприятно. Да и не по-мужски как-то. Девушка руку под кинжал подставляет, а он готовый флакон с кровью подает.

Витор страдальчески закатил глаза, приподнял рукав и показал бинт, из-под которого исходило свечение целительской магии. Когда успел пораниться? На балу я хорошо рассмотрела его руки, никаких бинтов не было.

— Издержки профессии. После нашей встречи, Габи, мне пришлось прогуляться с коллегами по столице, — криво усмехнувшись, пояснил Алистер. — Прогулка получилась несколько более насыщенной, чем планировалось.

Обитатель эфира прямо здесь? Я с трудом сдержала нервную дрожь. Уловила тихий испуганный вздох сестры.

— Не волнуйтесь, мы его уничтожили, вам ничего не грозит, — успокоил Витор. — А мои раны... скоро все заживет. Пришлось просить доктора взять кровь из вены на ноге, куда не успела добраться магия целителя. Поверьте, это никак не повлияет на обряд.

Жрец согласно кивнул, подтверждая, что так и есть. Протянул чашу Витору. Выпив половину, он отдал ее мне. Незаметно покосилась на растерянную сестру, которой даже в страшном сне не могла присниться такая свадьба, потом — на хмурящегося отца. Он готов остановить обряд. Нет уж!

Вода в чаше была самой обычной на вкус. Стоило сделать последний глоток, как порез на руке затянулся.

Витор надел мне на палец тонкий ободок обручального кольца и запечатлел на губах целомудренный поцелуй. Быстрый и легкий настолько, что я ничего не почувствовала, кроме ветерка у своего лица.

Заметив мое удивление, Витор насмешливо фыркнул и подставил руку, чтобы я могла надеть кольцо. А потом наступила моя очередь его целовать. Привстав на цыпочки и обняв ладонями лицо Алистера, я старалась думать о том, что он не мужчина, а часть нашего плана. Но вспомнила, как от меня отделались условным прикосновением. Стало обидно. Понимаю, фиктивная свадьба, фиктивная жена. Но мог бы сделать вид, да хоть для того же жреца!

Поцелуй получился спонтанным. Вначале я будто коснулась холодного мрамора. Потом губы мужа потеплели, вступили в игру... И резко, но осторожно отодвинули от себя.

Сзади закашлялся отец. Тихо вздохнула сестра — вышло это у нее подозрительно радостно.

Вот как ей теперь объяснять, что мой поступок был продиктован не чувствами, а глупой обидой, появившейся на пустом месте?

Витор заострять внимание на моем поведении, не соответствующем нашему договору, не стал. Видимо, решил, что охотница за мужьями набивает себе цену. Или проверяет, можно ли продлить контракт по его окончании.

Вскоре мы вышли из храма с полным пакетом документов. Мне вручили оригинал свидетельства о браке и брачный договор, контракт вдовы я спрятала в шкатулку — открыть ее без моей крови не получится. Отцу достались копии.

Пока мы были в храме, кучер перенес наш багаж в карету Витора. Алистер сообщил, что план изменился. Покупок не будет. Мой внешний вид полностью соответствует ситуации. А количество чемоданов дает надежду, что он не изменится в худшую сторону.

Отец, прощаясь, шепнул:

— Береги себя, Габи. И будь с ним осторожна.

— Па! — возмущенно начала я, поняв, что родитель намекает на глупый поступок в храме.

Отец нежно погладил по голове и грустно улыбнулся.

— Тебе ведь всего восемнадцать...

— Не надо, не начинай, — поморщилась я. — Мне уже восемнадцать, па! Целых восемнадцать!

Чмокнула его в щеку и отбежала к сестре, ждущей у кареты Алистера.

Витор проводил отъезжающий экипаж отца задумчивым взглядом.

— Берт, будь добр, подожди наших дам на той стороне моста, — неожиданно приказал Алистер.

Кучер расплылся в довольной улыбке, и вскоре карета скрылась из виду.

— Прогуляемся, барышни? — Снова вопрос-утверждение.

— Что вы делаете? — удивленно покосилась на Витора, когда поняла, что он, оказавшись за спиной, приобнял одной рукой за талию, а другой сжимает мои пальцы. Как в танце. Или... не может быть! Я скосилась назад, на сестру. Судя по ее удивленному и довольному лицу и тому, что Эли отступила от нас на добрый десяток шагов, все именно так и выглядит.

Был один негласный обычай. Новобрачные должны вместе перейти через мост, точнее, через воду. Муж ведет жену, защищая со спины. Следом за ними, на приличном расстоянии, идут родственники. Завершался символический переход в новую жизнь поцелуем.

— Вы напряжены. Что-то не так? — направляясь к мосту, невинно спросил будущий покойник, логику поступков которого я совершенно не понимала.

— Не знала, что вы поклонник народных традиций. — Я растерялась, ответила спонтанно первое, что пришло в голову. Потому что от удивления забыла: нужно вести себя как охотница за мужьями, прикидывающаяся овечкой. — Все эти народные традиции — это... — Я неопределенно повела плечом, демонстративно наморщила нос, надеясь хоть немного реанимировать себя в глазах супруга.

— А почему бы и нет? Народные традиции весьма забавны. Вреда от них никакого, как и пользы, зато сколько скрытого смысла! — усмехнулся в ухо муж. — Я лишил вас возможности проехаться по магазинам, считайте это компенсацией. Юные элтины любят всякие красивые обычаи.

Хотелось поверить его словам. Но после урезанного обряда в храме не выходило.

— Не верите? — Мне помогли подняться по ступенькам, заботливо придерживая за талию.

— Нет.

— Правильно делаете, — тихо рассмеялся Витор. — Во-первых, это отличный способ поговорить наедине. Проинструктировать вас. Во-вторых, у нашей свадьбы, помимо вашей сестры, есть еще один свидетель.

— Все это ради него? Ради кучера? Зачем? — спросила и поняла, что забила очередной гвоздь в крышку гроба образа охотницы за мужьями. Девушку с подобным характером это бы не удивило. Надеюсь, Витор посчитает, что я увлеклась образом святой наивности. И переиграла.

— Чтобы он подтвердил ваш рассказ. — Алистер замедлил шаг.

— Какой? — Сильно переиграла.

Прав был папа, когда сомневался в моих актерских способностях! Одно дело — равняться на сестру, другое — пытаться воспроизвести ушлых подруг из института и пансиона. Но ведь они тоже иногда заигрывались? Потом хвастались, как мужчин восхитили их внезапная наивность и неопытность. Придется и мне восхищаться.

— Сегодня такая насыщенная ночь... — пролепетала я, — столько всего произошло... право слово, я не понимаю, о чем вы?

— О нашей свадьбе. Как вы уже заметили, Габи, я не стал подделывать документы, подкупать жреца и адвоката. В наших бумагах стоит сегодняшняя дата.

Согласно кивнула. Этому факту я очень удивилась. Куда безопаснее было бы сказать, что мы давно знакомы и женаты не первый день.

— Скажем так, мое окружение весьма... въедливо. Если вы начнете утверждать, что знакомы со мной давно, они непременно докопаются до правды. А мне это не нужно.

— Шутка не удастся? — не сдержалась от язвительного замечания.

— Именно. Сейчас мы выйдем на верхнюю точку моста. Улыбайтесь, Габи. А то на лице вашей сестры больше радости, чем на вашем. Иначе я буду вынужден внести в наш контракт обязательные улыбки.

Я, повернувшись вполоборота, продемонстрировала супругу ну очень радостную улыбку.

Мне ответили почти такой же гримасой и тихо посоветовали:

— Меньше восторга, и я оставлю наш контракт неизменным.

Выполнив нехитрое требование, я незаметно покосилась на шагающую рядом боль мастера, подростку во время разговора. Озадаченно нахмурилась, потом вспомнила об угрозе Витора, расплылась в счастливой улыбке и приготовилась слушать историю нашей внеземной любви, за несколько часов превратившую скромную элтину в почтенную двэйну.

— Мы встретились на королевском балу дебютанток. — Витор остановился, а так как он придерживал меня за плечи, пришлось застыть посреди моста. — Мы с вами познакомились... случайно.

Помню-помню. Несмотря на все ухищрения, Витор меня попросту не замечал. Смотрел сквозь меня, беседовал с другими девушками. Пришлось «случайно» наступить ему на ногу.

— ...Вы мне сразу понравились...

Да! Именно это было написано на лице мужчины, которому испортили

начищенный носок его сапога своим каблуком. В момент этого самого «понравились» Алистер посмотрел так, что я чуть не отказалась от авантюры. Вовремя вспомнила об Эли.

— ...Мы мило побеседовали...

Согласна, наверное, со стороны так и выглядело. Я извинялась, старательно стреляя глазками. Алистер смотрел четко в вырез моего платья и кривил губы. Я всегда была подвижной, а последние полгода выдались особенно богатыми на всевозможные поездки и прогулки — похвастаться пышными формами не могла. Впрочем, Элиза тоже отличалась стройностью, как и мама, — видимо, это у нас семейное.

— ...Вы показали себя весьма интересной собеседницей...

Знал бы он, как нелегко мне это далось! Вести себя как охотница за мужьями, изображая святую наивность, и при этом не дать собеседнику сбежать было ой как непросто! Все три темы, на кои приличная грэди или элтина может беседовать с молодым мужчиной, быстро исчерпали себя. Погода была самой обычной для начала июня. Ливни сменила жара. Событий государственной важности, кроме бала, не имелось. А тему искусства Витор закружил сам.

— ...После мы танцевали...

К моей радости, поняв, что говорить не о чем, Алистер сам меня пригласил.

— ...Хорошо провели время...

Кто как. Во время танцев я была занята. Старалась показать молчаливому партнеру, не выдавившему из себя за все три танца ни слова: я в восторге от него. Боялась, что интерес в зеленых глазах померещился.

— ...Свидетелей нашего знакомства достаточно, — закончил Витор.

Бесспорно.

Если он сейчас скажет, что влюбился с первого взгляда, рассмеюсь. Слишком нереально.

— Я нашел вас достаточно интересной, — совсем не романтично продолжил Алистер. — Навел справки.

Будь на моем месте Элиза, она бы расстроилась, а я лишь согласно кивнула. Такой вариант мне нравился гораздо больше, чем внезапно ослепившие мастера и меня заодно чувства — родственники могут приворот заподозрить. Мастера устойчивы ко всякой магической гадости, и жертвы розыгрыша об этом вспомнят. После того как попортят мне нервы. Оно мне надо?

— Я посчитал, что вы мне подходите. Вы согласились на мое

предложение. Я решил не тянуть. Ваш батюшка был вынужден согласиться. — Витор говорил тихо, деловым тоном, склонившись к моему уху. Дыхание щекотало чувствительную кожу, заставляя чуть поводить плечом. А по моим плечам неторопливо путешествовали ладони Алистера. Приятно. И непривычно. А со стороны наверняка кажется, что счастливый муж что-то показывает новоиспеченной супруге, попутно пользуясь случаем, чтобы заявить свои права на нее.

Романтика.

Интересно, зачем? По легенде, в наших отношениях чувствами и не пахнет.

Краем глаза заметила, что Элиза восторженно улыбается, сжимая ветку жасмина. Улыбается! На самом деле! Ради такого я готова и дальше играть эксцентричную парочку. И даже не стану переубеждать сестру, когда она заявит, что между мной и мастером есть что-то большее, чем контракт вдовы.

— Зачем тогда все это? Мост, объятия? — спохватилась я, понимая, что вот-вот окончательно выпаду из образа. Повернулась к Витору, расправила его шейный платок.

— Видите ли, Габи... — Алистер склонился к моему лицу и говорил, почти касаясь губ.

Мы стояли между двумя фонарями, в сером полумраке. Уверена, нашим свидетелям казалось, что мы целуемся.

— Вы весьма привлекательны. А я вполне нормальный мужчина. Вы мне симпатичны.

Все, не понимаю я его! То договор, то симпатичная. И уши горят почему-то. Хорошо, мы в тени. Совсем запутал.

Если он хочет сказать, что для всех мы выглядим как пара, решившая совместить полезное («удобного» мужа и не менее «удобную» жену) с приятным, пусть так и говорит!

— Вам нужен муж, мне — жена.

Сказал. Но спокойней на душе не стало.

Бессонная ночь дает о себе знать, не иначе. Совсем запуталась. А еще вчера была уверена, что мне не составит труда четко следовать плану и все получится.

— ...К тому же вы ведь не были против в кабинете; почему я должен отказывать себе в маленьких радостях сейчас?

В кабинете?!

Я возмущенно посмотрела на Витора. Вспомнила, как вела себя на балу, как намекала мастеру... выдавила понимающую улыбку.

План! У нас есть план!

И меня совершенно не оскорбили слова Алистера.

Ведь даже была согласна стать его любовницей. Смысл теперь пыхтеть и краснеть?

Кабинет — значит, кабинет.

Иногда и не такое случается. Вон в храмах не зря столько комнат вокруг главного зала. Иногда новобрачные уединяются в них после обряда. Ситуации бывают разные.

— Прошу прощения, если оскорбил. Для всех мы провели время... вместе в одной из комнат храма. — Очевидно, Витор пришел к выводу, что такой вариант больше подходит для его розыгрыша. А то уж очень ветреной я получилась.

— А как же жрец? — Вряд ли он подтвердит то, чего не было.

— Он подтвердит.

— Но вы же его не подкупали? — вышло несколько ехидно.

— Не подкупал. Пожертвовал некую сумму в пользу храма. Он охотно согласился помочь с нашей проблемой.

— Проблемой? — Какой-то слишком сложный выходит розыгрыш.

— Мы с вами не дождались церемонии в храме. Ваш отец был недоволен.

Отпраздновали сделку прямо в кабинете. Бывает! Я сдержала смешок. Сзади донеслось тихое хмыканье.

— Жрец при необходимости все подтвердит. Вам останется сказать сестре, чтобы она молчала. Но думаю, она и так не будет мешать нашему счастью. — Эли теперь будет молчать как рыба. Афера, которая ей вначале не нравилась, сейчас для сестры выглядит романтическим приключением. — У меня осталось не так много времени. — Меня развернули лицом к парапету и заставили облокотиться спиной на грудь.

Стоять, опершись о грудь мужчины, оказалось приятно. А то, что не хотелось, чтобы он выпускал из объятий, так это от не по-летнему холодного воздуха. Надо было взять накидку.

— Слушайте внимательно. Сейчас вы отправляетесь в мое поместье...

Отлично: целый день, чтобы продумать свое поведение.

— ...Сутки играете счастливую новобрачную, которой несказанно повезло с мужем.

Скромно, однако. Впрочем, с мужем действительно повезло.

Я кивнула, никак не выдав своих истинных чувств.

— ...Вы собирались пожертвовать собой ради спасения семьи, а я оказался не таким уж чудовищем.

С этим я справлюсь.

— Где будете вы? — отрешенно глядя на отражения фонарей в темной воде, уточнила я то, что действительно было важно для меня.

— Я присоединюсь к вам в поместье, сейчас мне придется уехать по делам, — последовал сухой ответ. В объятиях Витора стало некомфортно.

Попыталась повернуться. Не позволил. Исподтишка посмотрела на боль. Псина подросла. Не нравятся мне ее метаморфозы. Надо убирать при первом удобном случае.

— Я правильно вас поняла, двэйн, ваша... кончина случится не сразу? Вначале вы покажете всем, что неожиданно увлеклись супругой?

— Нет. В поместье я прибуду инкогнито. Известие о моей гибели придет на следующий день. Не волнуйтесь, я буду рядом.

— Чары для отвода глаз? — предположила я.

— Нет. Увидите.

Сюрпризы не люблю. Но и рисковать контрактом, выясняя, как именно «покойник» собирается находиться со мной рядом, не стану. Мало ли способов.

— Прибыть. Сыграть счастливую новобрачную. Дождаться известия о вашей смерти. Что-то еще? — Я чуть отклонилась в сторону, скосилась на Витора.

— Не пытаться больше изображать из себя расчетливую стерву, — внезапно припечатал Алистер.

— Не понимаю, о чем вы, — ответила равнодушно, для убедительности плечами пожала. Внутри похолодело: неужели все настолько плохо?

— Вы верно подметили: некоторым мужчинам нравятся девушки, понимающие, на что идут, но умело маскирующие свою суть за благообразностью. И у вас почти получилось убедить меня в этом.

Я, задержав дыхание, ждала, что скажет Алистер. Неужели сведения о нем, которые с таким трудом достал отец, неверны? В бумагах было написано, какая категория женщин ему нравится. Расчетливые, в меру симпатичные, знающие, чего хотят.

— Увы, Габи, видеть подобную даму в качестве пусть и временной, но супруги я не хочу.

Но ведь я такая? Точнее, он должен думать, что такая.

— Почему?

— Считайте это чудачеством.

— Не находите, что вы еще слишком молоды для чудачеств? — Я прикусила губу. Надо бы — язык, чтобы не молот всякую чушь.

— Скорее, я слишком стар для них! — хмыкнул Витор.

Мысленно улыбнулась на столь тонкий намек на мой возраст. Хотела ответить, что некоторые и в пятьдесят молоды душой. Вовремя поняла: звучит двусмысленно. Алистер может решить, что я назвала его дряхлым стариком.

А пока Витор довольно, с полуулыбкой смотрел на меня, я решила подтвердить его догадку — безумно хотелось избавиться от образа стервы, в котором я чувствовала себя не настолько комфортно, чтобы поддерживать его две недели. Лучше уж быть неточной копией сестры, так привычней. Заодно и намекну Алистеру, откуда повышенный интерес именно к мастерам теней. Причина будет логичной и вполне обычной.

— Да, вы правы, у отца есть некоторые проблемы. Серьезные проблемы. Но вы, как мне показалось на балу, хорошо об этом осведомлены? — тихо ответила я. — И еще мне показалось, что я могу их разрешить. — Слова больше заботливой дочери, чем стервы. — К сожалению, я не придумала ничего лучше. Отец не хотел соглашаться, но...

— Но терять магазины и усадьбу не хотел больше? — Витор не скрывал презрения и сарказма.

— Вы не знаете... — пространно начала я оправдывать отца.

— Не стоит его оправдывать, — безапелляционно отрезал Витор. — Вы хотели помочь? Решить его проблемы? Вы их решили. Ваш выбор мастера теней я прекрасно понимаю. Мы не придаем значения тому, кем является супруга по рождению.

Вроде бы он подумал, как мне нужно. Но на душе было беспокойно. Не так все просто с этой шуткой. Ой, не просто.

Алистер вытянул руку, и я восторженно выдохнула, отвлеклась от невеселых размышлений.

В воздухе над водой вспыхнули серебристые круги и синие спирали защитных заклинаний, установленных на случай аварий или непреодолимого желания какого-нибудь жителя столицы утопиться. Витор просто влил в них немного магии, сделав видимыми. Маги часто так развлекались, когда хотели впечатлить своих спутниц. Алистеру это точно удалось.

В свете романтической иллюминации моста мы дошли до его края. Муж склонился ко мне и поцеловал. Долго, с расстановкой, до дрожи в коленках. Губы у него были жесткие, но сводила с ума нежность, которую он вкладывал в поцелуй. Пришлось напомнить себе, что это всего лишь спектакль. Для двух зрителей — кучера и Эли. Потом Витор подхватил слегка дезориентированную меня под локоть и помог забраться в экипаж.

Подсадил Элизу и закрыл дверь. Отдал распоряжение кучеру и растворился в воздухе — буквально. Исчез в тени. Только что стоял рядом, довольно улыбался, и вот уже густая черная тень растеклась темным туманом.

Простые люди считают, что мастера теней, защищающие нас от монстров эфира, могут и сами уходить туда. На самом деле они только перемещаются по тонкой грани между реальностью и миром духов, по тени. В эфире нет места живым. Там лишь духи и души, идущие дорогой перерождения.

Карета плавно тронулась. Ехать нам предстояло часов тринадцать-четырнадцать. Судя по лошадям, в родословную которых явно затесались пегасы, без остановок. Сразу в поместье. В особняке. А потом меня ждут несколько часов знакомства с родственниками.

Все это — в закрытом магически помещении.

На карете стоит защита. На поместье и особняке, конечно же, она тоже присутствует.

Что ж, на ежедневную прогулку придется выбираться тайком. Надеюсь, на доме не будет глухой магической защиты, через которую после отбоя не пройдешь, как на пансионе, иначе придется снова озвучивать легенду о врожденном заболевании. Пусть я и фиктивная временная жена, но говорить родственникам Алистера о своей «болезни» желания нет. Шутка все больше напоминает проверку родных на вшивость. Зачем давать им лишний повод избавиться от меня до назначенного срока? Пусть считают мои прогулки чудачеством. Но лучше будет, если они не узнают о них. Значит, сегодня в любом случае придется выбираться на свежий воздух тайно.

Я откинулась на мягкую спинку сидения. Собиралась немедленно заняться разработкой плана: как вести себя по прибытии в поместье, что делать потом, когда мне сообщат о «гибели» мужа, чтобы не переиграть ненароком. Не суждено.

Элиза, до этого копавшаяся в своем саквояже, протянула мне кокетливую алую шляпку, веер и перчатки в тон. Второй серебристый комплект дамских штучек лежал рядом с сестрой. Ну что ж, да здравствует этикет!

Сначала в пансионе, потом в Институте благородных девиц нам неустанно повторяли: вы можете забыть надеть чулки, но не должны выходить из дома без шляпки, перчаток и веера.

Я была кошмаром наставниц. Шляпки с моих волос откалывались и, подхваченные порывом ветра, улетали в неизвестном направлении. Иногда в известном, но достать потеряшку, например, с макушки дерева или шпиля

ратуши не представлялось возможным. Поэтому я предпочитала зонтики или накидки с капюшоном. Носить неудобно, но, по крайней мере, никуда не улетает. Перчатки я надевала в случае острой необходимости, как сегодня, на бал дебютанток. Потому как они, перчатки, будто чувствовали мое недовольство тем, что нужно прятать руки в куски ткани, — сползали к запястьям, несмотря на резинки, и выглядели непрезентабельно. Веера я попросту теряла. Хотя иногда они были неоценимы. Скрыть зевоту во время «интересной» беседы или улыбку, когда этикет требует серьезного лица, а ты давишься смехом.

Поэтому шляпок, перчаток и вееров в моем гардеробе было мало. Зато у Эли явный излишек — сестра регулярно пыталась исправить меня, жертвуя чем-то в мою пользу. Придется согласиться: в такие моменты я снова видела примерную Элизу, за мягкой внешностью и безупречными манерами которой скрывается та еще упряmica.

— Ты ведь теперь двэйна! — перехватив мой скептический взгляд, напомнила сестра.

— Временно! — улыбнулась, и, прежде чем Эли начала читать лекцию о правилах поведения: — Спасибо. Я все надену. Когда приедем.

Элиза недовольно закусилла нижнюю губу, задумалась и согласно кивнула. Аккуратно сложила вещи обратно, вытащила пару подушек, спрятанных в отделении под сидением, и плед. Вопросительно покосилась.

— Мне не нужно, я пока не буду спать, — без слов поняла сестру. — Мне надо подумать, как себя вести.

Она нахмурилась, рядом с ее туфлей появилось сизое облачко. Тревога. Эй! Так не пойдет!

— Эли, все будет хорошо. Я справлюсь.

— Я знаю, — укрывшись пледом, Элиза подложила подушку под голову, — но все равно тревожно. А вдруг мы ошибаемся и... у нас ничего не выйдет?

— Хватит! — резко оборвала я, чувствуя, как неуютно становится мне в закрытой наглухо карете. — Мы не ошибаемся. У нас все получится, слышишь? Получится. Хватит сомневаться. Думай о хорошем. И все будет хорошо.

Отчитывая сестру, я опустила стекло на окне экипажа, вдохнула свежий утренний ветерок, подставила лицо под прохладные порывы, прикрыла глаза. Некоторое время просто дышала. Постепенно ощущение, что стены давят, исчезло. Посмотрев на Эли, встретилась с обиженным взглядом. Тревога немного уменьшилась. Но справиться сама сестра не может, тут и слепому понятно.

— Габи, не надо, я смогу... — Жестом заставила Эли замолчать — сестра не видела эмоции, но прекрасно знала, что я делаю и как мне приходится порою нелегко. Но не сейчас. Тут даже спорить не о чем!

...Цветущий вишневый сад. Шаловливый ветерок срывает лепестки. Они кружатся, словно снежинки. Теплые. Ароматные...

Тревога растворилась с моей груди. Не такая уж большая. Но было нехорошо. Бессонная ночь, поспешные сборы, волнения. Погулять бы сейчас. Но нельзя. Я послушная жена. Муж сказал — в поместье, значит, едем в поместье.

— Габи? Ну зачем ты? — взволнованно прошептала сестра. — Тебе нехорошо?

— Нормально. — Достала из саквояжа шкатулку, выпила пару глотков тоника.

Неприятные ощущения отступили.

— Спи, все хорошо, — заверила я Эли.

Сестра глянула на меня исподлобья.

— Правда хорошо. Я просто устала, — улыбнулась в ответ на невысказанные сомнения. Эли протянула мне подушку. — Спасибо, — кивнула я. — Спи. Я немного подумаю и тоже прилягу.

Элиза вздохнула и закрыла глаза.

Я, пристроив подушку под боком, прислонилась к стенке так, чтобы воздух из открытого окна обдувал лицо.

Самая сложная часть плана позади. Я жена мастера теней. И у меня есть возможность быть рядом с ним. Магические накопители надежно спрятаны в поясе. Осталось убедительно сыграть роль вдовы.

И никаких «но» и «если вдруг». У меня все получится. Я справлюсь. Ради чего Витор затеял все это — меня не касается. Примерно представив, как себя вести, я задремала.

Разбудил меня шум постоянного двора и вежливый стук в дверь экипажа. Кажется, я ошиблась, предположив, что Витор хочет доставить меня в поместье как можно скорее. Остановка у нас все же будет.

Эли уже проснулась и, пряча радостный блеск в глазах, натягивала перчатки. Шляпка кокетливо сидела на идеальной прическе. Быстро соорудив некое подобие у себя на голове, я закрепила приготовленную сестрой шляпку; перчатки натягивала на ходу, веер болтался на цепочке, которую я надела на запястье. Мне не терпелось выйти наружу, выбраться из магического контура и размяться.

Кучер помог спуститься. С вежливым поклоном сообщил, что двэйн Алистер позаботился о нашем комфорте, заранее заказав обед на станции,

где предстояло сменить лошадей. На трапезу и отдых у нас был час. Я уныло вздохнула — я же спешу увидеть поместье мужа! — внутренне ликуя. У меня есть время на небольшую прогулку.

Станция находилась в городке на берегу Ирвэйны. Здесь было шумно, многолюдно. Первым делом мы с Эли решили прогуляться. Я пыталась оставить ее в ресторации при станции, но сестра уперлась, напомнила, что компаньонке двэйны нужно находиться рядом с хозяйкой. Пришлось сдерживаться, не давая себе идти с той скоростью, которую требовало мое тело, и в заросший парк неподалеку от станции мы вошли прогулочным шагом.

Тянуло пробежаться, пронестись, едва касаясь земли носками туфель, вдоль пустынных аллей. Но прекрасно понимала: сестра попросту не успеет. А если вспомнить, что я никому не говорила о том, как изменились прогулки в последнее время... Эли и родителям и без меня хватает волнений.

Мы возвращались обратно, когда тень дерева неожиданно вытянулась и обрела форму, пахнуло болотом: гнилью, застоявшейся водой и разложением. «Аромат» был настолько сильным, что мы инстинктивно отшатнулись назад. Это нас и спасло. Соткавшийся из сумрака мужчина в порванной одежде оскалил острые зубы.

Что за идиот вызвал болотного духа?

А тем временем воплотившийся в нашем мире монстр выбрал жертву. Он оттолкнул меня и бросился на Элизу. Глаза сестры испуганно округлились, а потом вспыхнули белым огнем. Показалось, что вижу, как у нее растут клыки. Рядом с Эли появилась огромная, почти по плечо сестре, ярость.

Нет! Не позволю!

«Эли, держись!»

Нападавший затормозил — не ожидал, что жертва выкинет такой номер.

Мне этого хватило.

Мгновенно оказалась рядом, вцепилась пальцами в лацканы порванного пиджака. И, даже не поморщившись от вонючего готового занять новое тело духа, перенеслась в противоположный конец аллеи.

Мужчина был почти на две головы выше и вдвое тяжелее, но злость придала сил.

Еще один вдох — и я на месте, куда меня оттолкнул дух. Одна.

Воплотившийся в мужчину дух удивленно оглядывается по сторонам. Не понимая, как он оказался так далеко от намеченной жертвы.

Хорошо. Значит, и Элиза не разберется, что случилось. Эли...

Я рывком повернулась к сестре.

Клыкков пока не было, но белая сияющая пелена заволокла не только зрачок и радужку, но и почти весь белок.

«Эли, не смей сдаваться!»

Радуга, ручей, смех...

Ярость зарычала, и меня окутало алое облако. Голова закружилась. Я справлюсь!

Элиза обессиленно опустила на мостовую. Глаза снова стали привычными, голубыми.

Успела!

Я нервно поправила чуть не улетевшую во время моей сумасшедшей пробежки по аллее шляпку, натянула сползшие перчатки, взволнованно потеряла цепочку веера. Постаралась выглядеть испуганной юной элтиной, увидевшей в противоположном конце аллеи нечто жуткое. К слову, дух как раз собирался сбежать — передумал на нас нападать.

Вокруг нас из теней выступали мужчины в серых мундирах. Мастера мгновенно оценили ситуацию и исчезли снова, чтобы вынырнуть рядом с почти скрывшимся духом. Они окружили оскалившегося мужчину и вместе с ним ушли в тень.

— Как вы, грэди? — учтиво поинтересовался мастер, которого я не заметила, занятая духом. Нам оставили охрану. Или тюремщиков. Зависит от того, окажемся ли мы случайными свидетелями или жертвами духа.

Я не успела разобраться, с кем именно из болотных обитателей мы столкнулись. Но судя по тому, как внимательно, с подозрением нас разглядывали мастера, дух был не из слабых. А мы до сих пор живы лишь потому, что он не ожидал получить отпор.

— Как вы себя чувствуете? — настойчиво повторил мастер.

— Все хорошо. Вы вовремя. — Я с благодарностью посмотрела на худощавого мужчину в сером мундире, стараясь не обращать внимания на легкий холодок, блуждающий по коже. Меня проверяли.

Стандартная процедура.

Духи, так или иначе попавшие в наш мир, могут влиять на людей и нелюдей. Хорошо, если это будет обычное психическое расстройство. А не что похуже.

Краем глаза отметила, что второй двэйн помогает Элизе подняться.

Сама того не осознавая, затаила дыхание. Мастера были много сильнее тех, кого мне приходилось видеть.

Но наше зелье сработало. Эли, опираясь на руку мужчины, подошла ко

мне. Бледная, немного испуганная, самая обычная девушка.

Нас признали неопасными. Случайно оказавшимися рядом с местом, где беглый маг вынырнул из теней (дух? какой дух, грэди, вы о чем?). А то, что магам магия теней недоступна, юным созданиям вроде нас знать не положено.

Нас проводили до станции.

Мне удалось узнать, что духа вызвал местный маг. Желал получить могущество, но существо оказалось сильнее незадачливого мага. В итоге мужчина был выпит. А бестелесное создание эфира получило плоть и кровь.

Конечно же, мастер так не сказал. Отделался от назойливой грэди — меня — общими фразами, смысл которых сводился все к тому же. Маг был опасен, поэтому служба магического сыска подключила мастеров теней. Но все было понятно и без его пояснений.

Большинству духов эфира нет дела до реального мира. Но есть те, кто стремится попасть сюда. Одни прорываются сами. Их, к счастью, мало. Другие находят способы сделать это с помощью тех, кто жаждет исполнения желаний, могущества. Порою духи поступают еще хитрее... как правило, древние и сильные. Им нравится играть судьбами людей и нелюдей.

В этом и состоит работа мастеров теней — они могут найти и уничтожить духа. Где бы и в ком бы он ни был...

Я поковыряла вилкой рагу и пришла к выводу, что есть не хочу. Слишком много плохих воспоминаний во мне всколыхнула встреча в парке.

Элиза тоже выглядела потерянной. Она была слишком измотана, так что никаких воплощенных эмоций я не видела.

Зато другие клиенты ресторации целый зверинец расплодили. В глазах рябило от морд, лап, хвостов и крыльев. К моей радости, никто от злости на повара, спалившего бифштекс, с ножом не шел, с крыши прыгать из-за разбавленного вина не собирался, от тоски по дому на соседа с вилкой не нападал.

Под потолком я уловила едва заметное движение — снова эфирии. Безобидные и любопытные духи ветра. Поговаривали, что когда-то они приходили в наш мир. Теряя часть своих сил, жили рядом с нами, не причиняя никому вреда. Зачем они это делали и почему больше так не поступают? Никто толком не мог сказать.

Многие считали это сказками. Как и легенду, что когда-то, очень давно маги могли проникать в эфир и возвращаться обратно.

Но упоминания об эфириях были в официальных документах, а вот о магах, к сожалению, ничего не имелось. Нам бы не повредил помощник, способный решить проблему изнутри.

Когда мы садились в карету, кучер, виновато глядя себе под ноги, сообщил, что больше остановок не будет, так приказал хозяин. Эли вяло кивнула. Я заверила мужчину, что все хорошо.

Оказавшись наедине с сестрой, я первым делом достала из шкатулки зелье для нее.

Не зря я взяла его с запасом! Как чувствовала, что пригодится.

Элиза апатично выполнила все мои просьбы. Послушно опустошила пузырек, отколола шляпку, сняла перчатки, улеглась на сидение. Прежде чем закрыть глаза, тихо спросила:

— Знаешь, там, в парке, мне показалось, что этот... мужчина был ближе, а потом он вдруг... перенесся, словно его туда оттащило... что-то... что-то такое... быстрое... размытое...

— Тебе показалось. Это от испуга, — укрывая Эли пледом, заверила я. — Он был далеко.

— Да... мне часто кажется не то, что есть на самом деле, — устало вздохнула Эли, глядя на меня большими несчастными глазами: — Может, мама права? Может, не стоит делать все это? А...

— Не смей даже думать об этом! — оборвала я сестру. — С зельем у нас получилось?

Дождалась неуверенного кивка Эли.

Зелье дало не совсем тот эффект, на который мы рассчитывали. Но оказалось полезным. Очень полезным. Практически незаменимым в нашем случае.

— Вот. И сейчас все получится, — уверенно закончила я. — К тому же мне не нужно строить из себя стерву. Согласись, нам это только на руку?

Эли долгим взглядом посмотрела на меня, вздохнула и закрыла глаза.

Прибытие на земли Алистера и в само поместье я проспала, сквозь дрему почувствовала слабый толчок магического барьера, но была слишком измотана. Меня разбудил кучер. Постучав в дверь, он сообщил, что мы приехали. Выглянув в окно, я увидела, что нас встречают.

Кузен Витора, Кевин Салливан, нетерпеливо постукивал пальцами по перилам широкой мраморной лестницы, ведущей в роскошный особняк. Черный ежик волос, серые глаза, правильные, хоть и несколько крупные черты лица. В общем, приятной наружности, которую слегка портили тонкие губы. Именно их затянутый в серый мундир двэйн сейчас усердно кривил в приветливой улыбке. В свете фонарей, горящих вдоль гравийной

дороги, по которой мы подъехали, она напоминала приветливый оскал. Очевидно, мой визит у второго мастера теней из рода Алистеров не вызывал радости.

Пока мы с сестрой быстро приводили себя в порядок, я вспомнила, что знала о кузене Витора. Единственный сын. Мастер теней. На пять лет старше Алистера. Не женат. После гибели родителей Витора живет с ним.

Что любопытно. Родители Кевина живы, но отошли от дел и уехали на побережье, где обитают уже много лет. Кузен регулярно навещает их вместе с Витором.

У Кевина есть собственное небольшое поместье, но он редко туда заглядывает. Земли имеются. Прилегают к владениям Алистера. Названия я не запомнила. Знаю только, что земли моего мужа — Редлей, а его поместье — Линдон.

Когда мы с отцом искали подходящие кандидатуры мастеров теней, думали и о двэине Салливане. Отец нашел его слишком взрослым.

— Добрый вечер, двэйн! — поздоровалась я, самостоятельно выбираясь из кареты.

Кевин не посчитал нужным спуститься и подать руку. Кучер таскал наш багаж и лишь виновато поглядывал в мою сторону, когда я сама подала руку Элизе. Слуга был бы рад помочь нам, но Салливан отдал приказ разгружать вещи. Естественно, приказ кузена хозяина дома оказался куда весомей желания какой-то девицы, которую хозяин накануне подцепил на балу.

— Надо же, как интересно! — Двэйн подался вперед, даже спустился на одну ступеньку, заинтересованно разглядывая нас с сестрой.

— Добрый вечер, двэйна! — Вниз быстро сбегал черноволосый парень в светлой рубашке и строгом жилете. — Простите нашу невежливость. — Пару секунд поколебавшись, он посмотрел на скромно потупившую глаза Элизу, склонил голову в вежливом поклоне. — Но ваш приезд, двэйна, стал для нас неожиданностью.

Он грустно улыбнулся.

Я нахмурилась: сочувствующее лицо этого так и не представившегося господина ничего хорошего не сулило. Обычно с таким выражением сообщают малоприятные новости.

— Майлз! Мне кажется, это не наша двэйна, — ядовито усмехнулся Кевин, невежливо показывая на меня пальцем.

— Простите? — оторопело перевел взгляд на меня... кто?

— Двэйна Габриелла Алистер, — не без сарказма представилась я. — Это моя сестра и компаньонка элтина Элиза Даннер.

Мужчины первыми назвать себя не захотели; убиваться по поводу несоблюдения правил этикета не стану. И слушать возмущенное сопение сестры тоже. Я счастливая новобрачная, а не тряпка для сапог родственников мужа.

— Позвольте узнать, с кем имею честь?.. — Смотрела я на Кевина, но поспешно рассыпался в извинениях неизвестный:

— Простите, двэйна! Ваш визит стал столь неожиданным! Мы только получили сообщение от двэйна Алистера о вашем приезде, а тут... Простите мою невежливость! Позвольте представиться! Майлз Воган, управляющий поместьем двэйна Алистера. — Управляющий вежливо поклонился, приложился к моей ручке. Ему было неудобно за Салливана, поэтому Майлз торопливо поклонился Эли и протараторил: — Позвольте представить вам двэйна Кевина Салливана, кузена вашего супруга!

Кевин снисходительно склонил голову.

Хорошо, что мы выбрали Витора. Я бы долго рядом с таким... аристократом не выдержала.

— Прошу, проходите в дом, — управляющий суетливо показал на лестницу, по которой величественно спускался Кевин.

Остановился рядом со мной. Насмешливо посмотрел сверху вниз. Я отзеркалила вежливую улыбку сестры. Правда, в отличие от нее, очи долу не опускала, а внимательно следила за калейдоскопом эмоций на лице двэйна. Раздражение, легкий интерес — мужчина посмотрел на Эли — сменился, к моей радости, скукой.

— Понимаю Витора, — недовольно буркнул себе под нос Кевин, предложил локоть Эли.

И не глядя в сторону спутницы, быстро зашагал вверх по лестнице.

Я следом.

Управляющий метнулся ко мне, собираясь загладить невежливость кузена хозяина, но тут Кевин, не оборачиваясь, произнес:

— Уверен, вы, Габриелла, легко справитесь с наплывом родственников.

— Простите? — не поняла я. — Позвольте узнать повод?

С чего вдруг у них появилась тяга к водным видам спорта? Не нашу же свадьбу приедут праздновать? Витор бы сказал. Кстати, где он? Обещал присоединиться в поместье. Мы тут. Будущего покойника не видно.

— Повод? — Горечь и насмешка в голосе Келвина мне не понравились. — Весьма прискорбный повод, Габи. Пока вы сюда добирались, ваш муженек умудрился помереть.

— Что? — не веря, прошептала я.

Эли тихо охнула, остановилась, вынуждая спутника застыть посреди лестницы. За спиной уныло вздохнул управляющий.

Мы так не договаривались!

— Да, Габи, вам несказанно повезло! — зло повернулся ко мне двэйн, не скрывая неприязни и отвращения. — Ваш супруг пропал без вести.

Я сдержала вздох облегчения. Витор решил ускорить события. Я ему выскажу, когда увижу. Предупреждать же надо!

— Если мастер теней пропадает... на задании, его смело можно считать мертвым, — отрезал Кевин, заметив, что я с надеждой встрепелась, — так что вы, Габриелла, не успев выйти замуж, овдовели!

Он подхватил под руку Эли и зашагал вверх. Рядом с сестрой начали формироваться сразу два облачка. Страх и безнадежность.

Срочно нужно напомнить ей, что, несмотря на новости, Витор действует в пределах договора.

— Двэйн Салливан! Вы уверены, что это он?! Сегодня утром Витор собирался отправиться в поместье вслед за нами! — Сработало, облачка начали развеиваться, сестра поняла, что, скорее всего, Витор просто решил не откладывать в долгий ящик свою злую шутку.

— Да! У него появилась срочная работа, — бросил через плечо Кевин. — И столь же срочная и никчемная смерть!

У меня вполне натурально подкосились ноги. Запретила себе думать о том, что Витора на самом деле могли убить. Насмешка судьбы. Шутка, ставшая реальностью. Я не представляла, что делать, если это на самом деле так. Вцепившись пальцами в нагретые за день солнцем перила, я глубоко вдохнула, медленно выпустила воздух из легких. Всмотрелась в теплую темноту летней ночи, подставила лицо ветерку, принесшему аромат ночной фиалки. Может быть, Витор попросту задержался? Да, именно.

Сестру-то я успокоила; кто б теперь меня успокоил?

— Не то чтобы я ждал истерик... — Кевин, стоя на верхней ступеньке, разглядывал меня с кривой усмешкой, — но ваша реакция, Габи, весьма занимательна.

Элиза, почти повисшая на его руке, смотрела с испугом и растерянностью.

— Как вы сами намекнули, мы женаты меньше суток. — Гордо выпрямив спину, я поправила треклятую шляпку, съехавшую набок. Обморок был бы идеальным выходом из щекотливой ситуации. Но кто мне поверит? Кевин без колебаний оставит меня лежать на ступеньках. И управляющему запретит подходить.

Улыбка двэйна превратилась в торжествующий оскал.

«Зря вы, Кевин, радуетесь, я еще не договорила!»

— Кроме того, я не вижу повода для истерик.

Меня окончательно записали в категорию бездушных... грэди и элтин, цель которых — удачно выйти замуж.

— Вы ведь сказали, Витор пропал без вести. А это дает мне надежду на...

— На чудо? — колюче рассмеялся Келвин. — Полно вам! За всю историю существования мастеров теней только троим, милая, наивная и крайне везучая двэйна, удалось вернуться, после того как их объявили пропавшими без вести.

— Мой муж будет четвертым вернувшимся! — поставила в беседе жирную точку.

Клянусь, Витор станет первым мастером теней, которого убила собственная вдова!

Глава 3

Мы чинно поднялись по ступенькам особняка. Пока шли через большой холл, по размерам не уступающий бальному залу королевского дворца, я оценила светлый, воздушный интерьер и отметила, что мечущиеся в панике слуги, поспешно закрывающие зеркала тканью, застывают в ступоре. Словно за нами следует парочка порождений эфира в компании покойного хозяина!

Я их отлично понимала. Кузен Витора шествовал под руку с вдовой брата, так всем казалось. И тут управляющий мимоходом представляет обитателей дома отнюдь не его спутнице, а ее копии в почти отколовшейся шляпке и съехавших к запястьям перчатках.

Не так они представляли себе жену Алистера.

Не так я представляла свое появление в его особняке.

Надо срочно что-то делать. Иначе, благодаря одному забывшему об этикете двэйну, я займу в этом доме положение где-то между приходящими служанками и девушками легкого поведения. Их тут нет, ни-ни, что вы! Как и в других поместьях.

Но иногда они уезжают из уединенных домиков на окраине земель какого-нибудь аристократа. В город. В лавку специалиста по ядам — приобрести что-нибудь забористое в дар благодетелю от всей своей совершенно не обиженной души. Иногда заходят к зельевару. И кое-кто из коллег отца не видит ничего зазорного, кроме уголовной ответственности, в их просьбе сварить особенное зелье.

К отцу тоже, бывало, заглядывали. Он неизменно предлагал им отвар для улучшения мозговой деятельности. Девуцы обижались. А отвар хороший, я с ним в институте всякую ну диетику, положенную по программе, учила.

Сейчас бы он не помешал! Для лучшей сообразительности.

Благосклонно кивнув очередному слуге, застывшему с квадратными глазами (хорошо хоть не буквально, а то пришлось бы звать доктора) после сообщения управляющего, что я двэйна Алистер, я резко остановилась. Кевин первый начал. Смысл стесняться? Я — жена Витора, он — кузен. А не наоборот.

Поправив перчатки и шляпку, улыбнулась уголками губ Майлзу, удивленно переводящему взгляд с меня на спину стремительно удаляющегося Кевина.

— Двэйн Салливан! — В огромном холле мой голос прозвучал непривычно звонко, по-детски.

Захотелось откашляться, чтобы внушительней звучал. Сдержалась, поняв: цели достигла, внимание присутствующих привлекла.

Кевин медленно опустил поднятую для шага ногу, обернулся еще медленней. Элиза попыталась убрать руку с его локтя, но двэйн, недовольный тем, что я решила подать голос, не позволил. Точно как Витор. Где его носит, кстати?

— Что вам угодно, двэйна? — Последнее слово он процедил с нескрываемым недовольством.

Смущенно опустила глазки: эта часть спектакля предназначалась для слуг. Им нужна хозяйка — они ее получают.

— Я благодарна вам за то, что вы с элтом Воганом встретили нас и решили проводить до покоев... — Кевин смотрел на меня с подозрением — очевидно, его догадки касались сугубо моего душевного здоровья. Попросту он начал думать, что вдова кузена слегка не в себе. Но я все равно продолжила: — ...Но, думаю, это будет несколько излишне. — Кроткий взгляд на порозовевшую Эли и незаметно переглядывающихся между собой слуг.

Пожилой мужчина с лихо закрученными вверх усами, дворецкий, даже сделал шаг вперед, готовый сопроводить нас. Или отправить с нами горничных, если мы пожелаем.

А теперь главное — не замечать, что двэйн готов испепелить меня взглядом. Он прекрасно понял, к чему веду.

— Это дом Витора, а значит, и мой. — Я почти физически ощущала злость Кевина. Даже незаметно осмотрела пространство вокруг него, но никаких воплощений не нашла. Двэйн отлично контролировал свои эмоции. — Мне нужно привыкать к этому. Чтобы не выглядеть глупо, когда Витор вернется.

Двэйн и так был зол, а тут буквально вышел из себя. Растворился в собственной тени и возник в шаге от меня. Глядя сверху вниз, прошептал:

— Ваш дом? А я вот не уверен, что он ваш.

— Вам предъявить бумаги? Прямо сейчас? Прямо здесь? — Я старалась не раздражаться; выходило из рук вон плохо. — Что ж вы так долго тянули, двэйн? Надо было попросить об этом еще на улице. Встретили бы нас у ворот поместья и потребовали бы предъявить!

И, не дав Кевину ответить, подошла к кучеру, как раз несшему вещи из салона экипажа. Громко щелкнула замками саквояжа и протянула бумаги двэйну.

— В этом не было необходимости! — Кевин оскорбленно отступил от меня. Документы все же просмотрел, украдкой. И мне не вернул. — Витор прислал письмо, где подробно описал вас... — Двэйн выразительно посмотрел на Эли. Понятно, описание получилось несколько идеализированным. То есть описание моей сестры. — Простите мою резкость. Но известие о гибели Витора выбило меня из колеи. Я совершенно забыл о вашем приезде.

Не верю. Ни в забывчивость, ни в раскаяние, которое старательно изображают. Скорее кто-то самоуверенный понял, что сама я отсюда не уеду, и решил пойти другим путем.

— Документы я верну вам завтра. Мне нужно снять копии и оповестить поверенных Витора о вашем существовании. Майлз, проследите, чтобы двэйна и ее компаньонка ни в чем не нуждались. — Кевин поклонился и направился к лестнице. Похоже, приступ вежливости закончился. И мне снова недвусмысленно указали на мое место. Он хозяин. Я гостья.

Прогресс! От неизвестно кого до гостыи! С такой скоростью я и до вдовы доберусь, день на четырнадцатый. Как раз к «воскрешению» супруга.

Веселенькое предстоит «сидение у камина», ничего не скажешь. А это только первый родственник «покойника». Завтра меня будут топить все Алистеры скопом. Только их ждет сюрприз: плаваю я отлично.

Следующие несколько часов мы с Элизой обустроивались в своих комнатах. Меня определили в покои, смежные с хозяйскими. Эли — в смежные с моими. Из чего сделала вывод, что, вопреки стараниям Кевина, для прислуги я двэйна, а не досадное недоразумение.

Пока горничные разбирали наши вещи, мы с Эли ужинали в уютной гостиной. Естественно, вымытые и переодетые, как самые приличные двэйны и элтины. Тут сестра была непреклонна: что бы не происходило в твоей жизни, ты должна выглядеть хорошо!

Когда девушки закончили и ушли, я проверила тайник в шкатулке, а потом убедилась, что мой прогулочный костюм приняли за обычную амазонку. Весьма странного цвета. Темного, серо-зеленого. Неприметного. И определили в дальний угол гардеробной. Вот и хорошо. Если она оттуда пропадет, никто не удивится, что двэйна решила выбросить невзрачную тряпку. Проблем со стиркой, думаю, не будет, в поместье Витора есть несколько ручьев.

Заглянув к Элизе, я улыбнулась: сестра спала, свернувшись калачиком, никаких воплощенных эмоций вокруг не наблюдалось. Отлично. Пока она

отдыхает, я могу осмотреть свои покои, да и дом изучить не помешает. Хотя бы жилую его часть. Но вначале необходимо избавиться от неприятных ощущений, которые появились еще в карете. Мне нужен свежий воздух. Вот и проверим, что за защита стоит на особняке. И главное: приказал ли Витор внести меня в список тех, кто может беспрепятственно покидать дом? Должен был. Но послушался ли его Кевин?

Переодевшись в костюм для прогулок, состоящий из платья с отстежной юбкой-плащом, лосин и сапожек, я открыла окно спальни и довольно хмыкнула. Внизу раскинулся парк. Одно из деревьев росло аккуратно напротив окна. Липа, высокая, с толстыми ветками. Далековато, конечно, придется прыгать. А тут пятый этаж...

Прикинув на глаз расстояние до ближайшей ветки, я пришла к выводу, что все получится. И туда, и обратно. Надо только створку окна заклинить, чтобы случайно заглянувшая горничная не оставила хозяйку куковать на дереве. Понятно, что дверь спальни я запру. Но вот у кого еще есть ключи, надо обязательно выяснить. И конфисковать их в мою пользу. От комнат Эли тоже.

А пока...

Окно, дерево, ветка.

Можно, конечно, воспользоваться дверью. Но, во-первых, в доме до безобразия много слуг и они еще не спят. И вряд ли уснут, переполошенные известиями о кончине хозяина и появлением его супруги. Во-вторых, там где-то мой новый родственник, чтобы ему зелья снотворного выпить, обретается.

Шпильки для волос, забитые сверху в створку окна статуэткой, отлично держат эту самую створку. И главное, кому, кроме меня, придет в голову залезать на придвинутую к подоконнику тумбочку, чтобы посмотреть, что ж там такое не дает закрыть окно? Правильно, никому. Нормальные люди будут дергать снизу. Шпилек у меня много. Их пропажи не заметят. А то, что окно в моей спальне теперь так просто не закроешь, — хорошо. Люблю свежий воздух!

Отстегнув юбку, я спрятала ее под подушку. И в юбке, и в плаще по деревьям лазать неудобно. Взобралась на подоконник, осторожно вытянула руку, проверяя защиту дома. Вначале пальцы будто попали в кисель, потом сопротивление исчезло. Кевин не такой... аристократ, как мне показалось. Впрочем, снаружи вокруг дома и парка может стоять второй слой защиты.

Я угадала.

Благополучно допрыгнув до ветки и повиснув на ней, довольно быстро и почти без заноз спустилась.

Парк оказался большим и ухоженным. Убедившись, что никто в столь поздний час по аллеям не гуляет, я пробежалась до живой изгороди. Стало легче, но не до конца — значит, я все еще в закрытом пространстве.

Стоило шагнуть за изгородь, как опять появилось ощущение киселя. В этот раз оно длилось дольше. Но магия признала хозяйку и пропустила. Теперь я могла вдохнуть полной грудью. Впрочем, не совсем. Было что-то еще — скорее всего, на самом поместье стояла какая-то мною не опознанная защита, едва ощутимая.

Я бегала, гуляла по рощам опрятных лаймовых деревьев, сидела в тени красных кленов, пряталась под ветвями развесистых ив, смотрела, как в глубоком ручье отражается луна.

Прошедший день был слишком насыщенным эмоционально. Кроме того, я так и не погуляла толком. Не нашлось времени. В итоге забрела далеко за пределы поместья и только тогда поняла, почему не могла успокоиться: я все еще была в закрытом пространстве. И почувствовала себя свободной только сейчас.

Непередаваемое ощущение, когда нет чувства невидимого гнета над головой!

Я дошла до небольшого чистого поселка. Посидела, болтая ногами, на перилах деревянного моста, переброшенного через быструю, но мелкую речку. Ветер ласкал кожу, перебирал растрепавшиеся пряди; запахи травы и лесных цветов кружили голову. Опомнилась, когда вдалеке запели петухи.

Назад не бежала — почти летела.

Я уже видела живую изгородь парка, когда поняла, что не могу дышать. Резко затормозив, огляделась, пытаюсь разобраться, где тот, чьи эмоции достигли опасного предела. И тут пришло осознание — такое случалось редко, это чувство больше всего напоминало интуицию. Я поняла: источник эмоций далеко. Очень далеко! Тихо выругавшись, я обреченно покосилась на зардевшийся горизонт и бросилась обратно.

На мосту у поселка стояла хрупкая девушка в простой полотняной рубахе. Очевидно, она собирала ночью лечебные травы у реки и возвращалась домой, когда заметила слежку. Ей хватило храбрости дойти до середины моста; потом она сдалась, страх победил.

Я видела лишь босые ступни, испачканный травой подол рубахи и светлую макушку — все остальное исчезло в громадном черном еже страха. Сквозь воплощенную эмоцию просвечивал тонкий девичий силуэт, он испуганно прижимал к груди корзинку и, не отрываясь, смотрел на нечто укрывшееся в густых тенях. Тварь, хищная и вполне себе материальная, не торопилась нападать. Она играла.

У девушки был шанс. Она могла сбежать, поднять крик. Дух отстал бы — они предпочитают нападать незаметно, не привлекая внимания. Но она молчала — не могла справиться с эмоциями.

Прислонившись лбом к шершавому стволу старой ивы, я быстро воскрешала в памяти одно воспоминание за другим. Чем больше, тем лучше! У меня нет времени. Не успею за пару секунд расправиться со страхом — девушка погибнет! И неважно, что потом мне будет нужна лошадиная доза тоника. Только бы успеть!

...Утро. Сверкающий росой луг... дурманивший аромат скошенной травы, ветер, играющий длинным хвостом воздушного змея...

...Первое зелье, сваренное втайне от отца... странное на вид и отвратительно пахнущее, но мое!..

...Мы с Эли меняемся платьями, хихикаем. Хотим подшутить над няней. Улыбчивая женщина нас совершенно не различает... она так заразительно смеется, когда понимает, что ошиблась, называет маленькими козочками...

На миг окружающий мир потонул в черном мареве: чужой страх сковал мышцы, заставил испуганно посмотреть на мост. Светловолосая девушка с острыми ушками и острыми же коготками на тонких пальцах, оборотень, уронила корзину и рванула к поселку, на бегу вопя как резаная. Залаляли собаки, слышались взволнованные голоса. Тварь на мосту тихо взвыла и резко обернулась ко мне.

Я все еще не могла справиться с чужим страхом, поэтому бежала медленней, чем нужно, чтобы благополучно унести ноги от преследователя. Догонит! Теперь я и сама испугалась, за сестру. Ей без меня не справиться!

Оглянулась через плечо, заметила, что за моим преследователем перетекают несколько теней. Он их пока не видит. А они не видят меня, деревья мешают, да и серо-зеленый цвет костюма в утренних сумерках делает незаметной. Быстро мастера сработали! Впрочем, я на землях одного из них, что удивляться.

Духа они поймают, и меня тоже — как только окажусь ближе. И появятся вопросы: что я тут делала, как смогла так долго убегать от монстра. Он ведь не играл со мной, а на самом деле хотел убить. И никто не поверит, что я такая спортивная от природы. Снова бросила взгляд через плечо. Меня все еще не видят. Чудовище ближе ко мне, чем к мастерам. А что, если?.. Я быстрая.

Я сошла с ума!

Я смогу!

Ради Элизы!

Вдох — и я рядом с чудовищем.

Дух даже из тени вышел от такой наглости — увидела лишь огромные клыки и клок серой шерсти. За нее и схватила.

Выдох — мы точно между двумя тенями-мастерами.

Вдох — я за деревом в нескольких шагах от них.

И последний рывок — я в сотнях шагов, за деревом.

Рык духа, и он с мастерами растворился в тени.

Бежать-бежать... пока не заметили легкие отпечатки моих следов на опавших прошлогодних листьях и траве.

Серебристые крылья в воздухе, смех... Или мне показалось? Шаловливый ветерок подхватывает листья, путает травы. Теперь никто не узнает, что тут был кто-то еще. Мне повезло. Надо быть осторожней.

Через живую изгородь перевалилась кулем. Полежала немного на газоне. Помечтала о том, что останусь тут, на мягкой травке, и меня никто не будет трогать часов шесть. Через силу встала и поплелась к дому. Срочно нужен тоник! Флакон! Нет, лучше ванна тоника! Две ванны и два флакона! Два десятка флаконов!

Как я взбиралась на дерево — отдельная история. Надо мной наверняка хохотали все белки, живущие в парке. Вряд ли им когда-то приходилось видеть кряхтящую девицу, с тихой руганью съезжающую вниз по стволу, потому что руки трясутся и ноги дрожат. И снова с упрямством осла лезущую на старушку липу. А потом балансирующую на ветке, как пьяный канатоходец.

Окно спальни было открыто. Но подкашивающиеся ноги слегка не добросили до него хозяйку. Чудом зацепившись за подоконник, пришла к выводу, что в следующий раз иду гулять через дверь.

Слуги? Ничего... осторожно, аккуратно, они и не заметят. А заметят — я ведь не ночью пойду, днем. Ничего удивительного в этом нет.

Сев на пол прямо под окном, я старалась выровнять дыхание.

Тоник, навестить Эли, привести себя в порядок и осмотреть дом... часть дома — слуги уже проснулись. Или еще не ложились...

Удивительно знакомая серая псина сидела в углу спальни, у кресла. Тень, расположившаяся в нем, была явно мужской.

А вот и мой работодатель!

Витор говорить не спешил. Естественно. Он не ожидал, что вернувшаяся с прогулки вдова будет выглядеть как помесь солдата и огородного пугала. А может, я увлекаюсь древолазанием? Кто-то забирается на скалы, а я — на деревья. Хобби у меня такое! И особая

любовь к липам! Не предупредила? Так я ведь девушка — девичья память и прочие женские напасти.

— О! Вы наконец-то добрались до поместья! Пробки? Народные волнения? Война? — не без ехидства поинтересовалась, прикидывая, обо что опереться, чтобы встать и доползти до туалетного столика, где стоит шкатулка.

— Лошадь подкову потеряла! — соврали мне в ответ.

Судя по тому, что «покойный» добирался сюда столь долго, лошадь потеряла все подковы, а потом и ноги. Затем превратилась в умертвив и гонялась за хозяином. Ползком. А хозяин нежно любил почившую животинку и все никак не мог решиться ее упокоить.

— Надо же, какая неприятность! А случилось это посреди пустыни, и вы долго шли к населенным районам, преодолевая жажду? — Я вцепилась в подоконник, собираясь рывком поставить себя на ноги. Получилось. Почти. Я оказалась сидящей лицом к подоконнику, спиной к мужу.

В просвет между ветвями дерева виднелось восходящее солнце. Алое небо на фоне темных листьев. Мрачно и красиво.

— Меня вела любовь к вам, дорогая моя! — шепнули в ухо, поднимая под мышки. — Из какой пустыни вернулись вы, моя милая двэйна? Восточной? Или Риханской? — Он запустил руку в мои волосы и выудил несколько листьев. — Или из каких джунглей?

Витор не до конца вышел из тени — улов, зажатый в темных полупрозрачных пальцах, выглядел занятно.

— Ну что вы, мой безвременно почивший супруг! Я всего лишь познакомилась с вашим ласковым, вежливым и невероятно гостеприимным кузенком и поняла, что влюбилась! Как вы понимаете, от внезапно возникшего чувства случилась бессонница. И я решила прогуляться. Дабы развеяться и взять себя в руки! — томно вздохнула и чуть не свалилась носом в подоконник. Нельзя так резко выдыхать!

Алистер поддержал, приобняв рукой за талию.

— Правда?

— Да! — подтвердила я, прислонясь спиной к нему — мышцы ног мелко подрагивали. Но ведь девушка с моста жива! У меня получилось — это грело сердце.

— Ум-м-м... — многозначительно произнес мой покойный супруг, не давая осесть на пол. — Вы настолько в восторге от Кевина, что решили выйти через окно, чтобы с ним не встречаться?

— Побоялась выдать свои чувства! — смешок сдержать не удалось.

— И не побоялись свернуть себе шею? — спокойно, я бы даже сказала

отстраненно, уточнил Витор.

— Я ловкая.

— И скромная?

— И влюбленная! — парировала я.

— Позволю себе напомнить, что номинально вы моя жена... и, увлекаясь моим кузенком... ставите меня в двусмысленное положение.

— Да, я прекрасно понимаю, мне придется дожидаться окончания траура по вам, мой супруг, прежде чем бросаться в объятия любимого! — подколола я, вспомнив, как воевала с Кевином, пока Витор пропадал неизвестно где.

Звон в ушах стал громче, голова закружилась; я без малейшего смущения повернулась к «покойнику», обняла его рукой за шею. Иначе смущенно и красиво сползу в обморок.

— Вы говорите-говорите, — покивала я, заметив, что Витор озадаченно замолчал. — Говорите и идите в сторону туалетного столика, а потом — ванной.

— Зачем? — последовал насмешливый вопрос. — Я и так могу сказать, что вы выглядите потрясающе.

— Да, я не сомневаюсь в вашей наблюдательности, — хмыкнула, вспомнив, как тень памятником самой себе сидела в кресле, когда я ввалилась в спальню.

— Боитесь, что Кевин не оценит ваш внешний вид?

— Оценит. Но он слишком галантен, чтобы сказать мне об этом.

— Помните, вы моя супруга.

Алистер тихо кашлянул и двинулся в указанном направлении. Боль, следующая за нами по пятам, слегка уменьшилась. Из чего я сделала вывод, что Витора наш разговор веселит.

За полгода я поняла одну простую истину: эмоции связаны. И положительные всегда могут если не избавиться от воплощений отрицательных, то хоть уменьшить их. А там человек в силах сам справиться. Но иногда это не помогало.

— Возьмите шкатулку, пожалуйста, — моих сил на такой подвиг не хватало. — Вы что-то говорили о том, что я ваша жена?

— Правда? — Витор свернул к двери ванной; вопрос прозвучал донельзя иронично.

— Это вы так сказали.

Я отцепилась от супруга, открыла дверь.

— Поставьте сюда, — показала на пол ванной.

— Вам помочь?

— Нет.

— Но вы не в том состоянии... — Я закрыла дверь, прервав прочувствованную речь Витора. Села на пол. — Вы считаете, что дверь меня остановит? — донеслось с той стороны.

— Надеюсь, вас остановит ваше слово! — Открыла шкатулку, нажала на пружину, чтобы коробка с женскими мелочами, расположенная над тайником, поднялась. Поспешно вытащила пузырек, вылила в рот тоник, сунула пустую стекляшку обратно. — Вы уверяли, что моей чести ничего не будет угрожать.

Откинула голову назад, прислонилась к холодному мрамору плитки.

— Я всегда держу свое слово.

— Я уже не уверена в этом. — Усталость медленно отступала, а вот злость на Витора росла.

— Сообщение о моей смерти пришло раньше, чем я планировал.

— Это извинение? — Я медленно встала, подошла к раковине, сполоснула холодной водой лицо, распустила спутанные волосы. Расческа нашлась в шкатулке, я сунула ее туда с другими вещами.

Как раз размышляла, достаточно ли у меня сил, чтобы развоплотить боль несносного недопокойного супруга, как тот решил ответить на мой вопрос:

— Нет, это не извинения. Но мне жаль, что вам пришлось импровизировать.

— Еще сюрпризы будут?

— Нет.

Слишком категорично.

— Как мне себя вести?

— Как внезапно овдовевшей девушке.

Хоть не сказал, что влюбленной, и то хорошо. Надо было сразу, как выпила тоник, его боль развоплощать, потому что сейчас я обеспечу двэйну приток отрицательных эмоций, на которых боль заметно подрастет.

— С этим есть небольшая проблема: я сказала вашему кузену в присутствии свидетелей, что не верю в вашу смерть.

— Что именно вы сказали? — Витор вырос из тени у меня под ногами.

Я вздрогнула от неожиданности — так и зайкой стать недолго.

— Что вы станете четвертым воскресшим мастером теней. — Я смотрела на Алистера, а видела противоположную стену ванной, точнее, панно с морскими обитателями. — Слушайте, или будьте тенью, или становитесь нормальным, ваша прозрачность...

— Пугает? — заломил прозрачную бровь Витор.

— Раздражает. Вы как студень!

— Такой же вкусный?

— Так же странно выглядите. И трогать страшно — вдруг дрожать начнете!

— Как интересно... впервые меня сравнивают с едой! — задумчиво протянул Витор, растекаясь и становясь плоским, чем напомнил мне медузу.

Я тихо хмыкнула.

— Что за блюдо я вам напомнил теперь? Желе? — тут же осведомилась... скажем так, тень с легким выступающим рельефом. Почти барельеф на стене и частично полу.

Нет, ну точно медуза! Только черная и разговаривает!

— Что ж это за блюдо такое, что вы зажали себе рот, чтобы не смеяться?

— Медуза! — прыснула я.

Это все усталость и нервы. Видела же раньше Витора в таком состоянии, но он меня не веселил.

— Лучше уж студень, — задумчиво протянула тень на стене.

Я хихикнула.

— Все! Я успокоилась! Извините, день выдался насыщенным.

— Представляю... Насчет вашего вдовства. Позвольте себя убедить в моей смерти, не возражайте Кевину, и у нас не будет проблем с вашей ролью.

— Вы же говорили, что будете рядом, чтоб я ничего не напутала? — Разговаривать с собственной тенью было еще более странно, чем с полупрозрачным мастером теней.

— Буду. Но вам же нужно время, чтобы подготовиться к завтраку? — ровным тоном сообщили мне. Кажется, за ним скрыли насмешку.

Ну и ладно! Главное, я буду рядом с мастером теней. Осталось уточнить детали.

— Как мы будем общаться? Вряд ли ваши родственники поймут, если я начну разговаривать с тенью.

— Прикроете лицо веером, меня они не услышат.

Веером. Эх. Придется взять сумочку и спрятать в нее парочку запасных. И заказать в городе несколько десятков новых. С моим даром их терять вееров потребуется много!

— Чтобы вы знали, что я рядом, я дотронусь до вашей руки. — Еле заметный прохладный ветерок коснулся локтя.

— Эм... двэйн?

— Да?

— Если вас не будут слышать окружающие, лучше скажите. Так проще. — И я не буду вздрагивать и коситься по сторонам всякий раз, как на меня подует ветер.

— Не будут. — Шикарный и содержательный ответ!

На этом наш разговор закончился, моя тень стала немного прозрачней. Очевидно, Алистер меня покинул.

Оценив отражение в зеркале как слишком измученное для девушки, не верящей в гибель собственного мужа и считающей, что он скоро вернется, я привела себя в относительный порядок. Приняла прохладный бодрящий душ, откопала румяна и осветлитель для кожи в шкатулке. Синеву под глазами до конца так и не удалось замаскировать. Зато мои щеки и губы заметно порозовели.

Платье выбрала легкое припыленно-сиреневое. В широкий атласный пояс вдела ленту с накопителями. Хорошо, что заранее сделала во всех поясах потайные карманы. Волосы собирала на бегу — мне еще Эли будить и разбираться с ее монстрами, если они появились. Я очень надеялась, что нет. Обход дома решила провести официально. Я позволю Кевину себя убедить в том, что Витор умер. А безутешная вдова вполне может бесцельно побродить по особняку. До приезда гостей.

Гости.

Мне придется изображать перед ними растерянность и горе. И смотреть на их расстроенные лица. Все же розыгрыш Витора слишком бесчеловечен. Какие бы цели Алистер ни преследовал на самом деле, играть чувствами родных жестоко. Чем ближе я к моменту истины, тем больше это понимаю.

Но... мне нужен Витор. Значит, я буду играть по его правилам.

Войдя в спальню Элизы, тихо выругалась. Сестре снова снился кошмар. Страх занял иглами половину кровати и быстро рос. Мимоходом посмотрев на наручные часы, которые за полгода, казалось, стали частью меня, я пришла к выводу, что надо рискнуть. Иначе могу не успеть к приходу горничных. Не хочется, чтобы они увидели меня в роли охранного истукана у изголовья кровати сестры.

Получилось на мосту, выйдет и теперь.

Осторожно, чтобы не разбудить Эли, присела на кровать рядом с черным ежом, глубоко вздохнула, собираясь с духом. Воспоминания, светлые, радостные, — вот мое оружие.

...На пышном кремовом торте горят шесть свечей.

Мы с Элизой переглядываемся и бросаемся наперегонки их задувать.

Кто первый — желание того исполнится... Только вот желания давно исполнились: родители знают нас как облупленных, и две куклы с фарфоровыми личиками и голубыми стеклянными глазами уже ждут нас в спальне. И мы это знаем. Но ведь так здорово отпихивать друг друга от торта и дуть на свечи!..

...Мы с Эли стоим под яблоней. Сочные плоды слишком высоко. Придется лезть. Мне. Эли остается внизу. А я, задрав юбку, цепляюсь за ветки. И вот оно, радостное чувство, когда налетевший ветер качает яблоко, и оно падает в твою ладонь... невероятно ароматное, теплое, позолоченное солнцем... большое, хватит нам обеим...

Страх без следа растворился в моей груди.

Получилось!

Я радостно подскочила и тут же покачнулась, вцепилась пальцами в столбик кровати. Ноги подкашивались, комната плавно поворачивалась, словно решив станцевать со мной вальс. Планы меняются. Вначале — новая порция тоника, потом — разбудить Эли.

Обратный путь в спальню проделала по стеночке. Шаг за шагом, не спеша и не прекращая улыбаться. Я была страшно довольна собой. У меня дважды получилось быстро избавиться от воплощенных эмоций! Впервые за полгода появилась надежда, что скоро научусь делать это с меньшими потерями для себя и смогу помогать сестре гораздо быстрее. Это ли не знак, что все у нас выйдет?

Опустошив очередной флакон тоника, я пересчитала оставшиеся. Нужно познакомиться с доктором семейства Алистеров и выпросить у него укрепляющие зелье. Либо придется использовать быстрый способ избавления от воплощенных эмоций только в крайнем случае. Чего я делать не хочу. Любой удачный опыт нуждается в повторении, закреплении, улучшении. И это относится не только к зельям.

Стук в дверь спальни отвлек меня от созерцания измученного и одновременно страшно довольного отражения в зеркале туалетного столика.

— Да!

— Габи, можно войти?

А вот и первая ласточка! Сестра уверена, что после представления на мосту я просто обязана быть не одна. Ведь Витор так целовал меня. Надо было прятать от нее дамские романы. Кто ж знал, что они так на нее повлияют? Я вон читала — и ничего, адекватно воспринимаю мужчин, без фанатизма реагирую на их взгляды. Впрочем, наверное, и хорошо, что Эли выросла такой романтической. Иначе она стала бы копией нашей

преподавательницы хороших манер из пансиона, прозванной Госпожой Этикет. Глупостей сестре не давал надеть как раз он. Эли слишком благовоспитанная элтина, чтобы поступить не так, как полагается. А что до девичьих мечтаний, у меня они тоже когда-то были.

— Конечно! Заходи!

Элиза, одетая в голубое платье, напоминала фею из сказок. Кокетливая маленькая шляпка, сумочка, атласные перчатки до локтя, ажурный веер в тон платью завершали нежный воздушный образ. В руке — шляпная коробка и белые перчатки с довольно простым темно-сиреневым веером, расписанным цветами.

— Это тебе! — Эли протянула свою ношу мне.

Сестра не случайно угадала с цветом — мы часто чувствовали настроение друг друга.

— Ты всегда выбираешь сиреневый или фиолетовый цвета, если хочешь казаться примерной, — подтвердила она, усаживаясь на второй пуфик.

— Не только, — хмыкнула я, примеряя маленькую шляпку.

— Если совсем приличной, то серый или голубой, — слабо улыбнулась Эли.

В дверь снова постучали.

— Да! Войдите! — отозвалась я, воюя с перчатками и косясь на сумочку сестры.

— Доброго утра, двэйна! — с поклоном поздоровался дворецкий, усы которого были напояжены, а ливрея отутюжена. — Двэйн Салливан и элт Воган ждут вас к завтраку в бежевой столовой. Меня послали вас сопровождать.

Опять мне непрозрачно намекают, где мое место. Кевин... король без короны.

Сегодня я решила быть примерной двойной, поэтому вежливо улыбнулась дворецкому и кивнула.

— Благодарю, подождите буквально пять минут.

Повернулась к сестре:

— Пожертвуешь мне сумочку и запасной веер?

Эли радостно кивнула.

Мы как раз выходили из комнаты, когда мне показалось, что правому локтю стало прохладно. Сквозняк? Или муж? Обычно жены определяют местоположение супружников по пустым стаканам с недопитым виски. Либо по огрызкам листов блокнота с рецептами новых зелий. На крайний случай по не убраным горничными носкам. А я — по сквозняку!

Раскрыв веер, я обмахнулась им и прошептала, едва размыкая губы:
— Если это вы, дотроньтесь до моего плеча.

И чуть не подпрыгнула на месте, потому что на мои плечи легли мужские ладони. На минутку. Невидимые ладони. И они не просто лежали! Пальцы осторожно разминали мышцы. Приятно. И не к месту.

— Это излишне!

Массаж прекратился, но руки Витор не убрал. Отвлекало жутко. Да еще и воображение решило нарисовать, как мы выглядим со стороны. Картинка вышла забавной. Я, как приличная двэйна, мелкими шажками семеню с сестрой вслед за дворецким. А за мной, точно в детской игре в караван, идет покойный муж. Рядом с ним бежит напоминающая скелет псина, которая появилась буквально пару секунд назад.

Я подавила смешок и прошептала, обращаясь к Алистеру:

— Лучше за локоть держите!

Витор тихо хмыкнул. Псина подросла. Не поняла? Должно быть наоборот. Мастера забавляет ситуация, он просто обязан испытывать положительные эмоции, а они уменьшают отрицательные. Уменьшали. А теперь нет. Почему?

Бежевая столовая оказалась действительно бежевой. Точнее, цвета слоновой кости. Из больших панорамных окон открывался вид на парк. Его как раз сейчас изучал Кевин, неизменно затянутый в серый мундир мастера теней. Салливан занял место во главе длинного сервированного на четыре персоны стола. По правую руку от него сидел управляющий, подскочивший при нашем появлении. По левую собирались посадить нас.

Майлз рассыпался в приветствиях, восхитился нашей красотой. Эли вежливо улыбалась в ответ. Она незаметно обеспокоенно поглядывала то на меня, то на Кевина, отрешенно вззирающего на белку за окном.

Меня потянули за локоть к противоположному концу стола. Я дернула рукой — «я и сама знаю, что хозяйка дома сидит во главе»! Так как дворецкий отодвигал стул для Эли, ко мне бросился Майлз. Склонившись, он едва слышно шепнул:

— Все правильно. У вас все получится.

Я удивленно покосилась на управляющего. Но тот с постной согласно приличиям миной уже садился на свое место.

Пока переставляли приборы, я ждала реакции Кевина, но он, видимо, решил поступить как истинный аристократ — не заметить случившегося казуса.

— Вы сегодня очаровательны, Габриэлла, — снизошел до меня Салливан. — Особенно вам идет румянец. Вы хорошо себя чувствуете? —

от фальшивой заботы в голосе мужчины хотелось скривиться.

— Благодарю! Все хорошо, — сухо ответила я.

— Элиза, вы просто восхитительно выглядите, вы свежи как утренняя роза! — закончил Кевин, пытливо глядя на меня.

Раскрыв веер, я сделала вид, что мне душно, — чудом успела скрыть просто неприличную усмешку. Салливан просчитался. Мы с Эли — близнецы! Комплимент одной — равно комплимент обоим. Немного помахав дамской игрушкой для проформы, я отложила веер. Расстроенный вид удался мне с огромным трудом. Кевин довольно поглядывал на меня, так и подмывало заулыбаться в ответ.

— Благодарю, двэйн, — тихо и несколько запоздало откликнулась Эли, стыдливо опустив глаза.

За завтраком я чувствовала себя как на экзамене у Госпожи Этикет. Любое движение могло быть истолковано превратно. Правда, в отличие от нашей преподавательницы, Кевин не комментировал каждый промах. Промахи случились не от того, что я забыла правила поведения за столом, — меня отвлекали. Псина Витора.

Самого мастера я не видела и не ощущала, а вот его боль сидела рядом с моим стулом и менялась. Становилась то больше, то меньше. Исчезала и появлялась. Ее глаза светились ярче, тусклее.

Не знаю, что происходило в этот момент с Витором, но я пришла к однозначному выводу: собаку надо развоплощать.

Осталось придумать, как это сделать, не привлекая внимания ее хозяина. Когда Витор в тени, я его не вижу. Если вышел, то рядом со мной. Избавлять мастера теней от воплощенной эмоции у него же на глазах — глупость невероятная. Он не видит воплощенных эмоций, но он маг, а то, что я делаю, с большой натяжкой можно отнести к магии. Странной, едва заметной для других... магии, пусть будет так. Вдруг он засечет слабый всплеск чего-то непонятного? А тут я. И никаких вариантов. И на возмущение природного фона не спишешь. Именно поэтому я старалась уединиться с сестрой, прежде чем убирать ее эмоции. И не попадаться на глаза тем, кому незаметно помогаю.

Должен же мой покойный супруг что-то есть и где-то спать? Надо всего лишь выяснить где и потом незаметно разобраться с псиной.

Кстати... Я искоса посмотрела на Кевина, продолжающего «экзаменовать» меня на предмет знания этикета.

Почему Салливан не видит Витора?

Те несколько раз, что я была свидетелем работы мастеров теней, они сообща появлялись из тени и совместно затаскивали туда обретенных тело

духов. То есть видели друг друга. А тут... Еще один вопрос, который надо задать супругу ради собственного спокойствия.

Меж тем завтрак закончился. Майлз, пожелав хорошего дня, откланялся. Кевин пригласил меня в кабинет. Отослав Элизу в комнату, я отправилась на уговоры самой себя, что мой супруг мертв. Только вышли из столовой, как мой локоть попал в невидимые пальцы Витора. Все бы ничего, но Кевин решил проявить галантность и предложил мне руку. Отказываться видимых причин не было. Невидимые настойчиво подпихнули к Салливану. Я послушно положила ладонь на сгиб руки родственничка, мысленно обещая высказать его кузену, что думаю о подталкиваниях и подпихиваниях.

В кабинете вежливо предложили сесть в кресло, потом передо мной на край стола водрузили тонюсенькую папочку.

— Здесь описаны три случая возвращения пропавших без вести мастеров. — Кевин не стал ходить вокруг да около.

— Какая разница, как они вернулись? — беззаботно пожала плечами. Я ведь не могу сразу согласиться после заявления, что Витор будет четвертым вернувшимся.

Меня снова несильно подтолкнули под локоть. Я поняла, что Витор прав, забыла о женском любопытстве. Вытянула руку к папке и тут же отдернула. Отрицательно покачала головой.

— А вы весьма упрямы, — недовольно протянул Кевин, садясь за стол и поворачивая папку к себе. — В двух словах: все вернувшиеся мастера не были ранены, они оказались заперты по той или иной причине в тени. Такое случается. Очень редко, но случается. Витор погиб. Об этом говорит его кровь, найденная на месте нападения, и лохмотья, которые когда-то были его мундиром. Даже мастера не выживают после таких ранений. Да, тело не обнаружили. Но это лишь значит, что нечего было обнаруживать. Вашим мужем закусил какая-то воплотившаяся из эфира тварь.

Ничего себе розыгрыш!

После такого заявления мне полагалось упасть в обморок, только Салливан уже понял: я не отношусь к элтинам, что регулярно помогают горничным, протирая наряды и прическами полы.

Я нервно поежилась, рывком раскрыла веер. Сложила. Закусила губу. Собиралась несогласно мотнуть головой, но Кевин опередил:

— Сегодня ночью я ездил туда. Поверьте, после такого не выживают.

Шустро! А я-то думала, что у меня одной сегодня веселая ночь выдалась. Не иначе вирус по особняку ходит.

Головой я все же несогласно потрясла — меня бесцеремонно схватили

за серьгу, вот и получилось нечто напоминающее отрицательное покачивание. Жаль, ничего не могу сделать в ответ. Иначе бы ходить Витору с парой синяков от любящей вдовы.

— Габриелла, Витор мертв.

Я судорожно вздохнула, посмотрела на собеседника потрясенно. Мои чувства были приняты за чистую монету.

— Рад, что вы поняли. — Кевин поднялся, подал мне руку и вежливо выпроводил из кабинета.

Бездумно пройдя до конца коридора, я тихо спросила:

— Вы здесь?

Локоть подтвердил: Витор рядом.

— Где мы можем поговорить?

Меня настойчиво потянули дальше по коридору. Наше путешествие вполне ожидаемо закончилось в моей спальне.

Запирая дверь, я сразу перешла к насущному:

— Скажите, у кого есть ключи от моих комнат и комнат моей сестры?

— У меня, — последовал короткий ответ сгустившейся тени, и в ее руках появилась связка ключей. Витор протянул ее мне.

— Еще у кого? — Я сделала мысленную пометку, что надо быть осторожней, когда помогаю сестре, двери для Витора не помеха. Следуя логике, для Кевина тоже.

— Больше дубликатов ключей нет. — Тень разделилась на мою и мужскую. Витор скользнул к окну, замер, глядя на что-то внизу. Хотя не уверена. Он ведь плоский! — Что-то еще, Габи?

— Да. — Спрятала ключи в сумочку. — Обязательно было обставлять вашу пропажу так достоверно?

— Да. Иначе розыгрыш не удастся.

Как же... розыгрыш. Проверка родных на вшивость. Но пока, кроме хамства, мне ничего не грозит, это не мое дело. Не-мо-ё. И меня совершенно не корежит от мысли, что придется обмануть искренне любящих Витора людей. Нет. Совершенно.

Я незаметно поправила пояс. Не сдержалась, проверила, как там накопители. Пальцы едва заметно кольнула магия. Да! Получается!

— Розыгрыш, я помню. — Я села на пуфик. Всего-то сходила на завтрак, а уже чувствую себя уставшей. Нужен еще тоник. — Почему Кевин вас не видит?

Тень повернулась ко мне, скрестила руки на груди. Прямо картонный человечек какой-то, а не муж! Для полного сходства не хватало прорезей глаз и рта.

— Я думала, мастера видят друг друга, когда они в тени? — заставила отвлечься от непривычной внешности супруга и сосредоточиться на волнующем меня вопросе.

Витор уверенно кивнул. Плоская кивающая голова — это нечто непередаваемое!

— Но Кевин вас не видит?

Опять кивок, как мне показалось, издевательский. Кажется, я начинаю различать эмоции этой тени.

— Но вы в тени? — констатировала очевидное.

— В какой-то мере.

— Это как? — Я подобралась. Меня интересовало все, что связано с эфиром.

Витор неопределенно махнул рукой.

— Не забивайте свою хорошенькую головку такой ерундой. Никто из мастеров меня не увидит. Точка.

Именно с таких слов началось мое изучение зельеварения. Эли согласилась с отцом и пошла вышивать крестиком. Я тоже пошла — штудировать книги родителя, а потом громить его лабораторию. Второе вышло случайно. Я неправильно отмерила количество усилителя и получила вместо успокоительного порошок, которым пользуются горняки. Интересно, а в библиотеке особняка есть книги по эфиру?

— У вас есть еще вопросы?

— Да. Где вы едите и спите?

— Хм... Ем на кухне, сплю в спальне. — Витор показал на дверь, ведущую в его спальню.

— Гм... — Я задумчиво посмотрела на тень покойного мужа. — А кухарки не пугаются?

— Они меня не видят.

Ну да, а еду таскают очень большие и прожорливые тараканы! И столовые приборы пачкают они же! Сомневаюсь, что супруг привык убирать за собой.

Я подавилась смешком. «Покойник» немного проявился, до состояния темной медузы... простите, студня, и недоуменно заломил прозрачную бровь; пришлось пояснять:

— Думаю, за следующие две недели ваше поместье сделает выручку не одной лавке с ядами.

— Мои родственники не настолько ненавидят друг друга, — пожал плечами Витор.

Я даже воздухом подавилась от такого заявления. Откашлявшись,

спросила:

— А на сколько ненавидят?

— Как в любой семье аристократов.

То есть все вежливо ругаются и с улыбками строят друг другу козни. Интересное у меня вырисовывается «сидение у камина».

— И кто из них особо аристократичен? Кроме вашего кузена, конечно же.

— Тетушка, дядя, пара троюродных братьев.

Не так уж и много. Переживу.

Я, прикрыв рот ладонью, зевнула. Хотелось потянуться и прилечь на мягкую перину. Как-то быстро закончилось действие зелья.

— Вы неважно выглядите, — теперь пришла очередь Витора озвучивать то, что и так понятно. — Отдохните. До приезда тетки есть несколько часов.

Несколько часов, которые неплохо бы потратить на обход особняка. А то я чувствую себя мышкой в лабиринте. Мышкой, хорошо придавленной чьим-то сапогом, у которой едва хватает сил что-то пищать в ответ своему мышу... мышаку? Мужу!

— Все хорошо, я просто немного утомилась. — Я потеряла слипающиеся глаза. Пол под ногами то приближался, то удалялся. В какой-то момент елочка паркета надвинулась и расплылась.

— Габи? — Мне не дали расквасить нос о пол, поймав в нескольких дюймах от него. Такого удивительно удобного для лежания на вид. Потом я проплыла по воздуху и утонула в мягкой кровати.

Едва голова коснулась подушки, как дверь спальни распахнулась и в комнату ворвалась перепуганная Элиза. Следом за ней плыл еж страха. Небольшой, всего с кулак, хоть это хорошо. Вряд ли у меня хватит сил встать, увести сестру и убрать колючее безобразие.

— Габи? Что с тобой? — Сестра, не замечая странную тень на стене у кровати, пощупала мой лоб, заглянула в глаза. — Совсем плохо?

Я лишь вяло кивнула.

Эли метнулась к туалетному столику, потянулась к шкатулке. Отрицательно мотнула головой, потеряла виски пальцами. Она не знала, что делать, растерялась. Это длилось всего пару секунд. Потом Элиза стиснула кулаки и решительно выбежала из спальни.

— Сейчас вам приведут доктора, — заявил Витор, точнее, его тень, появляясь у кровати.

— Откуда вы знаете? — Любопытство не давало провалиться в обморок.

— Я шепнул вашей сестре на ухо, что он может помочь.

И Эли поверила. Приняла его шепот за голос разума. Витор наверняка одним словом не ограничился. Но мою перепуганную сестру ничуть не удивил тот факт, что ее интуиция при всем желании не может знать, где живет доктор.

— Вашей сестре стоит быть осторожней, — ворвался в мои мысли задумчивый голос Витора, — нельзя быть такой легковверной.

Она и не была. Но стоило понять, что со мной случилось что-то нехорошее, как собственная безопасность стала неважна. Мы ведь близнецы.

Элиза вернулась быстро. Ее сопровождал невысокий седовласый мужчина средних лет с лысиной на макушке и забавным куцым хвостиком на затылке. Нацепив на массивный нос магические окуляры, элт Элазар внимательно изучил мое тело на предмет повреждений.

Диагноз был ожидаем: переутомление на фоне физического истощения. Доктор удивился моей полной невосприимчивости к целительской магии. Элиза пояснила, что я такая с детства. Элт искренне мне посочувствовал, прописал укрепляющий тоник и покой на ближайшие сутки. Гостями придется заниматься Кевину и управляющему, так как двэйна должна — именно так! — должна отдохнуть.

Витор удивительным образом вписал мой недуг в свою «шутку». Только Эли вышла с доктором, чтобы получить последние наставления на мой счет, он довольно сообщил, что это даже лучше, чем сидение у камина. Теперь все родственники, включая Кевина, будут уверены, что я испытываю к погибшему мужу чувства.

Чувства были. Прагматичный подход Витора заставлял опасно следить за мужем исподтишка. А вот то, что он будет сидеть со мной до вечера, так как, по его же словам, некоторые родственники прорвутся даже сквозь двойной кордон королевских магов, лишь бы пожелать мне здоровья, радовало. Пояс с накопителями лежал под подушкой. Первый камушек постепенно наполнялся. Мне даже особенно стараться не нужно.

Я пришла к выводу, что недуг сыграл мне же на руку. Пока Витор торчит в тени кровати, наш план воплощается в жизнь.

Цинично.

Но когда выхода нет, мир становится намного проще. Исчезают полутона, остается только «да» и «нет».

Да, я не отступлю.

Да, я дойду до конца.

Нет, меня не волнуют отношения Витора с родственниками. По

крайней мере, пока они не задевают мои интересы.

Как я себя чувствовала, рассуждая так? Отвратительно. Но альтернатива была слишком жуткой, чтобы отступить.

Глава 4

Проснулась я рывком, растерянно огляделась. Сколько проспала? В комнате темно, единственный источник света — небольшой ночник в форме цветка. Уже глубокая ночь! Вот вам и вздремнула немного!

Я поспешно выпуталась из одеяла и перекатилась на темную половину кровати, чтобы быстрее попасть в комнату сестры и убедиться: ничего непоправимого не случилось, с ней все в порядке. Очень торопилась, и поэтому полным сюрпризом стало оказавшееся на пути препятствие, в темную рубашку которого с размаху уткнулась лицом. Ткань приятно пахла травами и была мягкой и теплой. А вот пуговицы, напротив, неприятно впечатались в лоб. И, судя по резкому выдоху хозяина рубашки, в его кожу.

— Куда это вы собрались? — прошипел Витор, совершенно не обрадованный тем, что его вдове лучше, и она весьма прытко скачет по кровати.

Я потерла бровь, куда угодила одна из пуговиц, и перевела взгляд с ровного ряда кругляшей на лицо супруга. Его увидела неожиданно четко. Случалось со мной иногда такое: в стрессовых ситуациях видела почти как кошка. Правда, не всегда успевала это заметить. Сейчас же я пожалела, что вижу.

Для Витора, как и любого мастера теней, темнота не являлась препятствием, чем он сейчас и пользовался, беззастенчиво меня разглядывая. Насмешливо улыбнулся, изучая следы от пуговиц на лбу. Скользнул по подслеповато прищуренным глазам — я боялась выдать неожиданно появившуюся способность. Особенно задержался на губах. И если его ладони, оказавшиеся немного ниже моей поясницы и прочно легшие на те места, о которых в приличном обществе говорить нельзя, можно было списать на то, что двэйн спросонья схватился за то, что под руку подвернулось, то взгляд не оставлял сомнений. Ему такой способ побудки весьма и весьма нравится, и он не против его слегка видоизменить. Окончательно в этом меня убедила довольная улыбка двэйна, уверенного, что света ночника вряд ли хватит, чтобы я заметила, каким заинтересованным стало выражение его лица.

Элиза в такой ситуации покраснела бы, а я пришла к выводу, что мне тоже нравится наблюдать за Витором, уверенным, что я ничего не вижу. Это как в игре «Правда-неправда». Когда человек говорит, что любит лимоны, а ты случайно замечаешь отражение его лица в зеркале. Лица,

скривившегося от одного слова «лимон». И благодаря этой случайности выигрываешь.

— Так куда вы так торопились? — продолжил нашу игру Витор, убирая руки и незаметно дотрагиваясь до моих волос.

Прикосновение было настолько легким, что, если бы я не видела происходящего, подумала бы: муж осознал двусмысленность ситуации, вспомнил о нашем контракте и теперь, как примерный покойник, ждет, когда вдова наконец-то с него слезет.

А то, что в его пальцах оказалась прядь моих волос, — чистая случайность. Запутался немного. Темно ведь. И губами их коснулся из-за той же темноты. Потом заметил и осторожно выпутался.

Поймав себя на том, что с непонятным нетерпением жду, что еще сделает Витор, мысленно отчитала себя за игривые мысли. Кажется, я не до конца проснулась, раз такие глупости в голову лезут. Игра! Нравится! У меня там сестра столько времени одна со своими монстрами, а я тут на покойном муже лежу! Разглядываю, как он мои волосы гладит!

Я попыталась сползти с супруга. И была остановлена. Руки Витора неожиданно оказались на моей талии, потом чуть выше, надавили, вынуждая прижаться ближе.

— Пустите! Этого нет в нашем контракте! Я ваша вдова! — Кому я напомнила? Себе? Ему? Слова про вдову, как по мне, прозвучали комариным писком. И комарихе, кажется, нравилось происходящее.

— Считайте это компенсацией за вашу болезнь. — Меня совсем уж по-хозяйски погладили по спине. — Вы напугали меня. Умиравшая вдова в мои планы не вписывается. Я помню о нашем контракте, не беспокойтесь.

И тут я будто увидела нас со стороны. Молоденькая девушка, согласная на все ради спасения семьи. И двэйн, которому элементарно скучно. А чего я хотела? На балу битый час намекала, что пойду буквально на все. Но ведь Алистер дал мне слово.

— Вы обещали. — Я закусила нижнюю губу, следя, как Витор медленно приподнимается. Зажмуриться? Нет, нельзя, чтобы муж понял, что я все прекрасно вижу. Лишние вопросы мне не нужны.

— Только не говорите, что в вашем пансионе и институте не преподавали анатомию. — Витор почти касался моих губ, дыхание щекотало кожу, вызывая неуместное желание придвинуться к «покойнику». Слепо таращиться перед собой было все сложнее.

— Не вижу связи между моим обучением и вашим словом.

— Вы же не считаете, что от поцелуев появляются дети? — Я не угадала: Витору было не просто скучно, а очень скучно. — Габи? — Легкое

прикосновение к нижней закушенной губе, требовательное, заставляющее приоткрыть рот и замереть в ожидании продолжения, которого не будет. Скорее насмешка, чем поцелуй. Только вот мурашкам, спешащим по спине, это не объяснишь. И сбившемуся дыханию тоже.

Я негромко кашлянула, вспоминая, сколько раз могла стать мамой — исходя из логики, что дети появляются от поцелуев. Получался приличный выводок — не факт, что людей. Да что там, даже у Эли точно была бы парочка ребятишек.

— У нас преподавали анатомию... — Говорить, когда почти что упираешься носом в щеку мужчины, не просто, но я справилась: представила на его месте доктора с его хвостиком и лысиной. — А еще наши учителя очень любили объяснять, когда юная элтина перестает быть приличной.

— Вы моя жена, — насмешливым тоном сообщил мне Витор. — Законная, кроме всего прочего.

Из-под края кровати высунулась голова серой псины, отвлекая от просто неприлично близких губ мужа. А я-то думала, куда эта зараза делась!

— Я ваша вдова! — поправила я, рывком освобождаясь из рук супруга. — Законная вдова! Кроме всего прочего.

Хотелось немедленно броситься в комнату сестры, но я ведь не вижу в темноте; пришлось, обминув псину, идти к ночнику.

— Это что-то меняет? — недоумение Витора было поддельным. — Жена, вдова — все это семантика!

— Вдовы не целуются с покойными мужьями! — Вооружившись ночником, я направилась к двери.

— А как же последний поцелуй на смертном одре? — прилетел мне в спину ироничный вопрос.

— Вы пропали без вести, так что никаких поцелуев на смертном одре. Ни одра, ни поцелуев, ни семейного склепа! Цветочки, веночек, погрузить у камина — это я с удовольствием. А целоваться с привидением, невесть как оказавшимся в моей спальне, я не договаривалась! — Поспешно захлопнула дверь, таким нехитрым способом отделяя себя от настроенного на совершенно не деловой лад «покойника».

Надеюсь, когда вернусь, супруг вспомнит, что у него вообще-то есть своя спальня?

В спальне же Эли пахло жасмином. Ночник, почти такой же, как у меня в руке, освещал бледное лицо сестры. Ярость сидела на полу, рядом с кроватью. Очевидно, на ней уже не помещалась.

Я пожалела, что не взяла шкатулку с зельями. Точно понадобится тоник — без него с этой кисой не справлюсь. Кроме того, оставлять наши стеклянные тайны у меня небезопасно. Судя по тому, как вольготно Витор чувствует себя в моей спальне, им надежней было бы у сестры. И нам проще. Сюда Алистер точно не станет заявляться без стука.

И тут взгляд наткнулся на... шкатулку. Она стояла на туалетном столике.

Я с облегчением выдохнула и довольно улыбнулась — наши мысли с сестрой в очередной раз сошлись.

А вот габариты ярости наводили на мысль, что у Эли выдался «веселый» день. Стараясь не разбудить сестру, я заняла позицию напротив алой кошки размером с карликового дракона.

Нужно сделать быстро. Меня покойный супруг в спальне дожидается! Конечно, есть слабая надежда, что он ушел, но нет... наверняка сидит. Ждет цветочки!

Кстати, отличная идея!

...Пальцы цепляются за прогретый солнцем камень, мышцы подрагивают от перенапряжения, страховочное заклинание опасно натягивается. Внизу тихо охает Эли.

— Не торопись! Осталось немного, — подбадривает отец.

Я с трудом подтягиваюсь на горный уступ. Вот оно, мое чудо! Маленький цветок — эдельвейс. Моя звезда, выросшая среди скал. Не такая, как другие, с голубыми лепестками... не белыми...

...Радостный вопль Элизы:

— Габи! Он зацвел!

Я, уронив пальцы на пол и не обращая внимания на гневный взгляд мамы, бегу в оранжерею. А там — голубая звездочка.

Так и не смогла сорвать тот цветок в горах. Отломил черенок. Хотела собрать семена, но цветок был первым. Долго пестовала росток, ждала бутон, и вот он зацвел.

Я, не веря, осторожно коснулась пальцами опушенного шелковистыми волосками листа. У меня получилось! Получилось взять с собой частичку гор и ветра, свободы и ощущения полета...

Меня окутало алое облако. Желание крушить все вокруг проходило медленно, пришлось сесть на пол и подождать, пока ярость окончательно растворится в крови.

Я угадала: день у Элизы выдался нервный. Кевин не захотел в одиночестве мучиться с гостями и представил им Эли, сестру новоявленной вдовы, спрятавшейся от родственников в спальне.

В мой недуг никто не поверил. Но, как выразился Витор, в его семье типичные аристократы.

Все сочувствовали Эли, предлагали визитки своих докторов, надеялись на мое скорое выздоровление. Вежливо хамили. Особенно отличилась тетушка Алистера. Будь на месте сестры я — даже привычка равняться на Эли не остановила бы меня от ответного хамства. Но Элиза смогла удержать лицо. Матушка Кевина даже занервничала и попыталась прорваться ко мне. Пришлось Эли держать и оборону. Сестра победила.

Но завтра нас ждал второй наплыв гостей. Сегодня прибыли самые близкие: тетушка и дядюшка Витора, два дальних кузена с супругами.

Эли надеялась: управляющий поможет — сегодня он вовремя менял темы, когда видел, что она близка к тому, чтобы надеть собеседнику вазу с цветами вместо короны или опрокинуть графин с вином.

На самом деле в голове сестры бродили не столь невинные мысли, но она запретила себе об этом думать.

Иногда мне казалось, что Элиза куда сильнее меня.

Что касается Кевина, Эли он выводил из себя своей надменностью. И заинтересовал. Но все же больше раздражал.

Отголоски чужой ярости пропали, вместе с ними исчезла и бодрость. Оприходовав очередной флакон тоника, я на цыпочках вышла из спальни сестры. Зелье помогло, снова ощутила себя полной сил.

Прежде чем войти в собственную спальню, я проинспектировала коридор и нашла то, что было нужно. Оставив ночник на столике гостиной, незаметно заглянула внутрь.

Витора не видела, но он там был. Псина перебралась ближе к двери и сейчас сидела точно посередине комнаты. Бодро крутила страховидной головой, постукивала тощим хвостом по паркету. В общем, выглядела весьма довольной.

Отличная возможность раз и навсегда разобраться с болью временного мужа. Он меня не видит, возмущение фона спишет на помехи в работе защиты особняка. А то, что потом я буду немного бледнее, чем была, так мужчины обычно не замечают такие мелочи. Это мы, женщины, способны различить дюжину оттенков белой пудры и полсотни цветов красной помады.

...Совершенно некультурно раскрыв рот, я смотрю на вертких ящериц, распушивших над ушками забавные кисточки из перьев. Раскрывших зонтиком золотистые крылья. Выпучивших на меня свои круглые любопытные глазки.

— Что это?! — дружно шепчем мы с Элизой, в едином порыве

придвигаясь к золотому чуду.

— Карликовые драконы, — охотно поясняет отец, с теплой улыбкой глядя на наши счастливые лица.

— Вы слишком маленькие, детям нельзя их заводить. — Мама, напротив, сердита: мы, дружно завизжавшие от восторга и повисшие на невысокой ограде загона, испортили облик почтенного семейства на прогулке.

— Их можно заводить с восемнадцати лет, — подсластил горькую пилюлю отец. И, лукаво подмигнув: — Окончите институт с приличным табелем успеваемости — подарю.

Мама сердито косится на отца. А мы с Эли повисаем на его шее...

...Выпускной бал. Трибуна ректора. Мы, лучшие ученицы, выстроившиеся на сцене. Счастливые лица родителей. Скоро начнется новая жизнь! Мы уже можем считать себя взрослыми, образованными элтинами!..

Серая дымка втянулась в грудь. Никогда не думала, что ощущать чужую душевную боль настолько паршиво. Словно тебя выворачивают наизнанку, старательно вытряхивают, точно старый пыльный ковер, и завязывают морским узлом. Я не первый раз развоплощала эту эмоцию, но столь насыщенной до сих пор не попадалось.

Сейчас бы мне не повредило то самое чувство знания, которое иногда появлялось после развоплощения эмоций и позволяло понять, что стало их причиной. Я прислушалась к себе — ничего.

— Если вы ждете, пока я уйду, вынужден вас расстроить: я намерен поговорить! — донеслось из спальни.

— Может, я жду, пока вы уснете, чтобы овдоветь окончательно! — кровожадно пробурчала себе под нос и, забрав ночник, вошла.

Некоторое время Витор, расположившийся в кресле у кровати, с интересом разглядывал мою ношу, потом экспертно сообщил, серьезно и совершенно спокойно:

— Слишком легкий! Даже оглушить не выйдет. А вот цветочек вполне себе симпатичный. Я польщен. Где взяли? В вазе в коридоре?

Пока я с недоумением переводила взгляд с ночника и забытой мною веточки фрезии, конфискованной действительно из вазы в коридоре, на Алистера, он окончательно убедил меня в том, что полный... аристократ в его семье не только Кевин:

— Разве только... вы отведете руку чуть назад и ниже... и я сам умру... и цветочки ваши как раз пригодятся. Ваша сорочка вам удивительно идет. Это, конечно, не венок и даже не семейный склеп, но я впечатлен.

Вспыхнула от маковки до пят, заметив, что слишком низко опущенный ночник подсвечивает тонкую ткань... увы, фантазии Витора я простора не оставила.

Как повела бы себя Эли? Испугалась, растерялась, попробовала прикрыться руками. А я решила не показывать, что слова Алистера меня смутили. Спокойно подняла ночник выше, дошла до тумбочки и водрузила его на место. Не выдержала откровенно довольного представлением взгляда Витора, сдернула со спинки кресла забытый впопыхах халатик и уже спокойно его надела. Алистер наблюдал увлеченно, с улыбкой кота, объевшегося сметаны, будто я перед ним восточный танец исполняла. Напоследок с гордым видом вручила супругу фрезии.

Я обещала ему цветы? Вот они.

Будет продолжать в том же духе — придется искать венок.

— Габи, обычно жены соблазняют мужей раздеванием, а вы навели меня на мысли о продлении и расширении условий нашего контракта обратным процессом. — Шутка, сказанная ровным тоном, в исполнении Витора, насмешливо покручивающего веточку, усыпанную небольшими пурпурными цветами, прозвучала предупреждением и воскресила в памяти слухи, что жены мастеров теней — их собственность.

Я ничьей собственностью быть не хочу. Поэтому надо кончать с этими двусмысленностями и оговорками.

— Процесс, обратный раздеванию жены, — это одевание мужа, — сухо сообщила я.

— Смотря с чьей стороны смотреть на первое. — Витору оговорки и двусмысленности, напротив, очень нравились.

Значит, так? Ладно.

Я демонстративно взяла ночник, обошла кровать, пристроила его на тумбочке, чтобы свет падал на проявившегося из тени Витора, недовольно поморщившегося.

— Вам так нужен венок?

— Я не столь принципиален. Меня вполне устроит поцелуй.

— Поцелуй вашей вдовы?

— Моей жены.

— Вдовы. Показать вам наш контракт?

— Не стоит, у меня отличная память. — Витор попытался воткнуть мне за ухо цветок.

Не дала, отобрала веточку и забросила ее на тумбочку.

— Вам нравится меня смущать? — прямо спросила, отодвигаясь на край кровати.

Ответом стал полный недоумения взгляд, которым меня окинули от кончиков пальцев на ногах до взъерошенной макушки. Первые захотелось поджать, вторую — пригладить.

— Нет. Ничего подобного. Но должен признать, вы весьма занято смущаетесь, моя дорогая, — светским тоном сообщил Витор, потянулся к ночнику и приглушил свет. Будь зрение сейчас нормальным, я бы видела лишь темный силуэт. А так лицезрела нахмурившегося Алистера, сердито потирающего подбородок.

— А как вы представляете себе мое смущение? Мне нужно было завизжать, хлопнуться в обморок или, быть может, отвесить вам пощечину?

Витор поморщился.

— Будем считать, что это случайность. — Предложила вполне светский вариант: сделать вид, что ничего не было. — Я переутомилась. Вы... тоже... устали. — Да, ждате, пока я проснусь, лежа рядом, крайне утомительно. — Мы оба повели себя не так, как собирались. Предлагаю вернуться к нашему контракту. Думаю, нам обоим ни к чему лишние сложности, — миролюбиво закончила я, по выражению лица покойника понимая, что попытка призвать скупающего супруга к порядку провалилась.

Алистер был не против «лишних сложностей». Ему-то что? Закончит свою «шутку» и думать забудет обо мне. А если не забудет — плохо будет не только мне! Потому что он начнет задавать вопросы. Замечать опасные мелочи.

В худшем случае меня сдадут в специализированное заведение, в лучшем — нам грозит очередной шантаж. От прошлого нас избавило время. Мои способности не вписывались ни в один пункт закона о регистрации магических способностей. Родители это сразу поняли, поэтому регистрировать меня после их пробуждения поехали в настоящую глухомань. Туда, где мастеров теней не утруждали службой в магконтроле, там у них было полно других дел. За сходную цену клерк, наш дальний, очень дальний родственник, сделал запись лишь о моей магии, той части, что подходила под привычное понятие. Родители не говорили, но я подозревала: старик попросту прицепил к моим документам проверку другой девушки. Вот так для закона я стала вполне обычным слабым магом.

Спустя месяц старик прислал нам письмо с просьбой оплатить услуги артели плотников, занимавшихся ремонтом его дома. Потом были поездки на лечебные воды. Он не угрожал. Но мы прекрасно знали: если отец не оплатит очередной счет дальнего родственника, за мной придут.

Закон обязывал всех людей и нелюдей с нестандартными способностями отправляться в специализированные заведения, где их обследовали, изучали и ставили блокирующие магию метки. Словно они были преступниками. Участи лишенки родители мне не желали.

Мы даже привыкли к редким письмам и счетам старика. Семь лет назад он умер от старости. А мы вздохнули спокойно.

— Вы хотели о чем-то поговорить? — ушла от опасной темы, поняв, что молчание затягивается, а супруг не спешит его прерывать, внимательно следя за моими эмоциями.

Перехватив задумчивый и крайне заинтересованный взгляд Витора, я дала мысленный зарок при первой же его попытке расширить наши отношения среагировать в соответствии с ожиданиями покойного и больше не озадачивать мужа неправильной реакцией на его намеки. Так что ждет его как минимум истерика. И плевать на логику. На балу я была настроена на большее. Теперь передумала. Вспомнила о приличиях, так сказать. Женщины вообще создания противоречивые. Семь пятниц на неделе, три утра, десять смен настроения за час. И Витор уже не мальчик, должен об этом знать.

— Поговорить? Скорее допросить вас, — припечатал Алистер.

Удивление и немного растерянности; остальные чувства спрятаны глубоко внутри. Допросить? Меня? Вспомнила о встрече с монстром в парке и с чудовищем на мосту. Вдруг там остались какие-то следы? Нельзя паниковать. Все прошло отлично.

— Мне крайне любопытно, зачем вы храните под подушкой целую обойму магических накопителей?

Соображать пришлось быстро. В нашем плане все было предельно просто. Оказаться рядом с подходящим, не слишком опытным, мастером теней. Незаметно зарядить накопители. Потом вернуться под благовидным предлогом домой. Провести необходимую процедуру.

Но! В плане я не лишалась сознания и вполне благополучно прятала от Витора накопители. Радовало лишь то, что хозяин не может определить, на поглощение чьих сил установлен накопитель. Как он их вообще обнаружил? Они же пассивные. Не фонят совсем, мы проверяли.

Что делать — я не знала. В итоге вышла сплошная импровизация.

— Я коплю магию, — постаралась как можно более смущенно улыбнуться и пожала плечами, — я ведь слабый маг, а иногда хочется сделать что-нибудь посерьезней светлячка.

— Судя по количеству накопителей, вы решили устроить целый фейерверк из светлячков, — насмешливо хмыкнул супруг.

— Нет, всего лишь помочь отцу. В очистительных установках для лаборатории используется магия. — Почти правда. Отцу не нужны мои крохотные силы, чтобы их подзаряжать, для этого есть мама. Она, конечно, недовольна, что ей приходится выполнять работу наемного слуги, но пока мы, согласно плану, разыгрываем нехватку средств, она помогает. Хотя ей наш план совсем не нравится. Как и Эли. Они обе не верят, что у нас получится. А мы с папой верим! И не позволим им сдаться!

— Вчера вашему отцу поступила кругленькая сумма; думаю, в этом, — Витор показал на подушку, — больше нет необходимости. Если только действительно не хотите устроить фейерверк.

— Хочу! — твердо заявила я.

Витор подавился смешком.

— Только не на моих поминках!

— Нет, ну что вы! — ужаснулась я, представив яркий фейерверк и радостно вытанцовывающих у фамильного склепа Алистеров гостей. Бр-р!

После эксцентричных похорон тетушки я вообще старалась не посещать подобные мероприятия. Мамина сестра всю жизнь была крайне примерной особой. Но после ее смерти нам огласили весьма и весьма странное завещание. Мало того что она запрещала проводить вскрытие тела, так еще и выдвинула ряд требований. В итоге: никаких траурных нарядов, занавешенных тканью зеркал, венков, слез и скорбеть нам надлежало не год, а шесть месяцев. Похороны тетушки больше напоминали светский раут. Жутко, честно говоря.

Дядя, кстати, все же нарушил пожелание супруги и надел траурный камзол. За что и получил выговор от деда, решившего соблюсти все пожелания погибшей дочери. Об этом мы узнали от самого дяди.

— Второй вопрос: как часто вам нужны прогулки? — Витор посчитал вопрос накопителей исчерпанным и переключился на тему, интересующую его больше детского желания женушки повеселить народ магическими петардами собственного изготовления.

— Примерно раз в сутки... — Сказать, что мне нужно покидать «закрытые» места, или повременить? Повременить. Пока события на мосту не забудутся.

— Вам нужно выходить из помещения или из магического контура?

О, повременить не получится. Жаль.

— За пределы... доктора нашли у меня аллергию на защитную магию. — Что-то вроде этого и было написано в моей медицинской карте. Если просто: чужеродная защита меня угнетает. Редкая аномалия. Большого Витору знать не нужно.

— Сегодня вам нужно пройтись? — Я ждала, что меня спросят, далеко ли ходила прошлой ночью, не видела ли чего необычного, но ничего подобного. — Габи?

Прислушалась к своим ощущениям. Терпимо. Вполне могу совершить променад рано утром.

— И? — Витор спросил о моем самочувствии явно не для поддержания беседы. Он определенно в курсе нападения на девушку из деревни. Вряд ли моя прогулка в его голове сопоставилась с этим событием — но что, если это так? Тогда меня проверяют. Придется идти гулять прямо сейчас.

— Терпимо. До утра вполне могу подождать, — уклончиво ответила я.

— Переодевайтесь в ваш прогулочный мундир, мы идем вас выгуливать.

Палку принести, чтобы было, что мне бросать? Или мячик? И поводок не забудьте с намордником, а то так и тянет покусать одного не в меру активного покойного мужа, решившего мне отомстить за отказ.

Вслух я ничего не сказала.

Пока переодевалась, убирала волосы, чтобы не мешали, и гасила ночник, Витор где-то пропадал. Появился, когда я, открыв окно, сидела на подоконнике.

Но первой возникла боль.

Не просто боль, а та самая псина, которую я недавно развоплотила!

С подобным я столкнулась впервые. Никогда прежде воплощенные эмоции не возвращались. Чисто технически это было невозможно. Человек или нелюдь не может испытывать одинаковые эмоции — значит, псины будут разные.

Я засмотрелась на серую аномалию и не заметила, что Витор, вышедший из тени до состояния, собственно, объемной студенистой фигуры, которую с улицы в темноте комнаты никто не увидит, что-то мне говорит. Беседовать сам с собой он, видимо, не любил.

— Ай! Что вы делаете? — Я возмущенно засопела, потирая кончик носа, по которому меня щелкнул недопокойный муж.

— Привожу вас в сознание.

— Кто вас учил? Девушек нежно похлопывают по щекам, а не бьют по носу!

— Да? — И меня с самым деловым видом похлопали по щекам. — Действительно, очень эффективно, запомню. — Все это абсолютно серьезным тоном. — Пока вы опять не решили задуматься. Я предлагал вам воспользоваться вместо окна лестницей. Все спят.

А если не спят, всегда можно сказать, что я хожу во сне, предварительно переодевшись мужчиной. Вот такая необычная форма сомнамбулизма! Амазонку странной расцветки храню именно для таких случаев, чтобы ненароком не ограбить какого-нибудь обитателя дома мужского пола.

— Не беспокойтесь, вам не придется разыгрывать приступ лунатизма, — угадал мои мысли Витор, — я могу на некоторое время укрыть вас тенью.

Вот бы мне такое умение!

Способность Алистера не пригодилась. Мы спокойно прошли по коридорам особняка, спустились по лестнице. Я позавидовала тому, как легко мой спутник ориентируется в многочисленных переходах. Пришла к выводу, что нужно найти в библиотеке хотя бы приблизительный план строения. А то зайду в какой-нибудь дальний уголок дома и не выберусь, к радости родственников мужа.

Защиту особняка я в этот раз даже не почувствовала. Как и ту, что накрывала сад и прилегающие к дому постройки.

Едва мы прошли второй барьер, как сразу стало легче дышать. Мы свернули к лаймовой роще неподалеку. Из контура, защищающего поместье, так и не вышли, но магия теперь давила на меня куда меньше. Даже показалось, что я ничего подозрительного не ощущаю. Может, в прошлый раз я ошиблась? И защита стоит только над парком и домом? Вот бы так и было! Все же меня напрягали ежедневные длительные прогулки за пределы поместья.

Я не спеша гуляла, пользуясь тем, что ночь лунная, ясная. Светляк зажгла только для того, чтобы примерно представлять, где мой супруг. Одного света ночного «солнца» оказалось для этого недостаточно. К тому же сегодня зрение ночной формой не порадовало, так что дополнительный огонек не был лишним. Никаких стрессов и экстрима. Тихо-мирно блуждаем с покойным мужем и жуткой псиной по ночной плантации.

Витор тенью скользил рядом. Перед нами бежала боль. Я постоянно отвлекалась на нее.

Как же ты вернулась, пакость серая?

Псина бодро трусила по траве. Пару раз серая без видимой причины слегка подрастала, потом будто сдувалась. Наблюдая за ее метаморфозами, я чуть не врезалась в дерево, тоже пару раз. Меня останавливал Витор, бесцеремонно дергая за руку.

— Теперь я понимаю, почему вы вчера выглядели так, словно прокладывали головой тропу через заросли! — ядовито заметил Алистер,

спасая мой лоб от столкновения с очередным стволом. — А говорили, что осторожны...

— Я осторожна, просто сейчас немного задумалась, — спохватилась я, заметив задумчивые нотки в голосе мастера. Еще пара неудачных попыток разгадать загадку его боли — и он решит, что меня нужно отпускать из дома только в сопровождении себя.

Приятно. И опасно.

— Я вас не убедила? — Я прекратила коситься на псину и повернулась к тени.

— Нет.

— Хорошо. — Прикрыла глаза, ощутила ласковый порыв ветерка на коже, улыбнулась. Хороший ветер. Без беспокойства, без ощущения беды.

Стрекот кузнечиков, соловей поет, вдалеке квакают лягушки. А теперь можно осмотреться, осторожно и бесшумно отойти от Витора, добавить магии в светляка, взглянуть в следы. И наконец приняться. И вернуться к мастеру теней.

Последнее время я так старательно обстановку не изучаю, полагаюсь на скорость и маскировочный цвет костюма. И, как ни странно, чутье.

— В этой роще мы одни. В соседней, где клены, никого нет. Так что можем спокойно гулять.

— Что это было сейчас? Семейная способность, о которой никто не знает, как о вашей аллергии?

— Нет. Никаких способностей. Это ветер. Он приносит звуки. Всего лишь ветер.

Я буквально кожей почувствовала полный недоверия взгляд Витора, изучающий, что-то прикидывающий. Невозможность видеть лицо собеседника нервировала. Оставаться внешне спокойной помогала привычка во всем равняться на сестру.

— Куда мы идем, двэйн? — решила отвлечь Алистера невинным вопросом.

— Хочу показать вам свою разработку. — Тень подхватила меня под руку и потянула вперед.

— Разработку? — с недоумением переспросила я, быстро переставляя ноги и не без основания опасаясь, что еще немного — и либо придется переходить на скорость, несвойственную человеку, либо меня поволокут по дороге, на которую мы свернули.

Ни первое, ни второе меня не устраивало, потому начала спотыкаться, всем видом показывая, что я, конечно, благовоспитанная девушка и вслух сомневаться в адекватности решившего заняться спортом мужа не буду. Но

такие мысли голову посещают.

— Разработку, весьма любопытную вещь. — Витор заметил, что я за ним не успеваю, слегка сбавил шаг. И, о чудо, даже снизошел до извинений. Сказаны они были, правда, таким тоном, что я засомневалась в искренности мастера: — Простите, я не учел, что вы обычный человек.

— Ничего страшного... я люблю... прогулки... — Постаралась произнести все это срывающимся шепотом задохнувшейся элтины, которой этикет не позволяет наорать на спутника.

— Здесь недалеко. — Витору, видимо, было наплевать, задохнусь я или нет. Он тащил меня к цели. — Мы пришли, — сообщил, когда я споткнулась в очередной раз.

Мы остановились у кованых ворот. Мой светляк замер у медной таблички, на которой, я думаю, было написано, что именно здесь начинается поместье Алистеров. Но светляк сиял тускло, и при всем желании разглядеть саму надпись я не могла. Стресс мое зрение менять не спешил. Да и не было его, стресса, честно говоря, только злость и раздражение на недопокойного супруга, притащившего так далеко без объяснения причин. Вдоволь налюбовавшись на поблескивающую в неровном свете магического шара табличку, осмотрелась. Изгородь, такая же легкая и неосновательная, как и ворота, терялась в зарослях орешника и, как я знала, имелась лишь здесь, на дороге, ведущей к дому Витора. Вполне логично, если вспомнить, что поместье тоже под магической защитой. Весьма странной защитой.

Подождав, пока я отдышусь, Алистер, скрытый тенями, подтолкнул меня к воротам.

— Прошу!

Изображая крайнюю степень усталости, я протянула руку к ажурной створке, собираясь ее открыть. Темное железо само отъехало в сторону.

Мне снова не понравился взгляд Витора — казалось, меня проверяют.

На предмет чего?

Я проковыляла за ворота, и они закрылись. А потом послушно распахнулись, стоило подойти. Мне бы радостно завизжать и захлопать в ладоши. Но я только что поняла, что с момента появления покойного мужа в поместье веду себя как я. Начну притворяться — Витор поймет. Придется наедине с ним быть собой.

— Механика? — Я задумчиво проследила, как Витор перетекает ко мне, почти незаметный на фоне ночных теней. Если бы не знала, куда смотреть, подумала бы, что я тут одна.

— Да, иногда мне бывает скучно.

Этого в нашем досье не было. Интересно, зачем на самом деле Витор решил показать свою разработку?

— Экспериментальный образец. — Тень расплылась.

Я незаметно скосилась на то место, куда смотрел супруг, и моментально забыла о механических воротах: за нами следили. Кто-то нагло и самоуверенно наблюдал, скрывшись в тени орешника. Неприятный холодок скользнул вдоль спины. На секунду показалось, Витор специально привел меня сюда, чтобы выманить монстра!

— Решили сбежать? — насмешливо спросил наблюдатель, выступая из тени. — Не лучшее время вы выбрали!

Лучше бы действительно монстр. Салливан зажег еще один светляк, заметил, во что я одета, и оценил мой внешний вид ехидной полуулыбкой.

— Уверяю вас, гораздо удобней возвращаться под крылышко к отцу в карете, прихватив сестру и багаж. — Кевин отряхнул с кителя листья и подошел ближе.

— Уверяю вас, я не собираюсь обременять вас отправкой моей сестры и багажа, двэйн. Как и покидать вас, — улыбнулась я, переводя взгляд с ровного ряда пуговиц из черненого серебра у своего носа на лицо мастера. — Тоже любите ранние прогулки, двэйн?

Сзади послышался короткий смешок — Витору, в отличие от меня, не надо было скрывать за вежливой улыбкой ехидное хмыканье.

Не одна я увлекалась спринтом по утрам. Кевин, взирающий на меня с превосходством, выглядел весьма помятым. Серая ткань мундира пестрела зелеными пятнами от раздавленной травы, в коротких волосах застряли кусочки коры.

— Скорее уж поздние прогулки, двэйна, — посмотрев на мои часы, поправил Кевин.

Четыре тридцать утра — хорошо мы с Витором погуляли. Почти два часа прошло. Надо спешить обратно.

— Я выросла в деревне, там встают рано! — равнодушно пожала плечами, заметив изучающий взгляд Кевина.

— Вы выросли в семейной усадьбе, — сухо поправил он.

— Да, — покладисто согласилась я, — именно оттуда у меня привычка вставать рано.

— Необычная привычка для дочери аристократки, — поддел Кевин.

— Но вполне логичная для дочери зельевара, — лучисто улыбнулась в ответ, мысленно пожелав ему удавиться жестким воротничком.

— Да-да, помню. — Мне предложили локоть.

Витор слегка подтолкнул меня.

Когда ворота поместья закрылись за нами, я неожиданно почувствовала пристальный взгляд, а ветер тревожно зашумел ветвями.

Кевин рывком обернулся, прищурился. Пальцы Витора исчезли с моей руки.

— Что-то случилось? — тихо спросила я, не отпуская локтя Салливана и небезосновательно считая, что если там то, о чем подумала, то оно точно не рискнет напасть на мастера теней.

— Ничего, ветер.

И мы быстро зашагали обратно. Больше Кевин не произнес ни слова. Я была этому рада. Сейчас у меня не было настроения упражняться в острологии. Мысли занимали странные совпадения. Вначале монстр на мосту. Потом желание Витора показать свою механическую игрушку. Не удивлюсь, если он пошел со мной на прогулку только для этого. И появление Кевина, прочесывающего заросли. Делал он это, надо заметить, как обычный человек.

Первое и последнее вполне может быть связано. Я не знаю деталей работы мастеров теней, но вполне вероятно, он не использовал магию, чтобы не спугнуть монстра.

Как с этим могут быть связаны механические ворота, поставленные для проформы, я придумать не смогла.

Распрощавшись с Кевином у ступенек особняка, вместо того, чтобы блуждать по извилистым коридорам, разыскивая свои покои, я свернула в сторону парка. Не успела сделать и пары шагов, как меня потянули за локоть обратно, а рядом с ногой появилась серая псина.

— Как мило, что вы решили вернуться! — сердито прошипела я, позволяя увлечь себя обратно.

— Успели соскучиться? — усмехнулся невидимый Витор, затаскивая меня в дверь.

Ничего не ответила, я была занята. Старалась не отстать от Алистера и одновременно боялась показать, что для меня его широкий шаг не такая уж и проблема.

Оставив у двери в покои, Витор ушел по делам до завтрака. Прежде чем исчезнуть, наказал одеться как подобает статусу вдовы. Оказалось, пока отсыпалась, Элиза успела заказать все необходимое. На этом настоял Кевин.

Сидя у распахнутого окна в спальне, я поняла одну простую вещь: Кевин не просто не рад моему появлению, ему нужно, прямо кровь из носа, чтобы кузена посчитали мертвым. И самое простое объяснение — наследство. А что, если ради Салливана и затеяли всю эту «шутку»?

Тогда наш план легко может оказаться под угрозой. Желающий получить деньги кузена мастер теней куда опасней мастера, видящего во мне удобную куклу, вовремя выставленную на полку. Куклу забавную, слегка отличающуюся от той, что он хотел получить. Но все же куклу.

Вспомнила Витора, как поцеловала его... как неудачно проснулась и оказалась в двусмысленном положении, в руках мужа... его слова и...

Сердито тряхнула головой: Витор развлекался! Наверняка уже и думать забыл о том, что случилось в спальне. Незачем и мне вспоминать. Дотронулась до пояса черного вдовьего платья, в который перепрятала накопители — за время прогулки с Витором и Кевином первый камешек немного пополнился. Мне бы сейчас очень хотелось, чтобы процесс пошел быстрее! Чтобы я могла быстрее вернуться домой! Увы! Рассеянная магия на то и рассеянная, ее так просто не соберешь. А добровольно на нашу авантюру ни один мастер теней не пойдет.

Тихий, приглушенный вскрик вырвал из раздумий. Оставив так и не приколотую аккуратную черную шляпку с вуалеткой на туалетном столике, я бросилась к Элизе.

Эли забилась в угол между кроватью и стеной. Закусив костяшки пальцев, она смотрела в пустоту невидящим взглядом. Вокруг сестры скалил зубы целый зверинец. Глаза Эли тускло светились белым огнем. Воплощения эмоций исчезали, появлялись. То раздувались, занимая всю комнату и погребая под собой сестру, то сжимались до размеров муравья. И только ярость росла и росла.

Я еще не видела ничего подобного. Запретив себе бояться, вытащила из шкатулки несколько пузырьков тоника. Проверила зелье сестры. Выругалась. Элиза забыла его выпить. Стараясь не обращать внимания на зверинец, сквозь который пришлось пройти (буквально), присела рядом с Эли. Заставила ее выпить зелье. Сестра сопротивлялась, мотала головой. Она не понимала, что происходит. Пришлось навалиться сверху — синяки можно вылечить. Не отпуская Элизу, начала воскрешать в памяти радостные воспоминания...

Очнувшись, я не сразу поняла, что мы с сестрой лежим у кровати. Мои руки прижимают Эли к полу, рядом валяются пустые пузырьки от моего зелья. Никаких воплощений, и глаза Элизы нормальные, голубые, ничего не понимающие.

— Ты почему зелье не выпила? — поднимаясь и подавая сестре руку, сердито пробурчала я.

Покосилась на часы, облегченно вздохнула: из моей памяти выпали всего десять минут. Осмотрела вначале свое платье, потом сестры и

пришла к выводу, что, если разгладить утюгом пару складок, появившихся где не надо, выгладим мы вполне пристойно. Будто не катались по полу.

— Габи, прости меня! — Сестра потерла пальцами виски и расстроенно прошептала: — Я забыла! Я собиралась выпить его сразу, как встану... потом решила вначале одеться... Прости меня!

— Не надо, все обошлось. — Я усадила сестру на кровать и вытерла ладонью бегущие по ее щекам слезы.

Я сама виновата: надо было следить, чтобы Эли принимала зелье. Отец далеко, а Элиза слишком легко отвлекается.

— Но я...

— Все хорошо, — перебила я сестру. У нас нет времени на самоедение! Серпентарий... в смысле, дорогие гости заждались! — Приводи себя в порядок, а я пока схожу за шляпкой.

Поцеловав ее в мокрую щеку, я убрала пустые пузырьки в шкатулку. Будет время — пересчитаю.

— Габи?

— Да? — Я остановилась на пороге.

— Я сама к тебе приду, это ведь я твоя компаньонка, а не ты моя. Слуги начнут болтать, — сестра недовольно поморщилась, ей не нравилось лгать и притворяться, и последние шесть месяцев были для нее настоящим испытанием.

Я к притворству относилась проще, понимая, что меня настоящую никто не оценит. А ложь... и к ней можно привыкнуть. И даже не замечать осадка, остающегося в душе.

— Эли, ты моя сестра, близняшка; слуги ничего не скажут. Они понимают, что мы как две половинки единого целого.

— И все равно. Я приду. — Элиза вяло улыбнулась, апатично посмотрела на туалетный столик.

— Хорошо! — сдалась я.

Пусть поступает, как считает нужным, только не впадает в апатию.

В своей спальне я первым делом занялась складками на платье. Устранив их с помощью найденного в гардеробной утюга, работающего от простого магнакопителя, я села за туалетный столик и помассировала ноющие виски. Зелье сняло усталость, но, как и в прошлый раз, не убрало неприятный побочный эффект — провалы в памяти. И этот неожиданно возникший момент нужно тщательно обдумать. Без эмоций, без страха — только факты и та часть воспоминаний, которая способна помочь мне понять, что именно стало катализатором в этот раз.

Первый провал памяти случился полгода назад. В день выпускного. Я

увидела перевернутую карету, отброшенную на добрый десяток футов от дороги. Предчувствие беды, приведшее меня туда, усилилось. Потом была поляна... Клыки и серебристая шерсть...

Я сжала задрожавшие пальцы в кулаки, посмотрела на свое лицо, отразившееся в зеркале: зрачки расширены, кожа блее мела, в уголках глаз блестят слезы.

«Не смей сдаваться! Ты не можешь бояться!»

Пара глубоких вдохов — и я нашла причины второго провала в памяти. Их было несколько.

Порождение эфира на мосту. Клыки и серая шерсть. Я не заостряла на этом внимание. Но неосознанно приняла его за другое чудовище. Однако на мосту было не оно. У первого шерсть была серебристой. Лунного цвета — так романтично описывали ее оттенок в книгах.

Вторая причина: срыв Элизы. Я солгала себе, сказав, что никогда не видела подобного. Это была глупая попытка защититься от воспоминаний. Видела. На той поляне. Это было последнее, что я помнила.

Итог. Хорошо, что в этот раз мое беспамятство продлилось недолго. Иначе пришлось бы объяснять Витору, что с нами происходит, а это конец.

Вывод: надо контролировать чувства. Не таить их от самой себя. Признаваться в том, что меня пугает. То, что помогало мне последние полгода, теперь мешает.

Не знаю, возможно, это на меня влияет общество двух мастеров теней. Точнее, нервное состояние, в котором я нахожусь с момента приезда. Срыв Эли, скорее всего, связан с тем же.

Значит, не нервничаем. И ограждаем сестру от родственников Витора. Все же я его вдова, а не она.

А вначале неплохо бы понять, с чего вдруг Кевин меня так «любит»? Я отобрала у него вкусный кусок жаркого, и двэйн решил заставить меня вернуть его с помощью своей «беспредельной вежливости»? Решил заставить отказаться от наследства Витора? Я не собиралась выяснять истинные причины «шутки» Алистера, но, видимо, придется. Меня Кевин выводит из себя; Эли тоже слишком бурно реагирует на родственников Витора с Салливаном во главе.

Отправить Элизу домой я при всем желании не могу. Без меня она и суток не продержится, даже с тройной дозой зелья.

Разобравшись с собой, я ободряюще улыбнулась отражению и приколола шляпку. К моему удивлению, черный цвет мне шел. Впрочем, моему лицу не хватало красок, но это дело поправимое. Я потянулась за кисточкой, чтобы нанести на губы немного кармина.

— Не стоит, иначе мне придется воскреснуть раньше оговоренного срока. — В кресле за моей спиной возникла тень Витора: форма «полустудень» или «барельеф».

— Боитесь, что за слишком цветущий вид меня прикончат ваши родственники? — Я взяла баночку с кармином и сделала губы ярче.

— Боюсь, что вас засыплют предложениями руки и сердца. — Алистер оказался рядом, отобрал баночку, водрузил ее обратно на туалетный столик.

Я не собиралась злоупотреблять косметикой, но заявление мастера заставило поморщиться.

— Если меня и решат облагодетельствовать такими предложениями, то только из-за вашего наследства. Ничто так не красит женщину, как миллион золотыми. А земли и большое поместье придадут ей дополнительного шарма.

— А если она еще и не по годам рассудительна, ей просто цены нет, — закончил Витор, вернувшийся в кресло; я чувствовала его взгляд, но не видела лица. Поэтому не могла точно сказать, замаскированная это насмешка или он на самом деле так считает. Определить по ровной интонации я не смогла.

Не знаю, за что Витор принял мое задумчивое молчание, но его следующие слова стали полной неожиданностью:

— Знаете, Габи, если бы обстоятельства сложились иначе, я бы всерьез задумался о немедленном расторжении нашего договора.

Что?!

Я резко повернулась к Алистеру:

— Вас не устраивает, как я играю свою роль? — Честно говоря, я еще толком не начала играть, но как еще можно истолковать заявление мастера?

— Меня не устраивает то, какая вы. — И опять убийственно-ровный тон отлаженного механизма, а не человека. — Возможно, следовало заключить договор с вашей сестрой.

А вот этого точно не надо делать!

— Я вас поняла. Ваши гости получают то, что вы хотите. Не сомневайтесь, я справлюсь, — поспешила заверить я.

Не в первый раз меня считают хуже сестры. И я понимаю почему.

Тень задумчиво постучала пальцами по подлокотнику; выглядело это занятно. Плоский силуэт, сидящий в кресле, и почти объемная черная полупрозрачная рука.

— В вас интересно сочетаются ум взрослой женщины и наивность юной девушки.

К чему это он?

Я внимательно смотрела на голову тени, туда, где должно быть лицо. Старалась не коситься на серую заразу рядом с ногой Витора. Псина, словно насмехаясь надо мной, росла.

— Ведите себя как сестра, но не забывайте, что вы — это вы, — нелогично закончил Алистер.

— Вам нужна примерная двэйна, которая может при необходимости показать зубки? — уточнила я. Все же изначально я должна была скорбеть, сидя у камина, а не воевать с его родственниками.

Голова Витора обрела форму, он кивнул и снова стал плоской тенью. Рядом с его макушкой что-то промелькнуло. Что-то быстрое, яркое. Это были точно не серебристые крылья эфирий.

— Вас наверняка заинтересовал Кевин... его неприязнь к вам? — вторгся в мысли голос Алистера.

Настала моя очередь согласно кивать. Витор вернулся к нашему договору, это меня устраивало. Никаких странных заявлений обо мне, которые я не знала, как истолковать. Особенно после сцены в спальне и отстраненности муженька потом. А сейчас он неожиданно вернулся к той манере общения, с коей мы начинали.

— Конечно же, вы решили, что это связано с наследством? — не замечая моей задумчивости, продолжил супруг.

— А это так?

— Так.

— Но как такое возможно? Вы что, написали на него завещание? — Единственная разумная причина нелюбви Кевина ко мне. Хотя тогда я должна на него бросаться, потому что именно я остаюсь без наследства.

— Нет. Но вы ему мешаете.

— Поясните?

— Что вы знаете о законах наследования у мастеров теней?

— А есть отличия от обычных законов? — Я постаралась выглядеть беззаботной. Надо тренироваться перед выходом к гостям.

— Да. Если опустить детали, он следующий претендент на родовые земли.

В корне не согласна с таким подходом. Мне нужны детали! В сведениях, которые удалось раздобыть нам с отцом, ни слова не было, что у мастеров какая-то другая система наследования. А то, что иногда их земли переходили не к старшему сыну, мы, как и все, списали на дурной нрав главы семейства, оставившего завещание не на того родственника.

— Если вы, конечно, не станете матерью. И наш ребенок не унаследует мой дар, — добил покойный супруг.

Открыла рот, посмотрела куда-то мимо студня, силясь уловить связь, закрыла. И, собравшись с мыслями, спросила с подозрением:

— То есть земли наследуются от мастера к мастеру?

— Именно.

Я снова посмотрела на дверь, потом на Витора.

— Тогда я ничего не понимаю. Я все еще здесь. Кевин меня не выгнал, хотя после моего приступа должен был вышвырнуть, не дожидаясь моего пробуждения. Что вы сделали с доктором?

Не мог же он проглядеть, что я не беременная. Насколько знаю, некоторые маги в силах определить это спустя пару часов. Судя по тому, что я видела, элт Элазар относится именно к ним.

— Или от мастера теней можно забеременеть от поцелуя? — вспомнив заявление Витора, не удержалась от шпильки.

— Увы! Вынужден вас расстроить. Альтернативные способы продолжения рода мастерам недоступны. Только по старинке, к взаимному удовольствию, — усмехнулся Витор. — О докторе не беспокойтесь.

Превосходно! Посидела у камина, называется. Мало того что вдова при живом муже, так еще и беременная. Причем в процессе я вообще не принимала участия. Постарались мой покойный супруг и доктор!

— Скажите, мое щекотливое положение планировалось с самого начала, и вы забыли мне об этом сказать, потому что перебрали на балу с выпивкой и вам память отшибло, или это импровизация? — Я разозлилась, потому что не представляла, как ведут себя беременные.

— С самого начала. Я знал, что вы не согласитесь.

— Проще поставить меня перед фактом? — ехидно спросила из чувства противоречия, прекрасно понимая, что, узнай я об этом раньше, ничего бы не изменилось.

Вдовой, беременной, да хоть матерью дюжины малышей, только бы оказаться рядом с мастером теней. Только бы наполнить накопители.

Витор уловил перемену в моем настроении и вместо ответа на вопрос в свою очередь поинтересовался:

— И все же что случилось с вашим отцом, что вам так важно мое покровительство?

— Случились долги, — пожала плечами, взяла черную сумочку и положила в нее веер. Сегодня он мне пригодится. Уверена, гости уже в полном составе сидят в столовой, ожидая моего появления.

— Долги вашего отца полностью погашены.

— Долги бывают разные. — Я почти не солгала — мною двигала любовь, а она так близка к чувству долга, что иногда их не различишь.

Пусть лучше Витор думает, что отец ввязался в авантюру, и имя моего мужа должно оградить его от последствий аферы, чем начнет раскапывать истинные причины.

В дверь тихо поскреблись.

— Габи? Ты готова?

— Да, сейчас иду! — отозвалась я, подхватывая сумочку и напоследок бросая взгляд в зеркало: кажется, тщательно приколотая шляпка с вуалеткой начала съезжать на ухо. Нет, все нормально.

Торопилась и поэтому не заметила вставшего с кресла Витора. Раньше я считала, что врезаться в тень невозможно. Возможно, если мастер теней решит в этот самый момент материализоваться. Уткнувшись носом в серую ткань, испытала чувство дежавю. Кажется, у всех мастеров теней имеется привычка подходить ко мне впритык, чтобы похвастаться качественным сукном мундира вблизи, не иначе.

Подняв голову, я наткнулась на изучающий взгляд.

— Если вы будете идти впереди, мне будет неудобно. Да и гости удивятся, почему моя тень заняла столь необычное положение... — Я прищурилась.

Разноцветные всполохи вокруг Витора явно почудились. Видимо, слишком много тоника выпила. Папа уверял, что у него нет побочных эффектов. Но до меня вряд ли кто-то пил бодрящее зелье в таком количестве.

— Вы правы, — Витор слегка рассеялся, став полупрозрачным, но сохранив объем, — гости не поймут. Но мне весьма нравится наше с вами положение.

И наклонился ко мне с намерением поцеловать. Пришлось, повернув голову в сторону, напомнить:

— Вы прозрачный! Как студень!

Я не понимала, что чувствую к мастеру, поэтому выпалила то, что пришло в голову. Про обещанную истерику вспомнила после.

— Эту проблему легко решить: закройте глаза, — отступить Витор не собирался.

— Но я-то знаю, что вы прозрачный! — Я посмотрела сквозь него и заметила, что дверь чуть приоткрылась.

Алистер тоже как-то увидел. Глаз на затылке у него не имелось, но я начала в этом сомневаться. Витор мгновенно растворился в воздухе, а спустя секунду мой локоть попал в капкан его пальцев.

— Габи, извини, но нас уже ждут. — Элиза смущенно опустила глаза, залилась румянцем.

Даже предполагать не хочу, что она себе придумала!

— Не беспокойтесь, ваша сестра меня не слышала, — прошептал мне в ухо Витор. Щекотно и приятно, будто летний ветерок.

— То есть она слышала только мои возмущенные вопли? — прикрывшись вынутым из сумочки веером, хмыкнула я, выходя следом за сестрой из комнаты.

— В следующий раз постарайтесь кричать шепотом, — посоветовали мне, придерживая не только за локоть, но и за талию.

Хоть я и решила не врать себе — но, каюсь, для собственного спокойствия предпочла не заметить, что надобности во второй руке, мягко прижимающей к невидимому супругу, не было.

Глава 5

В большой зеленой столовой нас ждали. Господа, сидящие за длинным столом, накрытым бледно-салатовоой скатертью, приложили уйму усилий, чтобы я почувствовала себя лишней.

Во-первых, никто не стал дожидаться хозяйку дома, чтобы начать трапезу. Во-вторых, места во главе стола оккупировали. С одной стороны — Кевин, намундиренный, напыщенный. С другой — худая двэйна с набеленным лицом молодящейся дамы за пятьдесят. В-третьих, нам с Эли отвели место у середины стола. Дальнего конца, куда можно запихнуть неугодного родственника, ведь не имелось. Оба условно стали главными. Кузен и, я так полагаю, его маман уступать пальму первенства не собирались.

Пока завтракающий серпентарий, повернувшись к двери, разглядывал меня, заметила несколько приветливых лиц. Ожидаемо управляющего, поднявшегося мне навстречу и спровоцировавшего неохотное отрывание благородных мужских поп от сидений стульев. Вторым, кто был рад моему появлению, оказался мой дядя. Уолтер Олби, измученный и осунувшийся, в неизменном траурном камзоле и рубашке, смотрел с пониманием, чем очень разозлил тетку Витора. А чего она ждала? Я ведь его племянница, хоть и без дворянского титула. И вообще не помню, чтобы дядя говорил о том, что знаком с матерью Кевина.

Обмахнувшись веером, я тихо спросила у Витора:

— О том, что ваша тетушка знакома с моим дядей, вы, я так полагаю, не знали?

— Тетушка со многими знакома. Думаю, даже мой дядя не знает всех ее знакомых.

Это плохо. Тетушка со связями может оказаться опаснее заинтересованного в моей персоне мастера. Но! Мы были крайне осторожны. Все, что может рассказать дядя, совпадет с официальной версией. Отец не стал использовать его для поисков сведений о мастерах теней — слишком опасно. Я думала, он перестраховывается. Теперь вижу: это не просто вынужденная мера предосторожности.

Да и хватит с дяди смерти тети. Зачем причинять ему лишнее беспокойство и боль нашими проблемами?

— Вам придется показать зубки раньше, чем я думал. — Витор чуть подтолкнул, вынуждая шагнуть навстречу управляющему, оставив Эли за

спиной.

— Как скажете, дорогой супруг. — Я придумала простой и довольно эффективный способ поставить кое-кого деятельного на место.

— Вы чудесно выглядите, двэйна, — коснувшись губами кончиков моих пальцев, учтиво произнес Майлз.

Занятно: управляющий, обычно вежливый и обходительный, сегодня вел себя скованно и ненатурально, что ли. Словно тоже играл роль. Видимо, не только Эли вчера доконали родственники покойника.

Склонив голову в ответ, я позволила довести себя до стола. Когда мы поравнялись с Кевином, насмешливо наблюдающим за мной, остановилась. Задумчиво посмотрела на дворецкого, ждущего распоряжений. Хоть убейте, но его имя вспомнить не могла.

— Уважаемый... — показала веером на восторженного мужчину.

— Элт Тилер, — подсказал Витор, поняв причину заминки.

— ...Элт Тилер, будьте добры, поставьте мои приборы сюда. — Небрежный жест на стол рядом с локтем Кевины.

Затем обратилась к отложившему салфетку Салливану, сделавшему вид, что он только что меня заметил и даже дернулся подняться навстречу. Но, увы, столь героический поступок оказался кузену не по зубам:

— Не беспокойтесь, двэйн, я чувствую себя хорошо. Мне гораздо лучше. Благодарю, что заняли гостей...

«...И мое место за столом, во избежание появления других претендентов на звание хозяйки дома», — мысленно продолжила я. И вслух:

— Я вполне справлюсь с обязанностями хозяйки дома.

И, раз меня опять не желают представлять, обращаясь ко всем присутствующим:

— Позвольте представиться, господа, двэйна Габриэлла Алистер, супруга Витора.

Кто-то поперхнулся, кто-то недовольно поджал губы, а тетушка слегка заискрилась. Да у вас, двэйна, никакого контроля над магией! Может, стоит сходить в службу магконтроля и поставить блокировку?

Сидящий по левую руку от дамы крупный мужчина с черными, едва тронутыми сединой волосами положил широкую ладонь на ее пальцы, вынуждая прекратить светопреставление.

А тем временем рядом с родственниками ткались воплощенные эмоции. К моему личному серпентарию присоединился настоящий зверинец.

— С моей сестрой Элизой Даннер вы уже знакомы. — Я с ехидным

прищуром посмотрела на Кевина.

Дворецкий с одной из прислуживающих за столом служанок замерли рядом с ним. Двэйн не спешил двигаться, освобождая место во главе стола.

— Мне, безусловно, приятна ваша забота, — пошла я в атаку, — но, уверяю вас, я справлюсь.

Кевин нехотя чуть сдвинулся. Пересаживаться вбок, к другим гостям, не пожелал. А я не гордая — устроилась рядом. Стол широкий, поместимся! А то, что подобным образом обычно сидят супружеские пары или обрученные жених и невеста, — проблемы Кевина. Супруг пропал без вести, я расстроена, растеряна, могла и забыть о такой мелочи. Что подумают гости о Салливане — его головная боль.

Мой локоть сжали, подтверждая: поступаю правильно. Надо бы и Эли посадить рядом с теткой Витора. Только я была не уверена, не спровоцирует ли общение со сверлящей во мне дырку двэйной у Элизы новый приступ. Безопасней оставить ее рядом с дальними родственниками, явно чувствующими себя на этом сборище имени Витора лишними.

Поняв, что я не собираюсь отступать, Кевин решил сам предпринять тактическое отступление, подозреваю, перед нападением. Он представил мне новых родственников. Приветливо кивая очередному или очередной грэди, я отмечала, какие эмоции сидят, парят или закручиваются спиралью рядом с каждым из них. Из пятнадцати гостей у десяти я вызывала зависть и злость. Букет чувств остальных был сложнее. Тетушка Витора откровенно меня ненавидела. Следующая за ней и ее мужем (к слову, никак на меня не среагировавшим) пара, троюродный кузен с супругой, были оскорблены и возмущены. Те, кому было все равно, тоже имелись. Равнодушными оказались дальние родственники рядом с Эли. Да, равнодушие — тоже отрицательная эмоция, она делает людей черствыми.

Помимо воплощений, я постоянно видела какие-то странные разноцветные всполохи по всей столовой. Опять галлюцинации? Или после второй потери памяти мои способности начали меняться?

Надеюсь, первое. Сейчас у меня вряд ли будет время, чтобы как следует разобраться с новыми гранями дара.

К концу завтрака я пришла к выводу: показывать зубки нужно всего с двумя парами родственников. Кевином и его матерью. И троюродным кузеном с супругой. Двэйна Софи Салливан постоянно пыталась спровоцировать меня неуместными замечаниями — пришлось сделать вид, что, сидя на противоположном конце длинного стола, я попросту ее не слышу. Вторые были слишком сильно возмущены моим появлением, не стоит об этом забывать. С остальными — вежливость и только вежливость.

Из столовой мы с Кевином выходили как супруги. Мне вежливо предложили локоть.

Мать его, обежавшая стол с не приличествующей благородной двэйне скоростью и перегородившая нам выход, обеспокоенно спросила, заботливо, почти натурально:

— Милая, как ваше самочувствие? Вы выглядите такой потерянной, — женщина демонстративно приложила платочек к уголку глаза и тихо всхлипнула. — Витор, мальчик мой...

Так, вот только фальшивой арии имени Витора мне и не хватало!

— Не убивайтесь так, милая тетушка, — вежливо ответила я, — Витор обязательно вернется.

Меня одернули за локоть с одной стороны и цепко сжали пальцы с другой. Оба двэйна были не в восторге от моих слов. Конечно, я обещала мужу, что соглашусь с его кузеном, однако тетка настолько поторопилась похоронить племянника, что я разозлилась. Наследство наследством, но ведь он — ее родная кровь! Могла бы для приличия пару дней посочувствовать не смилившейся с потерей вдове!

— Не беспокойтесь, я отлично себя чувствую, — продолжила я. И скромно опустила глазки: — А растерялась я, потому что... двэйн доктор сообщил мне одну новость...

Тетушка разом забыла, что нужно держать скорбное выражение лица, в ее глазах промелькнула радость.

— Что? Что он сказал? Не пугайте меня, я старая больная женщина, мне нельзя волноваться! Что с вами?! Вы нездоровы, милая? — участливо поинтересовалась она.

Судя по руке, взметнувшейся ко лбу, «старая больная» женщина готовилась разыграть дурноту — ведь тут такая радость... в смысле трагедия намечается. Племянник пропал, его жена больна. Проблема ускользающего из рук наследства вот-вот сама решится.

— Я совершенно здорова! — пылко заверила я. — Доктор подтвердит.

Элт присоединился к трапезе почти под конец. Он охотно закивал.

— Я более чем здорова, — с блаженной улыбкой сообщила я, положив ладонь на живот.

Тетушка взяла себя в руки не сразу. Пару секунд сверлила Кевина, наблюдающего за нами с видом статуи полководца, потом выдавила кислую улыбку. А затем тихим шепотом, на всю столовую, осведомилась, как самочувствие малыша. В этот момент показалось, что уши всех присутствующих заметно вытянулись в мою сторону. А Эли посмотрела на меня таким лучистым и радостным взглядом, что стало не по себе.

Витор придержал за талию. Кевин в жесте почти искренней поддержки сжал пальцы. А элт Элазар сообщил, что малыш чувствует себя, как и мама, отлично.

Новость произвела эффект взорвавшейся магобомбы. Судя по эмоциям гостей, часть из них начала подумывать о том, чтобы переметнуться к получившей неожиданный козырь вдове, не разрывая, однако, отношений с Кевином и его матушкой.

На моей стороне по-прежнему остались трое. Управляющий. Никаких эмоций он в наш мир не воплотил, но на лице была искренняя радость. Мой дядя. Он вообще был скуп на чувства, а тут я заметила даже что-то вроде улыбки. И доктор.

То, что утомленную застольными беседами беременную меня вызвался сопроводить Кевин, сыграло на руку: желающие пообщаться с хозяйкой дома поближе были остановлены ледяным взглядом мастера. Даже родная сестра хозяйки. Элиза извинилась и отправилась показывать дяде сад. Всяко лучше, чем общество гостей, «обрадованных» вестью о скором пополнении рода Алистеров.

По дороге в мои комнаты я ждала сомнений и упреков. Салливан удивил. Об отцовстве Витора не сказал ни слова. Он вообще все время молчал. Лучше бы язви. Я начала подозревать грандиозную подставу. И она не заставила себя ждать.

Салливан воспользовался тем, что я плохо ориентируюсь в огромном доме, и привел в свой кабинет. Мне предложили сесть; не стала сопротивляться. Это было бы сложно сделать, когда тебя силой тянет на диван кто-то невидимый. А затем устраивается за спинкой. И, облокотившись об нее, отвлекает дыханием у виска.

— Мне пришел ответ из столицы. Ваши документы подлинные, — в лоб припечатал Кевин, усаживаясь за стол и расстегивая верхнюю пуговицу кителя.

— А вы сомневались? — не скрывая сарказма, осведомилась я, беря небрежным движением пододвинутые к краю стола документы.

Салливан прикрыл глаза, постучал кончиками пальцев друг о друга.

— Но вот что любопытно: ваша сопровождающая утверждает, что вы уединились с моим братом до того, как был заключен брак.

Он намекает, что мой гипотетический ребенок незаконнорожденный?! Вот это подход к делу! Хотелось бы посмотреть, как двэйн попытается доказать, что наследник был зачат до обряда в храме, а не после. Даже я знаю, ни один доктор с самыми сильными способностями целителя не определит с такой точностью. Погрешность плюс минус пара часов.

Только собралась спросить у Кевина, как рот оказался зажат невидимой рукой. А потом я отрицательно покачала головой. Точнее, Витор вынудил это сделать. Борясь с желанием, прикрыв лицо веером, цапнуть невидимую конечность за палец, я ждала, что еще скажет Кевин.

— Однако жрец в храме утверждает, что вы уединялись с Витором в одной из комнат. — Цепкий, острый взгляд, брошенный Салливаном, не понравился. — И случилось это спустя несколько часов после ваших приключений на балу. Занятно, не находите?

Вот теперь мне хотелось укусить другого двэйна — за намеки.

— Успокойтесь, он вас проверяет, — щекотно прошептал невидимый сопровождающий в ухо, — вы отлично справляетесь. В вас погибла актриса.

Да что вы говорите?! Безусловно, сердитое сопение и попытка просверлить взглядом в собеседнике дырку, потому что кое-кто до сих пор зажимает мне рот, — признаки высокой актерской игры!

— Кому же мне верить, Габи? — Кевин облокотился о стол, дотронулся до кончика носа и с издевкой спросил: — Кто сказал правду? А кто солгал? Грэди Адмет, которую муж застукал с юным любовником, годящимся ей в сыновья? Или жрец?

А, вот почему грэди разговорила! Решила, что мы с отцом сдали ее мужу! Похоже, для нее тайна клиента — пустое слово. Ну что ж, значит, мы с отцом сэкономили. Вряд ли сейчас Адмет интересуют возбуждающие зелья. Скорее, наоборот. Разводы весьма прибыльны не только для адвокатов, но и для зельеваров с докторами!

— Так что, Габриелла, кому же мне верить? — задал риторический вопрос Кевин. — Грэди, обиженной на вашу семью? Или жрецу, которому вполне могли пожертвовать крупную сумму денег?

Я нервно обмахнулась веером, незаметно стукнула по пальцам супруга. И себе по носу. Слегка дернула головой назад. Наглая конечность убралась. Витор отодвинулся, отступил в сторону.

— Может, поверите мне? — предложила я альтернативу. — Уверяю вас, Витор принимал непосредственное участие в зачатии этого ребенка... — Я не принимала, но это мелочи. — И случилось это уже после обряда в храме. — Даже врать не пришлось, все чистая правда.

Некоторое время Кевин задумчиво постукивал пальцами по столешнице, а я смотрела на него кристально честным взглядом.

— Что-то еще, двэйн? Какие слухи я еще должна опровергнуть?

Салливан отрицательно качнул головой.

— Тогда проводите меня в мои комнаты, мне нездоровится. — В этот

раз полуправда.

Как только вошла в кабинет, вокруг Кевина началось настоящее светопреставление. От резкой смены цветных пятен, возникающих и исчезающих в воздухе, слегка кружилась голова.

— Позвать доктора? — В голосе Салливана прозвучало участие.

Странно, с чего вдруг?

— Не стоит, обычная мигрень, — солгала я. — К вечеру пройдет.

Я поднялась с дивана, талию стиснули сильные невидимые руки, не давая покачнуться. Уставшей себя не чувствовала, скорее дезориентированной.

Кевин сам водрузил мою ладонь на сгиб своей руки.

У двери гостиной неожиданно вежливо поклонился, пожелал скорейшего выздоровления и галантно поцеловал руку, посмотрел долго, странно и неприятно и ушел.

Мне было не до разгадывания метаморфоз его поведения. Возникла неожиданная проблема. Пока шествовали по коридорам, я убедилась: вижу цветные пятна вокруг практически всех людей и нелюдей. Что бы это ни было, оно сильно отвлекало.

— Габи, все хорошо? — Эли ждала в малой гостиной.

— Да. — Я присмотрелась: пятен рядом с сестрой почти не было, пара размытых огоньков.

Воплощенных эмоций тоже.

— Дядя просит прощения, он не знал, что двэйна Салливан пригласила его без твоего согласия. — Эли нервно сжимала в руке веточку жасмина.

Я отвлеклась от изучения необычного воздушного явления.

— Что-то случилось? — Сестра брала в руки счастливую веточку, когда пребывала в расстроенных чувствах.

Элиза натянуто улыбнулась, опустила глаза.

— Погоди минутку. Подожди меня в своей спальне, ладно? — Я вспомнила, что мы не одни.

— Хорошо. — Эли послушно ушла.

— Вы все еще здесь? — тихо спросила я, закрывая дверь на ключ.

— Да, — ответила тень, приобретая мужские очертания.

— Не могли бы вы подождать меня в моей спальне? — сказала и поняла, как это прозвучало. Как приглашение. Краснеть? Бледнеть? Не сейчас. У меня что-то не то со зрением, и Эли всерьез обеспокоена.

— Хорошо. — Витор не стал заострять внимание на двусмысленности моих слов. — Сами дойдете?

— Да.

— Уверены? У вас странная мигрень, вас качает.

— Это нормально. — В моих проблемах есть один плюс: признаки действительно совпадают с мигренью.

Дамы часто навевались к отцу за чудодейственным зельем от этой напасти. И почему-то считали, что к рецепту доктора нужно приложить подробное описание симптомов.

А вдруг у меня на самом деле банальная мигрень? Или я выпила слишком много тоника? Если бы это было так, я бы прыгала до потолка от радости!

Меня действительно качало, ноги не слушались, в ушах шумел невидимый прибор. Добравшись до спальни сестры, я свалилась на ее кровать и, глядя в кружащийся потолок, спросила:

— Что случилось?

— Что с тобой? — вопросом на вопрос ответила сестра, опустилась рядом и озабоченно заглянула мне в глаза.

— Мигрень!

— Но у тебя ведь раньше ее не было? — с подозрением заметила Эли.

— Все бывает в первый раз.

— Может, доктора?

— Не стоит. Уже проходит. — Головокружение прекратилось, зато я стала видеть четче цветные пятна: большое красное, теплое, как мне показалось, и розовые. Небольшие, с ладонь. Парили рядом с сестрой. — Что у тебя стряслось? — заметив, что Эли озабоченно озирается по сторонам, поторопила я. И шепотом: — Меня там муж покойный в спальне заждался.

Сегодня я просто ходячая двусмысленность.

Элиза залилась румянцем, смущенно заулыбалась.

— Значит, у вас правда будет малыш?

— Нет.

Сестра расстроено вздохнула, потом покосилась на дверь. И как ей объяснить, что для Витора я всего лишь кукла, которой можно и рот закрыть, чтобы лишнего не сказала?

— Эли, не томи. Почему ты жасмин мучаешь? — Я дотронулась пальцами до ветки в руках сестры.

— Понимаешь, сегодня утром... когда я забыла выпить зелье... я видела... мне показалось я видела его... — прошептала, уткнувшись лицом в мое плечо, Эли.

Проблемы со зрением моментально отошли на второй план.

— Где именно ты его видела? — Я заставила сестру посмотреть на

меня. — Ты уверена?

— Не уверена... ты же знаешь, мне часто кажется то, чего нет...

Я выдохнула с облегчением, потом вспомнила монстра на мосту. А что, если это он? Эли испугалась и приняла его за того, другого?

Нет, не может быть! Тут защита. Она бы не пропустила воплощение эфира. Просто Эли тоже разнервничалась. И ей показалось. Ей часто мерещились всякие ужасы, которых на самом деле не было. Лучше бы в той карете поехала я.

— Не бери в голову, — подбодрила я сестру, — тебе показалось. Тут магическая защита. И два мастера теней. Он сюда не сунется!

Эли закусила ноготь на пальце. Отдернула руку, вспомнив, что это неприлично. И отложила жасмин.

— Ты права, это все нервы.

Поцеловав сестру в лоб, я поплелась в свою спальню.

К моему удивлению, Витора там не наблюдалось. Положила сумку с веером на тумбочку. Сложив подушки горкой, полусидя устроилась на кровати. Вспомнила о шляпке, собралась ее отколоть и обнаружила, что откалывать, собственно, нечего. Где ее посеяла — сколько ни напрягала память, вспомнить не могла. Ничего, уверена, Эли, прекрасно зная о моей способности терять предметы гардероба, заказала несколько шляпок. К ужину выйду, как истинная модница, в новом наряде. Обед я собиралась пропустить. Надо хоть немного разобраться со светопредставлением вокруг обитателей поместья.

Как это сделать?

Я потерла гудящие виски.

Что бы это ни было, вреда оно не причиняет. Мешает, отвлекает — да. Но ведь, когда я впервые увидела воплощенные эмоции, с воплями убежала, напугав садовника, отчитывающего помощника, криво подстригшего декоративные кусты. Потребовалось несколько недель, чтобы я перестала вздрагивать, заметив ту или иную воплощенную эмоцию.

Сейчас проще: я знаю, что делать. Принять факт, что разноцветные пятна есть и будут. Незаметно понаблюдать за людьми и нелюдьми, чтобы привыкнуть к этим обрывкам радуги в воздухе.

Со вторым проблема: днем незаметно из дома не выберусь. Гости разбрелись по всей территории поместья, ведь прогулки помогают правильному перевариванию сплетен о новой хозяйке. К тому же я слишком плохо знаю местность, чтобы спрятаться. Днем, по крайней мере. А ночью все спят — за кем наблюдать?

Разве только за деревенскими последить? Вечером? Именно так и сделаю. Монстра с моста наверняка давно уничтожили мастера.

А если вдруг кто увидит — всегда можно списать ночную прогулку на причуду беременной девушки. Спасибо Витору, теперь у меня есть практически универсальная отговорка!

Довольная тем, что появился пусть и немного кривоватый, но план, я переделалась в простое темно-серое платье, пожертвованное сестрой. Правильно Эли решила: ходить круглосуточно в черном не смогу. Как раз собиралась позвать Элизу, когда в дверь спальни постучали.

— Габриелла, нам нужно поговорить, это важно. — В голосе Кевина не было и тени издевки или превосходства.

Пришлось выйти из спальни и пригласить Салливана в гостиную. Дождавшись, когда закрою дверь, Кевин вытащил из-за спины мою шляпку и протянул со словами:

— Ваше приглашение было весьма экстравагантным. Я не сразу обнаружил ее за диваном.

Значит, когда отбивалась от Витора веером, она слетела. А Кевин, наткнувшись на нее, подумал, что я его приглашаю к себе. Вот почему он удивился, когда повела его в гостиную.

Как самоуверенно. В женской ласке он явно не испытывает недостатка. И то, что я жена его покойного кузена, да еще и беременная, его не смущает. Где Витор, когда он нужен? Мог бы подсказать, на что намекнуть, чтобы приткий мастер отстал.

— Приглашение? О чем вы? — удивленно взмахнула ресницами, покрутила шляпку. — Всего лишь досадная случайность. Из-за приступа мигрени я не заметила, что она откололась. Спасибо, что принесли, было бы обидно потерять такую красивую вещь.

— Полно вам! — поморщился Кевин, перетекая тенью. Я попыталась увернуться, но куда там против высокого, сильного, настроенного на амурные похождения мужика. — Я прекрасно знаю, как наставницы следят за воспитанницами пансионеров... и почему их стараются как можно быстрее выдать замуж!

— Откуда? — упираясь руками в грудь Кевина, презрительно скривила губы. — Тоже обучались в пансионе для благородных девиц? Никогда бы не сказала!

Меня проигнорировали, прижали спиной к стене. Губы прошлись по щеке, шее. Салливан брал, подчинял, сокрушал. Это злило, как и пятнистая радуга вокруг нас.

Я попыталась дотянуться до вазы на тумбе; ничего не выходило. Пнуть

или ударить ногой не могла из-за юбок. Да и кто бы позволил? Притискивали меня со знанием дела. Оставалось лишь надеяться, что, не получив отзыва, Кевин отстанет.

«Как бы повела себя Эли?» — всплыл в голове знакомый вопрос, а потом я вспомнила обещание устроить Витору истерику.

И завопила. Громко, со вкусом, насколько хватило мощи легких, увлеченно, да так, что у самой в ушах зазвенело. Мужчина вздрогнул. Удивленно посмотрел, потом выпустил из объятий. Судя по недовольному лицу, дамы в его руках вопили, конечно, громко и вдохновенно, но в несколько иной тональности.

Я закрыла рот, отступила на шаг от мастера, ближе к вазе. Демонстративно поправила платье.

— Если хотите оставаться и дальше в этом доме, двэйн, держите себя в руках! — прошипела я, глядя на недовольного Кевина.

— Не торопитесь, двэйна, — ровным голосом ответил Салливан, абсолютно не заботясь о том, что китель помят, — вам вначале нужно стать матерью мастера теней, а потом уже распоряжаться. Вам гораздо выгодней заинтересовать меня, подумайте об этом. У меня нет желания выставять вас на улицу, но и согласиться с нынешним положением вещей я не могу. Сотрудничество в нашем случае было бы оптимальным вариантом.

Отвесил насмешливый поклон, издевательски подмигнул и вышел, даже не хлопнув дверью напоследок.

Пожелав ему споткнуться и разбить высоко задранный нос, я направилась в ванную. Не успела дойти до двери спальни, как из коридора донеслось:

— Что вы с ней сделали?! — потом послышался звук удара и мужская ругань.

Выбежав на шум, я удивленно замерла у двери. Элиза, размахивая статуэткой, наступала на Кевина. Лицо сестры закрывала плотная черная вуаль, которая ей совершенно не мешала точно попадать по мастеру теней. Салливан забавлялся. Со скучающим выражением отводил неумелые выпады. Эли не замечала: ярость, алая кошка, растущая на глазах, не давала ей понять, что мастер развлекается.

— Эли, перестань, со мной все хорошо! — Я увернулась от статуетки, обняла сестру за талию и оттащила от Кевина.

Силой отобрала оружие, мимоходом отметив перчатки на руках Элизы. Ничего удивительного, если бы не то, что они больше, чем требовалось.

— Чего вы ждете, двэйн? — натолкнувшись на изучающий взгляд Салливана, сердито буркнула я.

— Продолжения. Возможно, ваш дядя как раз вооружается вилкой и занимает позицию в конце коридора. — И, не дав мне ответить: — Доброго дня, элтины!

Полетевшая в мастера, растворившегося в тени, статуэтка цели не достигла. Фарфор столкновения со стеной не пережил. Но на душе стало спокойней. Хоть какое-то моральное удовлетворение.

— Жалко, — сокрушенно вздохнула Эли, — красивая была.

Я кивнула, поспешно вытаскивая шпильки из волос и позволяя им закрыть пострадавшую от губ Кевина шею. Кожу саднило — наверняка там красуются засосы. Нельзя, чтобы Эли их увидела, — ярость и так почти ей по пояс.

Оставив осколки валяться на полу, мы отправились в спальню Эли. Сестра сама меня потянула. Ее пальцы царапнули кожу запястья. Я поняла, зачем ей большие перчатки. Внутри все помертвело от дурного предчувствия. Неужели зелье перестало помогать?

— И это тоже... — Дождавшись, когда я закрою дверь на замок, Элиза подняла вуаль.

Голубые глаза светились белым: ни зрачка, ни радужки.

— Когда это началось? — нахмурилась я, переводя взгляд с сестры на потягивающуюся ярость.

— Я поняла, что с тобой что-то случилось... и вот... — Эли стянула перчатку и показала стального цвета небольшие коготки. — Мне очень хотелось убивать... Я смогла надеть вуаль, перчатки, заставила взять себя статуэтку... чтобы не когтями...

Элиза в панике сжала пальцы, не замечая, что царапает себе ладони.

— Все правильно. Успокойся, сейчас я тебе помогу.

Вдох-выдох...

...Я лечу! Ветер ласкает кожу, волосы струятся по спине, тело невероятно легкое. Лечу! Да!..

Алое облако стремительно втянулось в мою грудь. Глаза сестры приобрели нормальный цвет. Когти снова стали ногтями. А я, удивленно моргая, смотрела перед собой. Я никогда не летала! Только во сне. Почему же, вспомнив сон, смогла развоплотить алую кошку? Раньше мне помогали только реальные воспоминания.

— Держи! — Эли протянула пузырек с тоником. — Ты совсем зеленая.

Я не задумываясь выпила, отдала сестре пустой флакон. А надо было задуматься, это поняла позже.

Почувствовала себя лучше довольно быстро. Озадачив Элизу поисками черной шали — потерять ее будет намного сложнее, чем

шляпку, — пошла к себе. Я все еще ощущала запах Кевина, нужно было от него избавиться. Хотя бы от запаха, раз его хозяина не могу выгнать.

Вода смыла следы прикосновений. Я уговорила себя отстраниться от случившегося. Пришла к выводу, что сама невольно спровоцировала Кевина. Выходила вымытая и с твердым убеждением: кроме шали нужен шарфик на шею. Идти к доктору с метками, оставленными Салливаном, стыдно. Сама не сильна в целительстве. Да и не поможет мне целительская магия. Такая уж уродилась, невосприимчивая.

Я запахнула полы длинного мягкого халата, стянула с головы полотенце и заметила покойного супруга в кресле. Боль сидела рядом и преданно смотрела на хозяина. Над прозрачной головой «покойника» вспыхивали и гасли разноцветные пятнышки.

— Да вы модник! — сердито осмотрев новый прозрачный китель (на старом пара пуговиц была деформирована, я хорошо последний раз рассмотрела). — Не знала, что кавалерам тоже нужно переодеваться по три раза за день!

Имею право злиться: когда надо, его нет рядом.

— Иногда я вынужден следовать этому правилу. — И все. Ни злости, ни вопросов, почему я такая «веселая».

— А меня в ваше отсутствие навестил ваш кузен! Он был так «ласков», так «вежлив», что мне пришлось спеть ему арию, а Эли — разбить фарфоровую статуэтку, чтобы не утонуть в сиропе!

Витор почти полностью вышел из тени. Оказался рядом. Зеленые глаза оказались совсем близко, губы Алистера скривились, пальцы скользнули по моей шее, даря приятную прохладу.

— Не поможет! — сердито напомнила я.

Но Витор и сам уже понял, что не может убрать с кожи следы, оставленные губами Кевина.

— Постарайтесь не оставаться наедине с Кевином. Особенно когда меня нет рядом. — Покойный супруг опять превратился в прозрачную тень.

Вот так. Все понял. И никаких эмоций. Я сама виновата, а то, что я его жена, не важно. Главное — «шутка».

— Сейчас я не могу воскреснуть, — подтвердил Витор, грусть показалась насквозь фальшивой. — Вы поняли?

— Да! — Как же хотелось, чтобы накопители быстрее наполнились. — Я вас прекрасно поняла!

— Не беспокойтесь, я найду способ оградить вас от Кевина.

Яркие пятнышки разом пропали, а боль заметно подросла.

— Не отпускайте от себя сестру. Или она, или я. Или... я найду вам

сопровождающего. — В ровном голосе явственно проскальзывали злые нотки, Алистер разозлился; более того, мне почудилось, что он воспринял покушение на мою честь как личное оскорбление.

Я запуталась. Вначале ему было все равно, потом грустно, а теперь вот это. Из-за куклы не злятся. Даже из-за понравившейся.

— Сейчас я вынужден уйти, к ужину вернусь. Сестра или... вы поймете... хороший человек вам поможет. — Теперь мне послышалось непривычное тепло. — Наденьте шарфик и сходите к доктору, мне не удалось убрать... — Витор отчетливо скрипнул зубами. — Не бойтесь, он умеет хранить тайны.

И супруг растворился в тени.

Я успела слегка подсушить волосы заклинанием и накрутить на шею легкий шифоновый шарфик, когда пришла Эли с шикарной черной шалью. Ее отдала жена дворецкого, вещь осталась от матери Витора. Прислуга очень любила хозяйку и горевала по погибшим господам вместе с молодым двэйном. Несчастный случай в горах унес сразу обоих родителей. На тот момент ему был уже двадцать один год — попытки тетушки заняться его воспитанием Витор пресек на корню. Тогда же сюда приехал Кевин. С ним мой супруг дружил с самого детства. Все это Эли с удовольствием рассказала жена дворецкого.

— Там дядя. — Элиза едва заметно улыбнулась, следя за тем, как примеряю шаль, прикидывая, каким образом ее закрепить, чтобы потерять ее я могла только вместе с волосами. — Он хочет тебя видеть.

Вот так мой план разобраться со зрением полетел в тартарары. Дядя знаком с тетушкой Витора и может рассказать о ней что-нибудь интересное. Алистер ведь не торопится раскрывать всю подноготную родственничков. А мне еще одиннадцать дней нужно продержаться.

Черное платье, шаль, сумочка с веером — на случай неожиданного появления супруга, — и я вышла к дяде. Склонив голову в знак приветствия, он предложил прогуляться по парку. Эли тут же придумала отговорку, чтобы с нами не идти. Сговорились. Ну и ладно. При дяде помогать меня Кевин не станет.

Парк встретил нас прохладой, густой тенью и теплым ветерком. Только он напоминал, что за густыми кронами царит настоящий полуденный летний зной.

— Знаешь, Габи, — задумчиво произнес дядя, когда мы, закончив с положенными по этикету соболезнованиями, шли по извилистой дорожке, наслаждаясь ароматом цветов, — я всегда знал, что именно ты выйдешь замуж за аристократа. Мэлори считала, что это будет Эли.

Серые глаза дяди затуманила грусть. Я в жесте поддержки сжала его руку, затянутую в перчатку. Аристократ до мозга костей, он всегда носил перчатки. Как и тетушка, никогда с ними не расставался. И шляпки у нее не улетали, а веера не терялись.

— Если бы я поехал тогда с вами... — вздохнул дядя.

У нас бы было три погибших вместо двух. Вслух я подобного сказать не могла. Слишком цинично.

Некоторое время шли молча, занятые каждый своими мыслями. Дядя вспоминал тетю. Я — выпускной в институте. Я запретила себе бояться. Однако легче от этого не стало. Едва перед глазами всплывала карета у дороги, как становилось нехорошо. Кучер погиб первым. Вместе с лошадьми. Именно по их останкам мастера теней выяснили, кто напал. Тетушка прожила немногим больше... А потом была та поляна... клыки и шерсть лунного цвета...

Я прогнала неприятные воспоминания. Напомнила себе о накопителях. У нас все получится!

На обратном пути расспросила дядю о тетушке Витора. Характер двэйна с молодости имела склочный. Поэтому родители вначале отправили ее учиться, потом поспешили выдать замуж за сына состоятельного аристократа. У них родился Кевин. Муж и жена долго притирались. Поговаривали, что в поместье Салливана в уединенных домиках жили его любовницы. Но двэйна Софи, сохранившая титул по брату, этого не замечала. Постепенно ее муж уgomонился. На этом все.

Я вспомнила спокойного и флегматичного мужа двэйны Софи. Подобные ему редко меняются с возрастом. Вполне логично предположить, что грэди Дилан Салливан не исключение. Это же как надо его довести, чтобы он налево пошел? Впрочем, зная характер его супруги, ничего удивительного.

У дома мы столкнулись с приятной круглолицей женщиной лет пятидесяти. Вежливо поздоровавшись, она представилась супругой доктора и сообщила, что по его просьбе немного побудет рядом со мной.

Я, стараясь не показывать удивления, попрощалась с дядей и пошла к себе. По дороге Берта рассказывала о доме. Благодаря ей я начала примерно представлять, где что находится в особняке и за его пределами.

Мы завернули к доктору. Элт с женой жили во флигеле. Тут пахло травами и микстурой. Элазар встретил меня с улыбкой, провел в смотровую. Сокрушенно поцокал языком, разглядывая засосы на моей шее. Свечение его магии показалось знакомым — кажется, в первую нашу встречу я видела что-то похожее на руке Витора. Спросила у доктора. Тот

подтвердил: ему приходится часто лечить моего супруга. Работа мастера теней не так проста и безопасна, как думают обыватели. Не всегда возможность скользить по теням спасает от когтей, зубов, а порой и магии воплотившихся в наш мир монстров. Поэтому к каждому мастеру приставлен целитель. Иногда он совмещает основную профессию с должностью семейного доктора, как элт Элазар.

Этого я не знала. С удовольствием послушала бы еще, но мою шею намазали охлаждающим бальзамом, в очередной раз посокрушались, что на меня не действует целительская магия, и пообещали: снадобье за пару часов уберет все... травмы. И доктор засобирался в особняк — одной из гостей, переусердствовавшей с дегустацией вин из погреба, срочно требовалась его помощь.

Берта проводила мужа и пригласила выпить чая. Потягивая вкусный травяной настой, пахнущий мятой, я мечтала, что однажды буду вот так же жить в своем доме с любимым мужчиной. Тут мне вспомнился вначале Кевин с его нахальными поцелуями, затем Витор с его двусмысленностями и настойчивыми, но таким нежными прикосновениями.

Видимо, я слишком злилась на обоих и сказала какую-то колкость в адрес мужниного кузена, потому что неожиданно услышала:

— Вы не думайте, — Берта подлила мне чая, пододвинула ближе блюдо с горкой золотистого печенья, — Кевин не всегда такой мерзавец.

Я поперхнулась чаем, удивленно посмотрела на женщину.

Берта лукаво усмехнулась, постучала мне ладонью по спине.

— Сложно поверить, да?

Кивнула.

Очень сложно! Особенно после его предложения сотрудничества. И визита со шляпкой. Это же надо было до такого додуматься!

— Он заносчивый, высокомерный, тут его мать постаралась. Но не сволочь. — И, задумчиво глядя на подсвеченные солнцем ветви яблони за окном: — Нет...

Я наострила уши, чувствуя разгадку «шутки» Витора. Но женщина быстро свернула разговор.

Время было обеденное. От Берты я узнала, что обед в поместье не является обязательной трапезой. По негласному правилу семейство Алистеров собиралось вместе за завтраком. В особых случаях — за ужином. Видимо, поэтому Витор спокойно оставил меня одну до вечера.

Кстати, сегодня вечером как раз и должен состояться поминальный ужин. Официально мой супруг считается пропавшим без вести, поэтому никаких похорон. Лишь застолья в честь трех и девяти дней.

Через сорок дней Витора официально объявят погибшим, если вдова не будет против. Я не буду. Будет против сам Витор. И гораздо раньше, чем все думают.

Берта проводила обратно, напоследок озорно подмигнув, протянула маленький конвертик — в такие обычно закрывали готовые простые заклинания, чтобы не тратить энергию на их поддержание.

— Если соберетесь куда-нибудь пойти без сестры, откройте, я приду.

Сестра, я или...

Я с прищуром посмотрела на Берту.

Женщина заулыбалась и кивнула, подтверждая: я правильно поняла.

— Дорогая племянница! — радостно пропели за спиной, когда мы остановились у двери, ведущей в мои комнаты. — Как я рада, что вам лучше!

Берта вопросительно на меня посмотрела, я едва заметно отрицательно качнула головой. С тетушкой Витора сама справлюсь. Давно пора поставить ее на место. Берта одними губами пожелала удачи и откланялась.

А я обернулась к двэйне Софи, давая ей возможность первой сделать ход и тем самым снять с меня ответственность за дальнейшие действия. Приличные элтины не хамят. Они иногда следуют принципу «Плати за добро добром». Сейчас я была очень приличной. Очень доброй. И щедрой.

— Как ваше самочувствие? — начала с поддельным участием двэйна, слишком приторно, как по мне. Особенно после ее язвительных шпилек за завтраком. — Может, вам будет спокойнее у вас дома? Я слышала, беременным нужен покой, привычная обстановка. У ваших родителей ведь чудесная усадьба? Чистый воздух, природа и все такое?

— Не беспокойтесь, я прекрасно себя чувствую, в поместье просто чудесный воздух! — заверила я с солнечной улыбкой.

— Да-да, дорогая... вы уже не напоминаете покойницу... ах, простите, что я говорю?! — всплеснула руками дамочка. — Бледность сейчас в моде!

Если судить по количеству белил на ее лице — она очень модная двэйна. Кстати... а что под ними? В магазине отца были и такие посетительницы. Постыдные болячки я сразу отмела — характер у женщины не тот, да и гонор такой, что любого мужика отпугнет. А вот... На место не поставлю, хоть отвлеку от себя.

— Да, слышала. У отца сейчас настоящий бум на отбеливающие кожу зелья. — Женщина заинтересованно прислушалась. И я продолжила: — Всего несколько капель в воду для умывания, и веснушки сойдут за пару дней. И никаких побочных эффектов, как от косметической магии. И от

солнца прятаться не нужно.

Двэйна Софи неосознанно коснулась перчаткой своей щеки. Ага, угадала, женщина неудачно воспользовалась услугами мага.

— Придумают тоже! — фыркнула она. — Отбеливать! Кому это нужно?

Тебе.

Я проследила, как женщина поспешно уходит, даже не попрощавшись. Надеюсь, папа возьмет с нее побольше денег за вредность. Жаль, скандала не получилось, я уже настроилась отсыпать тетушке от щедрот своих. Помню-помню, я должна брать пример с Эли, но двэйна давно нарывалась.

С мыслями об отце направилась к Элизе. В ее спальне меня ждали два черных платья, шляпка, еще одна шаль и комплект перчаток, сумочек и вееров. Не понимая, куда могла деться сестра, я озадаченно огляделась. Забытый на туалетном столике раскрытый флакон с духами, крышечка на полу, покачивается. Счастливой ветки жасмина нет.

Внезапно стало нечем дышать.

В это раз я знала, кто оказался у опасной грани.

Эли!

Следуя внутреннему чутью, я направилась к гардеробной. Из-за двери доносились тихие всхлипывания. Из самой двери торчал алый гибкий хвост ярости.

Я метнулась к шкатулке. Пустой, опять пустой. Нашла ополовиненный пузырек, кивнула. Хватит. Потом найду полный. Я стала сильнее. С появлением цветных пятен вокруг проще дается развоплощение.

Воспоминания пришли быстрее, чем сообразила, что делаю.

...Мама смеется, радостно, заливисто. Отец улыбается, раскачивая качели, на которых она сидит. Оба такие счастливые.

И мы, влезшие в крапиву, прямо в праздничных платьях, надетых по случаю годовщины свадьбы родителей, тоже... потому что узнали, куда от гостей сбежали родители. Плевать на волдыри! Мы улыбаемся, незаметно наблюдая за мамой и папой...

Алая дымка вокруг, и я одной рукой придерживаюсь за стену, открываю пузырек и выпиваю тоник. Как много ярости. Ничего, справлюсь. Стучу в дверь.

— Эли!

Внутри раздается шорох ткани, будто Элиза отползает в сторону.

Дверь поддается.

Уткнувшись лицом в подтянутые к груди колени, сестра рыдает. В ее пальцах зажат жасмин.

— Эли, все хорошо, я успела. — Сажусь рядом, обнимаю, укладываю голову Элизы себе на плечо. — Сейчас отпустит. Потерпи немного, хорошая моя. Уже все прошло.

— Габи! Папа умер! — всхлипнула она. — Я видела! Это не видение или кошмар! Я все видела!

Сердце пропустило удар, в груди стало пусто и холодно.

— Это всего лишь видение, ты же знаешь, у тебя бывает, — старательно сдерживая дрожь в голосе, заверила я. — Мы сейчас же свяжемся с домом, и ты увидишь, что все...

— Нет! Ничего не будет хорошо! — упрямо перебила Эли. — Я видела! Гром понес! И папа... он лежал... такой...

— Хватит! — Я отвесила сестре хлесткую пощечину, буквально каждой частичкой души чувствуя ее испуг и боль. — Прекрати! Это всего лишь видение! Слышишь?! Я иду писать папе. Приведи себя в порядок.

Выходила из комнат присмирившей Эли, послушно взявшейся за выполнение приказа, чувствуя себя последней гадиной.

Стоило шагнуть в коридор, как меня схватили за локоть и уволокли в нишу, закрытую драпировкой.

— Куда вы? Почему одна? Где ваша сестра? Что я вам говорил? — сердито прошептал Витор, проявляясь ровно на столько, чтобы я могла рассмотреть недовольство на его лице, смешанное с сомнением в моих умственных способностях.

— Мне нужно написать отцу. Я соскучилась! — Я вырвала из его рук локоть. — Не думаю, что ваш кузен попытается снова предложить мне сотрудничество! В коридорах полно слуг!

— Не стоит, это вас расстроит.

— Что? Что вы сказали? Что меня расстроит? Слуги? Кевин? — Я сипло выдохнула, глядя в расплывающиеся черты Алистера. — Витор!

Видение Эли — правда? Но как такое возможно? Они ведь никогда не сбывались. Всего лишь страшные картинки, появляющиеся в голове сестры из-за зелья. Или нет? Сердце пропустило удар, в голове стало пусто — до звона, до боли в ушах. Папа? Он умер?

— С вашим батюшкой случился досадный несчастный случай, — ледяным тоном сообщили мне, — конь понес.

Я прикрыла ладонью рот, сдерживая рвущийся крик, закусив костяшку пальца.

— Что с ним? — Я должна это услышать.

Зажмурившись от страха, ждала жутких подробностей.

— Все обошлось. — Витор привлек к себе.

Травяной запах, неуловимо напоминающий аромат лекарств во флигеле доктора, как ни странно, успокоил. Лекарства — это хорошо. Ими лечат. Мысли были сумбурными, нелогичными. Все обошлось. Витор сказал: все обошлось!

— Живой! — Единственное, что смогла выдавить.

Прижавшись к теплой ткани рубашки невидимого мужа, я пыталась взять себя в руки. Выходило отвратительно. Потому что Витор неожиданно обнял сильнее. Его дыхание щекотало висок. Ладони поглаживали по плечам, успокаивали. Сколько мы так стояли, скрытые от чужих глаз драпировкой, — не знаю.

— Все обошлось, — повторил Витор, почти касаясь губами щеки. — Он жив, это главное.

Я напряглась — обычно после таких слов сообщают нечто совсем жуткое. Когда-то давно я была невольным свидетелем подобной сцены. Клиенту отца тоже сказали, что все обошлось. Его сын умер спустя несколько часов.

— У вашего отца сломана шея, — подтвердил худшие опасения Витор. Я больно закусила губу. Я должна дослушать! — Ему повезло. Спинной мозг не задет. Доктора погрузили его в целительский сон на несколько недель, чтобы позвонки срослись.

Я не знала, что делать. Хотелось немедленно вернуться домой, обнять маму, проверить, как отец. Но Эли... накопители... то, что происходит с сестрой, несмотря на зелье. Могут ли потерять хоть один день?

— И не думайте туда ехать, — не терпящим возражения тоном отрезал Витор, разрушая образ заботливого мужа. И возвращая меня на бrenную землю.

— Он мой отец! — Я отодвинулась и упрямо посмотрела в лицо полупрозрачного мужа, решившего ради серьезности момента показать себя в облике разумного студня.

— У вас контракт со мной.

— Вы не даете мне об этом забыть, — сухо отрезала я, отступая на шаг от «покойника».

Почему нельзя использовать магию кого-нибудь другого?! Почему именно магия мастера теней?! Что за несправедливость?!

— К тому же я уже ответил вашей матери от вашего имени. И убедил ее не афишировать травму вашего отца. — Эффектная пауза, за время которой я всерьез задумалась о том, кто кого использует в нашей афере. Судя по тону мастера, он — нас всех. И скрываться за «шуткой» может что угодно. А мы с нашими накопителями и ложью о банкротстве — дети. —

Пришлось напомнить вашей матушке, что у нас договор. И в случае его невыполнения вы снова можете попасть в руки кредиторов.

Представляю, что подумала мама обо мне. Она ведь прекрасно понимает: я не могу открытым текстом говорить о нашей проблеме.

— Когда это случилось?

— Меньше четверти часа назад. Ваша мать на редкость оперативна. Вашему отцу повезло, что она решила приехать в ваш магазин.

Наверняка собиралась его переубедить. Доказать, что мы поступаем неправильно, дурно.

— Где они сейчас?

— Отправились в усадьбу. Официально ваш отец решил немного отдохнуть от дел.

Мама смирилась? Согласилась с нашим планом? Так просто? Или спрятала отца, пока не уляжется скандал, после того как она сообщит...

Но ведь она обещала! И оговоренный срок еще не истек!

Отец. Он был той плотиной, что сдерживала законопослушность мамы. А сейчас он спит. Раненый, чудом не погибший.

Не позволю! Надо будет — сбегу вместе с Эли. Но не отдам ее.

«Закон! Так полагается! Это опасно! Мое сердце тоже разрывается, Габи!» — Правильная мама.

Аристократка, совершившая в жизни одну единственную ошибку — брак с отцом. Я не ты. И не Эли, согласившаяся с тобой. Я подожду, но если ты, мамочка, сделаешь то, что хотела, увезу Эли.

— Вы улыбаетесь точно как ваша сестра. Кажется, что внутри у вас все обливается кровью. — Витор прикоснулся кончиками пальцев к моим губам. — Что с вами?

— Ничего, — нервно передернула плечами, — я только что узнала, что мой отец чуть не погиб. И вы запретили мне об этом говорить. Конечно же, мне плохо! Вы же не думали, что я упаду на пол и буду биться в истерике?

— Думал, — неожиданно подтвердил Алистер с непонятым вздохом.

— Простите, что в очередной раз не оправдала ваши ожидания, мой драгоценный покойный супруг! — зло выпалила. Слезы застилали глаза, но я не могла себе их позволить. Эли почувствует, и будет сложно убедить ее, что все хорошо. — Я могу идти? Мне нужно переодеться к ужину. К вашим поминкам. — Вышло несколько мстительно.

— Идите. Зайду за полчаса до ужина.

— С нетерпением жду!

Отодвинула портьеру и направилась к двери, гордо выпрямив спину.

— Не злитесь, Габи, вы и так до безумия очаровательны, — донеслось

вслед задумчивое.

Хотелось оглянуться. Увидеть выражение лица Витора, понять, что это: способ удержать меня, где нужно, или он на самом деле пытается загладить свою вину? Но я переборола любопытство, напомнив себе, что покойный супруг сейчас тень. И лица у него нет как такового.

В спальне ждала Элиза — в вуали, перчатках. Вокруг нее прыгал, летал, скручивался кольцами целый зверинец. Кроме воплощенных эмоций, в воздухе висели большое красное пятно и розовое поменьше.

— Все хорошо, он жив, — поспешила сообщить я с порога, — мама увезла его в усадьбу. Он сильно пострадал и будет некоторое время спать целительским сном. Но все обошлось. Скоро наш папа снова будет продавать зелья и выслушивать жалобы покупателей.

— Правда? — прошептала сестра.

— Да! — уверенно кивнула, прицениваясь, с какой эмоции начать.

Тоник все еще действовал, поэтому я решила не отводить сестру в ее спальню, а попробовать прямо здесь свой быстрый метод. Сосредоточилась, представила... и тут у меня в глазах зарябило, а потом я будто провалилась в яму. Пришла в себя быстро. Мимолетный взгляд на часы — и минуты не прошло.

А, как это?

Я ошарашенно разглядывала Элизу, снимающую вуаль. Вполне нормальную девушку. И воплощения исчезли! В пятнах же начали угадываться силуэты крыльев! Тонких красных теплых крыльев, чем-то неуловимо напоминающих крылья бабочек. Розовое пятно тоже изменилось, оно стало шустрее. Крылья были птичьи!

Смотрела на них, и в душе росло непонятно откуда взявшееся убеждение, что, пока у этих штук есть хоть одна чешуйка, хоть одно перо, Эли мы не потеряем!

Волосы всколыхнул залетевший в распахнутое окно ветерок, в воздухе промелькнуло серебро. Покружив по комнате, эфирии выскользнули наружу.

Я улыбнулась, глядя, как исчезают едва заметные глазу крылья.

— Габи, с тобой все хорошо? — Эли устало провела пальцами по волосам. — Прости, я совсем тебя замучила...

— Нет, все отлично. — Я посмотрела на порхающие в воздухе алые и розовые крылышки.

Интересно, увижу ли их полностью? Пойму, что это такое? Ведь точно не духи. Эфир мне недоступен. Разве только немного: мельком увидеть эфирий, часть их воздушной красоты да проследить за воплощенными

эмоциями.

— Я постараюсь себя контролировать, — решительно сдвинув брови, пообещала Эли. И с заминкой, виновато: — Извини, с папой было так... будто на самом деле... словно я там была... стояла рядом и видела, как он... прямо вот так...

— Он жив!

— Я хотела подойти к нему, когда он упал, но тут подъехала карета... и я очнулась...

Совпадение видения сестры и рассказа Витора насторожило. До сих пор ее кошмары не имели никакого отношения к реальности. Чего нам еще ждать? Не знаю. Но я справлюсь. Не знаю как.

Крылышки же над головой сестры вызывают сплошь положительные эмоции, вряд ли они могут нести вред. А что, если я вижу положительные эмоции?

С интересом покосилась на разноцветных спутников сестры, то быстро мелькающих, то замирающих, то вспыхивающих ярче, то угасающих. И кто же вы такие? Какие чувства сейчас порхают над ее головой, заставляя улыбаться и надеяться на хороший конец нашей страшной сказки?

Глава 6

Время до ужина пролетело незаметно. Вначале я уговаривала Эли немного отдохнуть — после видения сестра выглядела измученной. Элиза сопротивлялась, заверяла, что чувствует себя отлично. В конце концов мне удалось ее уложить.

Потом пыталась придумать, как понять, что я вижу, и не привлечь внимания. Новые способности требовали проверки. В прошлый раз я хотя бы примерно представляла, что вижу. Это напоминало чувство дежавю. Сейчас могла лишь предполагать. И мне было необходимо подтвердить догадки. Поэтому, не колеблясь, раскрыла конвертик с заклинанием. Из него выпорхнула крохотная птичка, сотканная из прозрачных вихрей, мелко трепеща крылышками, зависла на месте, а затем исчезла.

Занятно: оказывается, Берта владеет магией воздуха.

— Куда идем? — радостно заулыбалась с порога супруга доктора.

— На экскурсию по дому! — Я pokrутила головой, проверяя, не сползет ли черное кружево платка.

— Правильно! — одобрила Берта. — Давно пора показать всем этим господам, что вы тут хозяйка.

Я незаметно посмотрела на женщину. Вроде бы говорит серьезно. Витор не сказал ей, что наш брак фиктивный? Интересно.

Экскурсию начали с кухни, где больше всего народу перед семейным ужином.

Поздоровавшись с поварами, занятыми готовкой, я обошла огромное помещение. Краем уха прислушиваясь к Берте, рассказывающей о том, что уже готово, а что кипит и пузырится, я исподтишка изучала крылатые воплощения положительных эмоций. Старалась не обращать внимания на отрицательные.

Следующим пунктом нашего путешествия стали гостиные и музыкальные салоны. В огромном особняке их имелось предостаточно. Дом многократно перестраивался. И сейчас его по площади можно было легко сравнить с небольшим дворцом.

Встреченные по пути слуги и гости дома радовали новыми цветами положительных эмоций. И уже знакомыми отрицательными.

Не обошлось и без казусов.

Сунув нос в жемчужную гостиную, мы с Бертой случайно подглядели

сцену ревности. Пятиюродный кузен Витора обвинял жену в повышенном интересе к Кевину, требовал немедленно отбыть домой. Женщина не сопротивлялась. Кажется, она привыкла к нападкам мужа, потому что любила.

Да, я уже немного разбиралась в радуге положительных эмоций. Красные крылья бабочек — любовь.

Муж супругу тоже любил, хоть и проявлял это весьма странным образом.

Я была не против уменьшить количество «добрых и дружелюбных» родственников Витора в особняке. Так что, нарочито громко спросив какую-то банальность у Берты, решительно вошла в гостиную.

Мужчина увидел в этом знак свыше, не иначе. Он поспешно сообщил о вымышленных неприятностях дома, рассыпался в извинениях и потащил жену собирать вещи.

Пожелав им счастья, я решила заглянуть к управляющему. Кабинет Майлза находился в западном крыле дома. Первое, что бросилось в глаза, когда вошли в помещение, — обилие бумаг и идеальный порядок.

Что ж, вполне ожидаемо. Иначе как бы сын горничной, никогда не знавший отца, мог получить столь высокую должность? О нелегкой судьбе Майлза мне поведала Берта. Упрямство и трудолюбие были отличительной чертой нынешнего управляющего. Мальчишкой он сумел самостоятельно освоить программу колледжа. Это понравилось отцу Витора, и он оплатил учебу Майлза в престижном заведении. И даже не потребовал с подопечного слова, что тот отработает деньги, потраченные на его обучение и проживание, на благо Алистеров. Управляющий сам предложил свои услуги.

Мне нравились целеустремленность и благородство Майлза. Я бы с удовольствием с ним побеседовала, но управляющий был занят. Он искренне обрадовался тому, что я решила изучить дом, заверил: мне не о чем беспокоиться, с бумагами полный порядок. Если захочу, он с удовольствием все объяснит и введет в курс дела.

Выходя из кабинета Майлза, я позавидовала его умению себя контролировать: ни положительных, ни отрицательных эмоций я рядом с ним не увидела.

Последним местом, куда мы заглянули, была мастерская Витора. Берта долго возилась с замком, потом все же смогла открыть дверь. Несколько комнат были заставлены всевозможными механическими штуками: от игрушек до непонятных конструкций неизвестного назначения.

По словам жены доктора, хобби Витора было скорее блажью, чем

серьезным увлечением. Своего рода способом отвлечься.

Я бы так не сказала. Ворота Витор демонстрировал с явной гордостью. Как свое достижение. Жаль, не поняла, чем же он так гордился.

Время ужина приближалось, и я вернулась к себе. Берта снова оставила сигнальный конвертик на случай острого желания пройтись.

Я разбудила Элизу. Мы переоделись в приготовленные сестрой платья. Я немного нервничала: смогу ли сыграть достаточно убедительно? Одно дело обычный ужин. Другое — фактически поминки. А еще меня мучило любопытство: на подобных мероприятиях принято говорить хорошее о покойном; что я услышу о Виторе? Или у мастеров теней по-другому?

В синюю столовую, самую мрачную из всех и потому наиболее подходящую для поминок, я шла слегка взволнованная. Быть вдовой Алистера нравилось все меньше. Мне обещали одно, а на деле выходит совсем другое. Вот где опять мой супруг? Обещал быть рядом, а сам исчезает без предупреждения! Хоть бы инструкции, что ли, оставлял! Этому гостю ничего не говорим, этого не замечаем, о встрече головы Кевина с вазой не мечтаем, его маман в супнице утопить не жаждем (суп жалко!).

Витор так и не появился. Впрочем, на ужине отсутствовал не только он. Тетушка Алистера извинилась за Кевина, вынужденного временно нас покинуть, потому как работа. При этом она таинственно округляла глаза — казалось, что повар случайно добавил в ее тарелку пару ложек перца. Впрочем, вполне возможно, так и есть. Двэйна навестила перед ужином кухню с инспекцией. Инспекция, похоже, удалась. Повар с дергающимся глазом лично доносил блюда, предназначенные склочной даме, до дверей и в щелку следил, чтобы, упаси предки, не перепутали. Больше ничего особенного не происходило.

В общем, зря я боялась.

Ужин отличался от обычного лишь скорбным видом гостей и редкими речами о хорошем сыне и талантливом мастере Виторе. Особенно старалась показать, как ей не хватает племянника, двэйна Софи. Она говорила много и ни о чем. Вспоминала детские годы Витора, каким он был живым мальчиком, как дружил с ее сыночком. И она действительно испытывала к нему нежность. А меня ненавидела. И не только она. Для гостей я по-прежнему была бельмом в глазу, сидящим во главе стола, напротив тетки покойного.

После ужина я сослалась на плохое самочувствие и, вцепившись в руку Эли, буквально сбежала, напоследок пожелав счастливого пути тройке гостей, решивших отбыть. От обилия отрицательных эмоций ломило виски.

От долгого пребывания в закрытом магией пространстве неприятно давило на грудь.

Время тянулось нестерпимо медленно — казалось, стрелки прилипли к циферблату. Мы с Эли успели принять ванну, переодеться: она — ко сну, я — к прогулке. Наблюдая, как я мечусь по нашим комнатам, Элиза предложила мне почитать. Она успела навестить библиотеку. Мне бы тоже не помешало. Тем более сестра сказала, что там почти нет женских романов, только скучные книги.

Роман у нее не отобрала только потому, что, читая, Эли отвлекалась и становилась хоть немного счастливей, о чем говорили золотистые всполохи, вспыхивающие то тут, то там.

Витор так и не появился.

В мою голову снова закрались подозрения: а не убили ли его на самом деле? А что? Я же не знаю, куда он исчезает. Вдруг его там... того? Где он там ходит.

Чтобы себя хоть как-то успокоить и скоротать время, я отправилась инспектировать комнаты супруга. Пошла через смежную дверь. Спальня — копия моей. Светлая, большая, оформленная в бежевых тонах. Широкая кровать с резными столбиками, пара тумбочек у изголовья. Кресла, диван. Вместо туалетного столика — шкаф с книгами. Бар в углу, а у меня нет. Правильно, беременной супруге может повредить алкоголь. И камин. Тут меня тоже обделили. Не отказалась бы посидеть у живого огня на шкуре белого медведя. Или в кресле-качалке.

Меня заинтересовали книги; пришлось себя одернуть и продолжить осмотр.

Множество мелочей делали спальню Витора уютной и непонятной. В моих комнатах все было строго выверено и продумано. Видна рука профессионала, впрочем, как и во всем доме. Ничего удивительного, состоятельные семейства часто нанимали специалистов по интерьерам. Их услуги требовали вложений лишь в первый раз. Потом за небольшую плату знаток обстановок раз в несколько месяцев навещал хозяев, сообщал о новых веяниях, оговаривал необходимые изменения. В итоге дома выглядели вполне себе модно, а хозяйке или хозяину не нужно было вникать в выверты моды. А тут...

Как могли оказаться рядом вполне мужская черная статуэтка пегаса и салфетка, расшитая пестрыми цветами? Или откуда тут сплетенный из красной нити оберег? Все знают, что они не помогут против духов. Их простые девушки дарят как сувенир тому, кого любят.

Такое чувство, что тут жили двое — мужчина и женщина, которые

очень любили друг друга.

Я задумчиво провела пальцами по боку резной шкатулки, стоящей на полке шкафа. Какая глупая! Совсем замоталась! Слуги сказали, что поселили меня в комнаты матери Витора. А тут жил его отец. И мать.

Случалось и такое.

Мои родители тоже не видели смысла селиться в разных комнатах, навещая друг друга лишь ночью. Но мама все равно держала спальню рядом с комнатами отца. Говорила, так положено. Боялась, ее сочтут чересчур развратной. Аристократам не пристало иметь знойный темперамент. Возможно, покойная двэйна Алистер думала так же.

Слуги были в курсе того, что комнаты госпожи числятся за ней лишь номинально. Почему солгали? Элементарно! Они меня не знали. Вдруг я бы сочла поведение их хозяйки неприличным?

В гостиных и эркере я обнаружила ту же картину: Витор сохранил уют личной территории родителей.

Вспомнив папу, проглотила слезы. Напомнила себе об Эли: сестра обязательно почувствует, что со мной происходит. Ей и так хватает переживаний. С папой все в порядке. Почти в порядке. А то, что за нами до сих пор не пришли, дает надежду на то, что мама не станет вмешиваться, как и обещала.

Вернувшись в спальню мужа, я на некоторое время выпала из реальности. У Алистера была любопытная коллекция книг. Жаль, большая часть оказалась заперта заклинаниями. Эфир, эфирные создания, воплощения — кажется, я знаю, чем буду заниматься в следующие дни во время отсутствия Витора!

Конечно, это не праздное сидение у камина, но с гостями я буду пересекаться редко. Мне, беременной, утомленной, простительно.

Начну сегодня ночью, сразу как вернусь с прогулки. Если к тому времени не объявится мой покойный супруг. С этими мыслями я вернулась к себе.

Горничные мне попались сообразительные, шпильку в оконной раме быстро заметили и вытащили — пришлось опять забираться на тумбочку и вколачивать новую медной статуэткой. Подставка последней моими стараниями стала снизу рифленой. Но ведь ее никто не видит, правда?

Прежде чем заниматься древолазанием, проверила Эли: сестра спала в обнимку с романом. Я заперла на ключ дверь в ее покои и спальню. То же самое проделала со своими апартаментами.

В этот раз у меня получилось прыгнуть дальше. Балансируя на покачивающейся ветке, я довольно улыбнулась. Из поместья выбралась в

рекордные сроки. Испуг от моего фееричного прыжка спровоцировал появление ночного зрения, а желание нормально дышать подстегнуло ноги. К лаймовой роще я бежала, едва касаясь земли носками сапог, и за пределы поместья вылетела, словно за спиной выросли крылья.

Ветер, ночное небо, целая палитра запахов — все дурманило, заставляя радоваться. Мечтать о полете. Как во снах и в том, выдуманном воспоминании!

Наверное, именно поэтому я особенно остро ощутила внезапно появившуюся тревогу, разлившуюся вокруг. Гуляющий по вершинам деревьев ветерок внезапно затих, замолчали лягушки и ночные птицы. Унылый крик совы вдалеке прозвучал зловеще. Неожиданно налетевший порыв ветра принес не зной летней ночи, а странный, неизвестно откуда появившийся холод. Будто зимой потянуло.

Мне бы развернуться и убежать, но я не смогла. Потому что поняла: где-то там сейчас происходит что-то нехорошее. И я не смогу уйти, не попробовав помочь.

Первой я увидела мертвую лошадь. Она лежала головой в реке.

Я вцепилась пальцами в вырез блузки: резко стало не хватать воздуха, казалось, он стал вязким и никак не хотел затекать в легкие; перед глазами стояли тела других растерзанных животных и кучера.

Хозяину этого коня повезло. Мужчина, припадая на правую ногу, бежал к поселку. Человек боялся, но боролся с собой. Зажимал рану на боку и неся что есть духу!

А по ту сторону моста, в ивняке, серела шерсть.

Я присмотрелась и чуть не закричала. Монстр, тот самый, которому я помешала убить оборотницу, склонился над чьим-то телом. Нет, не телом. Его жертва была жива — мужчина в одежде, изорванной в клочья, сжимал в руке кинжал.

...Поляна, освещенная луной... клыки... шерсть цвета лунного света...

Я закусила костяшку пальца, поспешно отогнала нахлынувшие воспоминания. Иначе не справлюсь со сковавшим мышцы страхом.

Никаких мыслей в голове. Лишь желание успеть.

Быстрое движение вперед, на грани сил.

И мир, на мгновение ставший другим, размытым.

Длинные клыки промелькнули у лица. Мои пальцы вцепились в плечо мужчины.

Рывком на себя.

Лунная шерсть...

Снова накативший ступор. И мысленный вопль: «Габи, очнись! Она не лунная! Она серая! Серая!»

Мелькающие деревья, ветер, закручивающийся вокруг воронками. Яростный вой позади. Ответный — из деревни.

Оборотни! Мужчина добежал! Спасся! Вся стая вышла на защиту поселка! Монстру не справиться.

Мне бы остановиться, оставить раненого. Не могу — пока оборотни его найдут, пока приведут доктора, они не успеют.

Изгородь — не изгородь.

Как перетащила мужчину через нее, помню смутно.

Было очень трудно и страшно. Я боялась задеть раны, поцарапать его о колючки.

Ласково светящиеся окна, женский и мужской силуэт.

Я опускаю ставшую невероятно тяжелой ношу на газон. Плечо занемело, шея болит, руки мелко подрагивают. Подбегаю к окну, стучу.

— Доктор! — вместо крика из горла вырывается тихий сиплый шепот.

...Лунная шерсть... испуганные глаза Эли, как две темных луны из-за расширившихся от ужаса зрачков...

— Габриэлла?! — Элт ловко выпрыгивает в окно, заметив мужчину у моих ног.

...Мертвые лошади... мертвый кучер... тетя... белое платье в темных ветках... ветках, покрытых серебряными иглами инея... сверкающих в полумраке ночи...

— Габи?! — Берта следует примеру мужа, цепляется юбкой, едва не падает, не замечает. И вот меня уже обнимают, прижимают к пахнущей сдобой груди, успокаивающе поглаживают по голове.

...Розовый шелк в алых каплях... снежинки, оседающие на ткань... снежинки... у нас не бывает снега... никогда... Белые, крупные, они кружатся в темном воздухе. Розовый шелк, алые капли, белая изморозь... И морозов не бывает... У нас зимой цветет жасмин. Старики говорят, он запутался, ведь его к нам завезли откуда-то с востока. А жасмину все равно, он цветет...

Слез нет, страха нет. Я не могу бояться. Не имею права. Ради Эли. Ради папы. Ради спокойствия мамы.

— Габи, не бойтесь, он жив, кинжал не задел внутренние органы, — не отрываясь от раненого, успокаивает доктор. — Берта, отведи ее к себе!

...Отец удивленно смотрит на меня: «Габи?»... Я стою с мокрыми от снега волосами и держу на руках сестру... алые капли стекают по розовому шелку... «Габи?»...

— Габи? — Берта меня куда-то ведет, краем глаза замечаю появившегося из теней Витора.

Доктор недовольтно что-то ему говорит. Мастер смотрит на меня, хмурится.

Попалась! Я что-нибудь придумаю, обязательно.

...Бледное лицо Элизы на подушках в алую полоску... алую, как ее кровь, которой пропитана повязка... алая, как растущая у ее кровати ярость, которую нужно убрать... я знаю это, но все равно жутко боюсь. С момента, как я впервые увидела в саду воплотившуюся злость садовника, прошла лишь пара дней. Все эти дни старалась понять, что это и почему звери сестры такие большие. Поняла. И даже попробовала развоплотить одну из них. У меня вышло. И Эли стало легче. Но я все равно боюсь, что в тот раз получилось случайно...

Мы уже у двери моей спальни? Когда я успела отдать Берте ключи? Только что, да.

Растущий внутри страх: Эли!

— Дальше я сама. — Я жестом остановила женщину, собиравшуюся зайти следом за мной. — Благодарю.

— Но Габриелла?.. — Не дослушав, захлопываю дверь и закрываю на ключ.

Мелькают комнаты. Кажется, я не открывала ни одной двери. Не важно.

Эли сидит на полу у кровати. Ее глаза светятся, словно две полные луны. На руках серебром блестят когти. Ярость сидит рядом. Бледной бабочкой едва заметно алеет любовь.

Я моргаю, тру пальцами глаза: вокруг Элизы будто знойное марево колышется. В нем угадывается нечеловеческий силуэт.

Не позволю! Мы столько боролись! Осталось совсем немного. Не смей сдаваться!

Ярость окутывает меня алым облаком, но не исчезает. Она порывом ветра бьет по тому, кто устроился за спиной сестры. Разжигает ее любовь. Кажется, крылья невероятно красивой алой бабочки вспыхивают искрами.

Наваждение, не иначе: напоследок я вижу серебристые крылья, легким ветром коснувшиеся моей щеки.

— Эли? — Я обессиленно сползла на пол, кое-как, на четвереньках, добралась до лежащей без движения сестры.

Приложила ладонь к ее шее, с облегчением почувствовала под пальцами ровный пульс. С радостью отметила, как недовольтно засопела побеспокоенная Элиза. У меня снова получилось. Невероятно.

Переложить Эли на кровать вышло далеко не сразу. Но я справилась. Из последних сил добралась до шкатулки. Пустой... пустой... Руки тряслись, виски будто обручем сдавило. Ничего не осталось. Мне нужен доктор. Я достала конвертик с заклинанием. Но вначале надо вернуться к себе. Хватит того, что Витор видел меня...

А что, собственно, он видел?

Я подоткнула одеяло и поправила веточку жасмина на тумбочке в изголовье. Это не так просто, когда все плывет и хочется уткнуться лицом в одеяло и не двигаться.

Закрыв дверь в спальню сестры на ключ, я по стенке пошла к себе.

Итак, что видел мой не вовремя исчезающий муж?

Меня, испуганную до истерики, доктора, Бертю и мужчину без сознания на газоне под окнами флигеля.

О моих ночных прогулках Витор знает. Так почему же я не могла найти умирающего рядом с домом?

Я остановила черепаший забег в сторону спальни. Осмотрела одежду. Крови, кажись, нет. Откуда ей взяться? На часы я не глядела, но по ощущениям пронеслась от реки до особняка со скоростью взбесившегося пегаса. Кроме того, кажется, вокруг было что-то вроде воздушного кокона. Один слой защищал мужчину, второй — меня.

О монстре у поселка мастера теней узнают от оборотней. А как мужчина попал на газон особняка — не знаю. Там его и нашла.

Вопреки опасениям, Витора в спальне не наблюдалось. С трудом раздевшись, я свалилась на кровать. Конверт с заклинанием выпал из пальцев, сил поднять его с пола не осталось.

Глядя на него, близкий и такой далекий, я мечтала упасть в обморок или забыться сном. Вместо этого начала размышлять.

Во-первых, пора признаться себе, что никаких провалов в памяти у меня не было. Я запретила себе думать о случившемся год назад. Вспоминала только то, что причиняло меньше боли, было хоть немного понятно. Я и бояться себе запретила. И чувствовать.

Как такое возможно?

Да. Немного силы воли и глупость.

Во-вторых, я так привыкла к этому, что вчера, во время приступа Эли, проделала с собой то же самое.

Что случилось сегодня?

Я не выдержала.

Настоящее наложилось на воспоминания из прошлого.

И последнее: если бы этого не случилось, я бы не смогла вытащить

Элизу. Значит, прятаться за выдуманной амнезией больше не стану.

Я перевернулась на спину.

Запрещаю себе бояться. Ради Элизы, ради папы, ради мамы.

...День выпускного бала в Институте начался рано. Девушки поднялись еще до рассвета, и в коридорах общежития царила непривычная суета.

Все хотели выглядеть сногшибательно, ведь на мероприятие собирались приехать кадеты Военной академии. И мы с Элизой не были исключением.

Два одинаковых платья: голубое и розовое, восхитительно воздушные, шелковые, подчеркивали свежее очарование юности. Мы, смеясь и хихикая, делали друг другу макияж, поправляли прически. Одинаковые? Нет, мы разные.

Из общежития выходили счастливые, предвкушая новую жизнь, за пределами Института. Такую долгожданную и такую волнительную. Ведь уже вечером мы станем не просто какими-то выпускницами пансиона, а молодыми элитами с дипломами Института. Завидными невестами. Не зря же дворяне стараются дать дочерям именно высшее образование? Мы не дворянки, но папа будет доволен. И мама тоже. А еще нам подарят карликовых драконов!

Взявшись за руки, мы с Эли прошли в зал, где собрались не только выпускницы, но и их родственники и приглашенные гости. И кадеты Военной академии, среди которых особо прыткие девочки успели разглядеть много симпатичных парней.

Потом было вручение дипломов. Мы очень нервничали. Родители, приехавшие на торжество, подбадривали нас взглядами. Тетушка придирчиво изучала наши платья. Дядя остался дома — у него случился прострел...

Воспоминания выглядели сухими листьями, лишенными сочных красок. Но я не могла заставить себя воскресить в памяти весь букет эмоций. Тогда попросту не рискну дойти до конца. Снова соблазнюсь забвением.

Я сильная. Я справлюсь.

...После вручения дипломов был бал. Мы танцевали, веселились. Решили подшутить над особо настойчивыми кавалерами: сбегали в комнату для девочек и поменялись платьями. Никто не заметил подмены,

мы очень старались. Нам казалось это забавным. Особенно когда тетя попросила Эли, назвав ее Габи, составить ей компанию. У тети случилась мигрень от шума и гама, и она хотела проветриться, покатавшись вокруг столицы. Папа нас не выдал. И Элиза ушла с тетушкой, которая напоследок пообещала завезти ее в нашу усадьбу.

А я осталась...

Почему я тогда не сказала тете, что она ошиблась? Почему не остановила Эли?

Я открыла глаза, глубоко вдохнула. Я не боюсь! Я смогу!

...Не знаю как, но я почувствовала, что с Элизой что-то случилось. С самого детства нас связывала невидимая нить. Я сбивала коленки, а Эли плакала от боли. Она пугалась чего-то, я вздрагивала, сидя в другой комнате.

Мама мне не поверила. Отчитала за глупую шутку с переодеванием. На возвращении домой настоял отец. Не сразу ему удалось убедить мамулю.

А я тем временем сбежала. Выпрягла Грома и сбежала.

Вначале я увидела карету, далеко от дороги, в кустах. Ее туда отшвырнули. Потом Гром встал на дыбы, и я не удержалась. Конь, бегавший за мной по пятам, как собачка, меня бросил. После узнала, что потомки пегасов чувствуют духов и боятся их.

Убитых лошадей и мертвого кучера я толком и не разглядела. Я искала Эли и тетю. И нашла. Мамина сестра отпечаталась в памяти светлым кружевом белого платья на фоне сломанных темных веток, покрытых искристым инеем. По платью ее и опознали.

Тетушка не любила всевозможные инъекции и опасалась докторов и других исследователей тел, поэтому написала в завещании, что не хочет, чтобы ее касался скальпель. Причина смерти была ясна, да и родство не требовало подтверждений.

Я искала Элизу. Я была уверена, что она жива. Я запретила себе вспоминать, но именно тогда начала двигаться по-другому, не как человек, быстро и не оставляя следов...

Почему? Не знаю. Обратней и других нелюдей в моей семье не было.

Мы думали, что нам повезло. Мне улыбнулась удача.

Нет.

Именно тогда я начала меняться, а не несколько недель назад. Несколько недель назад мое тело окончательно привыкло к новой манере передвижения. А я еще удивлялась, как мне легко бегать. Ничего потом не

болит. Если не развоплощать эмоции.

...На той дороге во мне будто прорвало плотину. Я менялась, сама того не подозревая...

А потом все вернулось на свои места. Виноват мой блок или что-то еще? Я не настолько сильна, чтобы заставить себя сделать подобное со своей памятью. Значит, мне кто-то помог... или что-то... зачем?

Подумаю об этом позже, а пока я должна понять, что случилось в том лесу, точнее, заброшенном парке в окрестностях столицы.

...Поляна... заросли цветущего жасмина...

...Клыки... лунная шерсть... розовый шелк... снег... изморозь и запах зимы...

Я смогу!

— Напомнить, что я вам сказал? — Вкрадчивый голос, язвительный и слегка усталый, вернул в реальность. — Что вы делали на улице одна? О чем думали? Габи!

Витор — его тень — сидел на кровати, откинувшись на спинку, и смотрел на меня.

— Мне нужны прогулки... вы же знаете, — напомнила я; вышло вяло и безжизненно.

— Не могли подождать меня?

— Я не знала, вернетесь вы или нет. Кто вас знает, может, вы решите на самом деле умереть! — Я попыталась принять полусидячее положение.

Виски тут же отозвались пульсирующей болью, во рту появился неприятный привкус горечи. Витор расплылся. Жаль, не на самом деле!

— Не надейтесь! — огрызнулся Алистер.

— Не надеюсь! — От кого тогда накопители заряжать? Добровольно к Кевину не подойду. Увольте от такого счастья! Хватит с меня и того, что приходится жить с ним под одной крышей! — Как там раненый? Уже известно, кто на него напал? Напавшего на мужчину поймали?

— На мужчину? — со смесью удивления и недоверия переспросил Витор.

— На женщину? — изумилась я.

Я спешила, могла и перепутать. Не могла! Если это женщина, то она весьма мужеподобна!

— Вы не знаете, кого спасали?

— Мне хватило вида тела, лежащего на газоне, не до разглядывания как-то было. Я испугалась! Вы чего так на меня смотрите? — возмутилась я, наконец-то сев и примостив под спину подушку.

— То есть, когда вы его нашли, Кевин уже лежал под окнами

доктора? — Тень дотронулась до того места, где у нормальных людей подбородок, а у плоской черной фигуры — переход к шее.

Нет, лучше бы он студнем стал! Так я хотя бы могла видеть его лицо.

— Габи? Где был Кевин? — чеканя каждое слово, повторил Витор. — Под окнами доктора?

— Да! Я возвращалась с прогулки и не туда свернула. Окон-то у дома, выходящих на парк, вон сколько! Вы бы мне карту, что ли, дали. Ваши предки тут настоящие катакомбы понастроили! Вы сами-то не путаетесь, где что находится? Свернула не туда, а там он! — Старалась убедительно возмущаться, увлеклась и не сразу поняла, что именно сказал супруг. — Вы сказали, Кевин? Это он там лежал?

Я подавилась смешком: вот вам и не подойду! Подошла, вырвала из когтей духа, погрузила себе на плечо и притащила в поместье!

Спихватилась, поняв, что близка к истерике, и нервно поежилась. В груди похолодело. Я протащила на себе мастера теней через все поместье! И тут же успокоила себя. Кевин был без сознания. Он меня не видел! А если и видел, при большой потере крови случаются галлюцинации.

— Это был Кевин, — подтвердил Витор. — На него напали у деревни, неподалеку от поместья.

— А как тогда он... тут?.. — поторопилась осведомиться я, готовясь к неудобным вопросам и обвинениям. — Как он сюда добрался? Это ведь далеко? А он был весь такой... израненный!

— Он не помнит.

Вздых облегчения скрыла за громким и крайне неприличным зевком.

— А кто на него напал? Его уже поймали? — Вполне логичный вопрос для маленькой испуганной элтины.

— Поймали и передали властям.

Слишком спокойно, слишком быстро ответил. Кроме того, духов властям не передают, их уничтожают мастера теней.

Значит, тварь с серой шерстью до сих пор где-то бродит в окрестностях поместья. Занятная картинка получается.

В первое нападение дух ушел от мастеров теней. Потом мы натолкнулись на Кевина у ворот поместья. Я тогда еще подумала, что он кого-то выслеживает, не используя магии. Выследил. Видимо, неожиданно для самого себя. Потому что пошел без подмоги.

По слухам, Кевин Салливан достаточно силен, но то, что я видела в ивняке, слишком наглое и уверенное, чтобы быть обычным духом, получившим тело...

Не паникуй, Габи! У этого шерсть серая, а там она была лунной.

Именно как написано в книгах.

Книги. Да, немного отдохнуть и читать. Витор тут, поэтому придется довольствоваться библиотекой.

А пока пора выяснить, зачем Витору понадобилась вдова. Слишком много совпадений. Алистер организует собственное убийство. Являюсь я. Приезжают родственники. Появляется дух, относительно рядом. Дух, способный уйти от мастеров теней и остающийся неподалеку от поселка. Дух, едва не убивший мастера теней. А собирался ли он его убивать?

Нет, не может быть! Мастера устойчивы к их магии. Они единственные, кто никогда не станет источником силы или сосудом.

Я прикрыла глаза, вспоминая, что видела в ивняке.

— Ваши прогулки всегда вас так изнуряют? — напомнил о своем присутствии Витор.

— Нет. Только когда я увлекаюсь. Или нахожу умирающих мастеров теней рядом со своим домом! — Я пыталась уцепиться за ускользающую деталь — что-то было не так с нападением на Кевина.

— Не увлекайтесь до конца нашего контракта, — сухо заявил Алистер.

— Это зависит от ваших гостей. Они меня так старательно радуют, что не увлечься потом грех. — Серая шерсть, ветви ивы, кинжал в руке мужчины — что я упускаю?

— Вы неплохо справляетесь.

— Стараюсь соответствовать вашим ожиданиям. — Не выходит, потом попробую еще раз вспомнить.

— Каким именно ожиданиям? — Тень придвинулась, а я приготовилась вопить, падать в обморок, отбиваться — как обещала.

— Милая двэйна, периодически показывающая зубки, — насмешливо напомнила я.

— А! — усмехнулся Витор. — Вынужден вас расстроить, у вас не получается.

— Да? И что же мне изменить в своем поведении? — Супруг не пытался дотронуться, но я кожей чувствовала, как его взгляд неторопливо скользит по лицу, оставляя вполне ощутимый след из мурашек.

Опять галлюцинации от излишков тоника?

Повод задуматься: а не стоит ли попробовать хоть на какое-то время обойтись без него? Если станет совсем плохо, всегда могу вызвать Берту. Она точно не даст умереть от переутомления.

Решено. Для начала попробую обойтись без подзарядки хотя бы до завтра.

— Ничего не стоит менять, меня все устраивает, — тихо хмыкнул

Витор; волнующий взгляд исчез, я окончательно убедилась, что это побочный эффект тоника.

Я покосилась на тень, заложившую руки за голову. Попробовать или нет? Рискну. У меня стресс, в конце концов; могу задать нелогичный вопрос? Да.

— Витор, а зачем вам вдова? Ведь это не шутка, правда?

— Зачем спрашивать, если поняли это с самого начала? — Тень сгустилась, проявились очертания (я почти увидела мужа-медузу), и тут же снова стала плоской; Алистер выругался себе под нос. — Ведь так, Габи?

Кивнула, озадаченная открытием, что супруг, похоже, не может вернуть материальную форму.

— Что же изменилось, что вы решили узнать подробности моей шутки? — продолжил допрос Витор, оставаясь плоским.

— В деревне поблизости от поместья кто-то напугал девушку. — Я загнула палец. — Слуги болтают, что она видела нечто жуткое. — Болтают, об этом узнала от Берты. — Кевин шарит ночью по зарослям вокруг поместья. Не ежей же он, извините, там ловил? Или светлячков собирал? Потом на него нападают. Затем он чудесным образом оказался рядом с особняком. Кто напугал девушку? Кто напал на Кевина? Кто его перенес? Тут ведь защита. Разве это не повод насторожиться? — Старалась исходить из того, что я ничего не знаю о монстре и не имею отношения к спасению Кевина. Получилось вроде бы неплохо. — Как вы помните, я подписывала контракт на «сидение у камина»; дополнений об опасности для жизни в нем не имелось.

— Я вас понял. — Витор стек с кровати и замер у окна. — Что касается нашего контракта. У меня есть причины не доверять родственникам.

— Вы мне их, конечно, не озвучите?

— Нет.

— Может, я попробую угадать? — зевнула, в этот раз без притворства.

Тело ломило после марш-броска с Кевином. Слабость немного отступила, и меня начало клонить в сон. Но выпытать у супруга хоть что-то было важнее желаний утомленного организма.

— Нет, не стоит, — разочаровал меня Витор.

— Почему? Я люблю шарады! Давайте попробуем? Я предполагаю, а вы говорите «да» или «нет».

— Это вас не касается.

Спорное заявление.

— Я ваша вдова, если вы забыли.

— Ненадолго.

Мило.

Я открыла рот, собираясь с ходу засыпать Витора предположениями и посмотреть на его реакцию. Насколько это возможно сделать, когда твой покойный муж — тень!

— Не стоит задавать вопросы, на которые я не отвечу и не среагирую, — отрезал мастер. — Вам грозит не больше опасности, чем если бы вы были моей настоящей супругой. То есть никакой.

Ладно. Предположим, я поверила. Что дальше? Я выдавила вздох облегчения и выжидательно посмотрела на тень.

— О нападении на Кевина. Его порезал бандит, сбежавший из тюрьмы, он же напугал девушку, — продолжил уверенно врать Витор. — Кевин не ожидал нападения, поэтому сильно пострадал. Бандит арестован и отправлен в тюрьму, справедливость восторжествовала.

Обрадованно всплеснула бы руками, если бы они не болели. После того как тащила Кевина, раненного «бандитом».

— Насчет безопасности поместья — кроме защиты особняка, по всему периметру поместья стоит еще одна, она активируется при угрозе. Ворота, которые вы видели, ее часть.

Как интересно! То есть Витор заставил меня выйти и потом войти не для проверки механизма, свою защиту тестировал? И, видимо, удачно.

— ...Бандиты сюда попросту не смогут войти, — заверил Алистер.

Если им не дадут доступ изнутри. Например, сам хозяин. Служба доставки, просители, мало ли кто еще.

— ...Духи тоже.

К чему это он уточнил? У нас же тут никаких духов, одни бандиты?

Я удивленно вскинула бровь.

— Вы же о нападении духа подумали, когда увидели Кевина?

Растянула губы в покаянной, немного глуповатой улыбке. О чем еще может подумать молоденькая элтина? Конечно же, о страшных жутких духах, о которых так любят рассказывать няни, пугая глупых дитятей тем, что они рядом!

— Повода для беспокойства нет.

Не верю!

Теперь тем более! Если бы не накопители, которые невероятно медленно собирали крупницы магии мастера теней, я бы взяла Эли и уехала домой сразу после известия о травме отца. Кстати, это тоже настораживает. С чего вдруг Гром понес? Или я чересчур мнительна?

— Но если вам будет легче, можете ограничить общение с моими

родственниками, — пошел на уступки Витор. — Завтрака и ужина в их обществе будет достаточно.

— Что мне делать в остальное время? Сидеть у камина? — насмешливо показала на дверь, ведущую в его спальню.

— Если хотите. Не удержались и осмотрели мои покои? — понимающе улыбнулся Витор одним голосом; лица у него не было, только черное пятно.

— Вы исчезли, вот я и подумала, что вы спите. — Пожала плечами.

— И вы отправились меня будить?

Ну не исполнения супружеского долга же требовать! К чему веселый тон?

— Нет, я хотела убедиться, что вы живы. — Получилось зло и сухо.

— А для вас это имеет значение? — насмешливость будто ветром в открытое окно сдуло.

— У нас с вами контракт, — напомнила я.

— Габи, а что вы вообще знаете о мастерах теней?

Я откровенно растерялась от такого резкого перехода.

— Ну-у-у... вы перемещаетесь по грани между нашим миром и эфиром — по тени. Вы защищаете нас от духов, так или иначе оказавшихся в нашем мире, — обтекаемо, общими фразами начала я. — Вы устойчивы к... яду духов...

Мне показалось, что Витор нахмурился.

— Не к яду... я неверно выразилась; вы не можете стать источником для них, — исправилась я.

Фух!

Кажется, у меня получилось удержаться в рамках институтской программы. В ней все было просто и понятно.

Наш мир и эфир находятся рядом. Мы, живые, тут. Духи, призраки, души, идущие на перерождение, — там. А «там» — это часть нашего мира, невидимая, неосязаемая, которую вообще невозможно ощутить. Своего рода наш мир — это два мира, разделенных тонкой гранью тени.

Иногда духи, обитающие в эфире, проникают в наш мир. Чтобы получить тело, им, как правило, требуется сила мага, их вызвавшего. Лучше всего — маг целиком, то бишь кровь и плоть. В нашем мире у таких воплощенных духов появляется способность скользить по теням. Наличие или отсутствие магии зависит от силы и древности духа, от его вида и способностей призвавшего. Большинству воплощенных требуется постоянная подпитка — отсюда нападения. Когда дух не голоден, его не отличить от человека или нелюдя.

Занимаются поиском и уничтожением опасных гостей из эфира мастера теней.

Все.

На самом деле там достаточно много нюансов, связанных в первую очередь с расплывчатыми формулировками типа «как правило», «большинству», «чаще всего».

Самый яркий пример: эфирии. Не знаю как, но они получали тела в нашем мире без кровавых жертв. И подпитка им не требовалась.

Мы с отцом пытались раскопать этот вопрос — безуспешно. В наш мир давно не приходили духи ветра. Папа предположил, что причина в том, что их часто принимали за злобных собратьев, подменышей, и уничтожали.

Потому что подменыш — это дух, занявший место убитого им же младенца. Зло в теле ребенка, способное много лет скрываться, незаметно убивая. К счастью, явление редкое. Потому что духам, как правило, скучно много лет играть роль ребенка.

Именно из-за них у нас появился обычай относить новорожденных в храм.

— А вы хорошо осведомлены, — иронично-задумчиво протянул Алистер.

— Мне нравится читать об эфире. — И, чтобы у супруга не возникло подозрений: — Люблю страшилки... Нянюшка часто рассказывала нам с Эли сказки о духах...

Да простят меня все наши няни! Среди них не было ни одной, в голову которой могло прийти призывать детей к порядку запугиванием!

Витор глубокомысленно хмыкнул.

— А как появились мастера теней, по-вашему?

— Эм-м-м... — В обязательной программе этого не было, так что я предпочла озадаченно промычать что-то невразумительное.

По легенде — души предков помогли, дали способности потомкам. По факту — в разных концах королевства, да и у соседей начали появляться люди и нелюди со способностью скользить по тени и уничтожать духов. По мнению ученых — сработал защитный механизм. Как с болезнью. Появились особые клетки, помогающие бороться с заразой.

— Неужели вам не попалось никаких старинных легенд? — Витор присел на край кровати.

Сидящая тень выглядела забавно. В очередной раз в голову пришло сравнение с картонным человечком. Большим, черным, прозрачным человечком, вырезанным с анатомической точностью.

— Ну... души предков наградили вас этими способностями. — Бред

полный: души предков давно уже переродились, а если этого не случилось и их призраки бродят по эфиру, о своем прошлом они не помнят. Если их и выкинет в наш мир, с призраками и умертвиями разберутся мастера.

Алистер издал невнятный звук, напоминающий фырканье Грома, когда я пыталась скормить ему кислое яблоко. Официальная версия была явно муженьку не по вкусу. И он ждал еще варианты.

Я люблю страшилки? Так? Почему бы не попробовать узнать немного о мастерах из первых уст, используя одну жуткую сказку?

— Есть легенда, что все вы произошли от одного мальчика, мать которого была воплощенным духом. — Побольше воздуха в грудь, смотрим на мастера и, борясь с внутренним протестом, полным отвращения голосом сообщаем: — Он застал эту тварь за превращением и убил.

Я бы никогда так не поступила — искала бы, боролась.

— Вы бы так не поступили? — Витор уловил мой внутренний настрой. — Позволили бы ей убивать?

Не позволила, но и надежды на спасение не оставила бы.

И вслух, уныло и покорно:

— Нет, конечно, я бы позвала мастеров теней. Ведь тех, кого захватил дух, уже не вернуть, правда?

Витор снова попытался появиться из тени и опять потерпел неудачу. Странно, мой ответ ему почему-то не понравился. Псина, которая никуда не делась, начала расти, наводя на совершенно бредовые мысли. А что, если я сейчас говорю не с Витором? А с духом, принявшим его облик? Точно, бред! Мастер не может стать источником силы. И занять его тело обитатели эфира не в состоянии.

Жаль, не бывает женщин — мастеров теней. Иногда я мечтала, что мы с Эли могли родиться ими и все сложилось бы по-другому.

— Хорошо, в общих чертах все так и есть. А что вы знаете о женах мастеров теней? — перескочил Витор.

— Немного. Они ваша собственность. Вы принимаете за них решения. Держите взаперти. — Исподтишка покосилась на тень.

Как же неудобно, что я не вижу его лица!

— И как вы не побоялись заключать договор с таким тираном? — зло усмехнулся Витор.

— Боялась, — призналась я.

— Но кредиторы отца страшнее?

— Да.

Витор долгим взглядом посмотрел на меня. Голову не опустила, глаз не отвела. Лица его не видела, но по позе поняла, что он не верит мне до

конца, и это плохо.

— А что бы вы, моя юная самоотверженная двэйна, сказали, узнав, что все ужасы, которые любят посмаковать кумушки, это не тирания, а забота?

— Что это вполне возможно. — Мне это пару раз приходило в голову, когда собирали сведения о мастерах. Но причин для тотальной опеки над женами я не нашла, поэтому отмела догадку как попытку оправдать двэйнов, столь нужных для королевства, да и вообще для любого государства. — Но для этого должна быть причина.

— Рад, что выбрал именно вас. — Прозвучало двусмысленно дальше некуда.

Я, почувствовав себе неуютно, заерзала. Мышцы напомнили, что, да, они еще не забыли, как тащили Кевина. Я едва слышно зашипела от боли.

— Может, горячую ванну? — неожиданно предложил Витор, наблюдая за тем, как я пытаюсь принять удобное положение.

— Почему не доктора?

— Доктор до утра занят с Кевином. Ванну?

Тело заломило сильнее.

— Да, не откажусь. — И, с интересом глядя на мужа: — А как вы собираетесь звать горничную? Вы же умерли? Снова будете изображать глас рассудка?

— А я не собираюсь никого звать, — провокационно сообщила тень, исчезая.

Вспомнились слова Витора, что, если закрыть глаза, супруг будет вполне материальным. Прохладные губы... Витор ведь опытный мужчина... Ох, да что за наваждение?! Я здесь не за поцелуями. Дотронулась до пояса с накопителями. Ребята, вы уж постарайтесь! Работайте шустрее! Пожалуйста!

— Ванна готова, двэйна! — Алистер вырос из тени кровати, подхватил меня на руки.

Пришлось зажмуриться — никогда бы не подумала, что можно передвигаться на руках плоской тени. Это жутко. Такое чувство, что вот-вот свалишься на пол!

В ванной меня осторожно опустили на скамейку.

— Сами справитесь?

— Да, — закивала я: вид пузырящейся в мраморной ванне пены подействовал лучше обезболивающего.

— Понадобится помощь — я за дверью.

И тень исчезла.

Попеняв за неприличные мысли, я, морщась и тихо постанывая,

стянула одежду. Погрузившись в ароматную пену, откинула голову на бортник и закрыла глаза. Пока тело расслаблялось, я раскладывала по полочкам то, что узнала.

Шутка — не шутка.

Причины мне озвучивать отказались.

Проверка родственников на вшивость? Скорее всего.

Тройка самых «блохастых» уже выявлена. Кевин, его матушка с бабушкой и пара дальних кузенов.

Что будет делать дальше Витор — неизвестно. Но мне позволили отстраниться. Значит, буду сидеть у камина и читать. Главное, чтобы Алистер не исчезал больше надолго — накопители заряжаются совсем медленно.

А! Забыла!

Меня выбрали не случайно. Впрочем, я подозревала, что вряд ли была единственной претенденткой на пикантное предложение овдоветь.

И непонятно, к чему сказанная Витором фраза о заботе о женах мастеров.

Элиза на моем месте тут же нафантазировала бы любовь, страсть и желание покойника продлить наши отношения уже без контракта. Я скептически хмыкнула и повела плечами, расслабляя мышцы. Витору скучно, вот и играет со мной.

У меня меж тем наметились проблемы.

Тоник закончился — раз.

Мои способности меняются — два.

Накопители заражаются совсем медленно — три.

В окрестностях завелся воплощенный дух, у которого я дважды увела добычу, — четыре.

Многовато для простого плана, обреченного на успех, каким казалась наша афера вначале.

Ну, предположим, с первым мне поможет доктор. Придется придумывать причину. Но это если у меня не выйдет обходиться без тоника. Я сильная. Правда сильная.

Сделать что-либо, чтобы остановить развитие способностей, — не в моих силах. Только скрыть их от окружающих. Потому что они не магические, а непонятного происхождения. Мне лишнее внимание ни к чему.

Накопители... надо попробовать быть рядом с Витором почаще. Если бы еще он предупреждал, что исчезнет. Впрочем, он не один тут мастер. Кевин ранен, и в том, что хозяйка дома беспокоится о его здоровье, ничего

странного нет. Лишь бы он сам ничего себе не надумал.

Последнее — дух.

Неплохо бы вспомнить, что мне показалось подозрительным в ивняке.

И попробовать определить его вид. Дух весьма виртуозно скрывался в тени, и, кроме внушительной длины клыков и серого цвета шерсти, я ничего определенного о нем не знала.

Надо разобраться, кому я дорогу перешла.

Защита — это хорошо, но, мне кажется, серый зверь достаточно умен, чтобы найти способ ее обойти. Кстати, он так упорно держится возле деревни оборотней или около поместья?

Порыв ветра распахнул окно, разогнал пену, приятно охладил лицо. В воздухе промелькнули серебристые крылья и женские силуэты. Эфирии, облетев ванную, выпорхнули в окно.

От неожиданности я тихо вскрикнула. Шум услышали в спальне, и рядом со мной появилась тень.

— Вы в порядке? — Витор разглядывал — да, именно разглядывал, в этом я была уверена, — меня, сидящую в ванне.

Эфирии — шутницы, всю пену на пол сдули! Вот вам очередное исключение: эфирии живут в своем мире, а баловаться могут и в нашем. Они же ветер! И они отнюдь не единственные духи, способные воздействовать на наш мир, к сожалению. Стихийные порождения эфира в той или иной мере соприкасаются с нашим миром.

— Габи?

— Ветер окно распахнул!

Натянута улыбнулась, прикрыла грудь руками, подтянула колени к себе.

Витор проплыл к окну, выглянул наружу. Пока он разглядывал что-то внизу, я сцапала халат и закуталась в него.

— Что там? — попыталась понять, на что смотрит Витор, но меня оттеснили обратно и, закрыв створку, приказным тоном сказали:

— Ничего. Отдыхайте. Я скоро вернусь.

— Как скажете, мой покойный супруг, — язвительно прошептала я себе под нос, когда Алистер растворился в тени.

Открыть окно оказалось сложнее, чем я думала. Витор заклинил створку каким-то простым, крайне эффективным, особенно против любопытных вдов, заклинанием. Прикинув расположение окон в моих комнатах, я пошла в спальню.

Взобраться на подоконник и, держась за раму, высунуться наружу — дело пары минут. Внизу ничего интересного я не заметила, поэтому решила

посмотреть по сторонам. Отсюда были видны флигель доктора и крыло Кевина. Луна давала достаточно света, чтобы я смогла разглядеть притаившуюся у окна его спальни фигуру. Все бы ничего, но она спокойно висела на отвесной стене, вцепившись в нее когтями. И не могла принадлежать ни человеку, ни нелюдю. Потому что частично закрыла себя тенью. Серая свалывшаяся шерсть, длинные клыки. Острые, напоминающие волчьи уши. Небольшие, на пару веточек рога, сохранившие человеческие очертания руки с огромными когтями, впалая грудная клетка.

Вниз не свалилась лишь потому, что пальцы от испуга свело судорогой.

Я хотела понять, что за дух устроил логово рядом с деревней?

Узнала.

Вендиго.

Один из древних духов, способный веками жить в нашем мире. Когда-то — дух зимы, ледяного ветра и голода. В настоящее время — невероятно могущественное существо, способное водить за нос самых умелых мастеров теней. К счастью, встречающееся очень редко. Мастера не зря свой хлеб едят. Уникальное существо, страшное своей уникальностью, о котором обычные обыватели знают безумно мало.

Я бы очень хотела отнести себя к ним. И по-прежнему считать, что все духи выпивают людей и нелюдей, чтобы получить тело. Что создания эфира нужен вызов, что сами они не могут пробиться в наш мир. Что крайне редко они, спасаясь от преследования, бросают тело и вселяются в первого встречного, уничтожая его душу.

Есть создания много хуже. И к одному из них сейчас подбирается тень Витора. Секундное замешательство, и вендиго исчезает, а мой супруг остается. Не преследует. Никак не показывает недовольства. Словно он с ним договорился! А заминка дала вендиго время на отход!

Неужели Витор настолько самоуверен, что надеется контролировать вендиго, используя его... для чего?

Для устранения родственников? А я — ширма? Отвлекающий маневр? Способ собрать нужных людей вместе?

Ведь супруг — ни при чем, он пропал без вести. И к его воскрешению все будет кончено?

Тогда он не самоуверен, он безумен! И плевать, что мастера теней не страдают психическими расстройствами. Всегда есть пресловутое «в большинстве своем».

Спустившись с подоконника, я села на пол. Обняв подтянутые к груди

ноги руками, уткнулась подбородком в колени. Мне было безумно страшно. Хотелось разреваться, и, как в детстве, побежать к маме или отцу, и спрятаться в родных руках. Но родители далеко, и они не могут укрыть меня от всего мира.

Что делать?!

Собрать вещи и домой, наплевав на контракт?

А накопители? Где мы возьмем еще одного мастера теней?

У нас не так много времени. У Эли — когти и клыки. Глаза светятся ярко, словно две луны. А нечеловеческий силуэт за ее плечами?

Я. Не. Могу. Уехать.

Сидеть и ждать, когда Витор и его зверушка расправятся с родственниками? Тихо копить магию и надеяться, что последними жертвами не станут вдова Алистера и ее сестра?

Я крепко зажмурилась: я не смогу!

Не смогу спокойно ждать новых нападений!

Если не попробую защитить гостей, как буду жить дальше?

Я стукнулась затылком о стену. Больно! Потерла шишку.

С вендиго могут справиться мастера теней.

Но как сообщить им и не попасться Витору?

Я не могу так рисковать. Мой недоупокоенный супруг наверняка заметил странности в поведении Эли и моем тоже. И, естественно, обезопасил себя. При малейшем моем телодвижении в сторону его коллег я окажусь в соответствующем заведении и стану лишенкой, а сестру попросту уничтожат.

Но ведь в поместье есть еще один мастер?

Однако он тяжело ранен. И, судя по вендиго у его окон, дух собирается довести начатое в ивняке до конца.

Как помешать? Нам нужен здоровый мастер, способный остановить супруга и его зверушку. Что делать? Караулить под дверью кузена. Под предлогом беспокойства о его здоровье. Я его нашла, могу быть очень обеспокоена.

А Эли?

Судя по всему, вендиго не просто поселился рядом с поместьем — он в особняке. Уверена, он давно тут живет или часто навещает хозяина. Кто-то из слуг? Или гостей?

Эли возьму с собой. Припрячем в сумочке ее эликсир и пойдем охранять Кевина.

Придется ему сказать, что я видела. Попросить в обмен на молчание услугу? Противно. Но нужно. Иначе через одиннадцать дней большая часть

семейства Алистеров погибнет от рук бандитов, непонятно как пробравшихся в поместье.

И тут меня будто молнией приложило: папа!

Гром снова понес.

Его напугал вендиго Алистера. Зачем? Чтобы отец не забрал нас до окончания аферы со вдовством. Как бы мой покойный супруг ни старался, слухи о скоропостижных кончинах в его семействе все равно поползут.

Надо предупредить маму, чтобы усилила охрану и добавила к защите усадьбы пару магических сюрпризов. И прислала сюда Грома и Весну. Если Кевин откажется пожертвовать мне немного магии мастеров теней без объяснения причин, нам придется, рассказав о Виторе и его помощнике, бежать отсюда.

Но как это сделать? Как предупредить маму? Витор ведь следит за почтой? Должен следить.

Дядя!

Поспешно переодевшись в платье, я быстро набросала письмо.

Дядя еще не спал, отстраненно цедил виски, сидя в кресле. Моя просьба его не удивила. Он вообще был по природе нелюбопытен. «Я боюсь, что тетушка мужа и ее сын просматривают почту». — «Да, конечно, все отправлю».

Уже в спальне Эли я подумала, что дядя сильно сдал. Горе будто высушило его изнутри. Растолкав Элизу, я рассказала о нападении бандита и своей неудачной прогулке около дома. Заранее пугать Эли побоялась — вдруг опять приступ? Пока сестра одевалась и приводила себя в порядок, я ограбила библиотеку. Собиралась проштудировать шкаф в спальне Витора, потом решила: будет слишком заметно.

Обложка от бульварного романа, внутрь — толстый трактат по эфирным формам, и мы с Эли отправились сторожить покой того, к кому еще недавно я даже подходить не хотела.

Глава 7

Я увлеклась размышлениями о целях Витора и придумыванием способов ему помешать и не показать наши с сестрой... особенности в полной мере, поэтому не сразу заметила одну странность.

Эли сильно волновалась. У нее неплохо получалось держать себя в руках: воплощения страха и тревоги вышли небольшими, и ей даже удалось с ними справиться самостоятельно. Помогли положительные эмоции, а именно симпатия. Она чем-то напоминала алую бабочку-любовь и розовую птичку-нежность. Выглядела миниатюрной птахой с длинным хохолком и крыльями огневки, бабочки, появляющейся осенью. Мы как раз подошли к двери Салливана, услышали приглушенные голоса доктора и Берты, когда я поняла, кому именно симпатизирует сестра и за кого боится.

За того, на кого напал бандит (я не стала волновать Элизу, озвучила официальную версию). За Кевина. За полного... аристократа. За нашу единственную надежду выбраться из передраги.

— Эли? — Я оттащила сестру от двери за руку. Мы остановились у ниши с большой восточной вазой почти в мой рост. Пока с Салливаном доктор, серый гость Алистера в комнату не сунется. А вот узнать, что и почему себе нафантазировала сестра, нужно немедленно. Пока ее настроенная на романтику дамскими книжками головка чего-нибудь не придумала. — Ты мне ничего не хочешь сказать? — Я кивком показала на дверь в покои Кевина. — Пожалуйста, скажи, что мне показалось.

Элиза смущенно потупилась, судорожно сжала ручку сумочки и покраснела как переспелый помидор. Судя по ее реакции, все намного серьезней, чем я предполагала.

— Эли? Но как же так? — Я смотрела на сестру и не верила. Как можно за три дня увлечься тем, кто ни во что тебя не ставит?

Эли закусила губу.

— Он ведь постоянно хамит и считает нас вторым сортом? — напомнила о неприглядной действительности.

— Это все его мать. Она его таким воспитала. На самом деле он другой, — возразила Эли, поднимая сияющие радостью глаза.

В любом другом случае я была бы счастлива: воплощения развеялись сами, не выдержав напора растущей симпатии. Но сейчас меня смущал не столько объект чувства, сколько алое пятнышко над головой сестры, пока еще размытое. Зарождающееся чувство должно быть сильным, раз оно

воплощается в реальность. Как можно влюбиться за три дня?! Влюбиться в такого... такого... Кевина?

— На самом деле Кевин другой. — Кажется, слишком сильно скривилась, и Элиза решила меня переубедить: — Он галантный, обходительный, внимательный. Да, он бывает иногда резким. Но только когда того требует ситуация, не более! Ты просто не успела этого понять.

— Эли, а ты точно говоришь об этом Кевине? — Было подозрение, что мы с ней успели пообщаться с двумя совершенно разными Кевинами.

— Да!

— Но ты же сама говорила, как тебя достали он и его мать, пока я спала? — предприняла попытку вернуть с небес на бrenную землю жертву женских романов.

— Они были резки, но ведь так делали не только они? — неуверенно пожала плечами Элиза.

— Стадное чувство сработало?

— Не знаю...

А она не совсем утратила способность здраво мыслить. Только вот рядом с ней явно угадывается силуэт боли и ярости.

Прости меня, сестричка! Если бы я заметила хоть один намек на то, что Кевин небезнадежен, сделала бы все, чтобы алая бабочка не только воплотилась в наш мир, но и обзавелась соседкой, парящей рядом с двэйном.

Тебя невозможно не полюбить, Эли. Но именно этот мужчина никогда не даст тебе того, на что ты надеешься: семьи. А участь игрушки, любовницы окончательно ломает тебя, моя мечтательная половинка. Знаю, мастера теней редко заводят фавориток, но мне кажется, Салливан как раз и является исключением.

— Эли, ты для него не больше чем симпатичная мордашка.

Элиза гневно вспыхнула, на глаза навернулись слезы.

— Неправда! Я не ребенок, я вижу, как он на меня смотрит!

— Как?

— Как на женщину!

— Как на временное развлечение, — поправила я.

Сестра замотала головой. Боль и ярость почти проявились.

— Эли, он целовал меня и предлагал подумать о... сотрудничестве, — тихо произнесла я. Неужели сказала это вслух? — Чтобы ему не пришлось выкидывать меня на улицу, предлагал... объединиться.

Если промолчу, Эли не поверит. А сейчас мне было больно смотреть на сестру и противно от своего поступка.

— Он не такой, — упрямо повторила она.

— Увы, такой. Ты правильно заметила: он действует, как того требует ситуация. И сейчас он не хочет упускать деньги брата. И даже согласен объединиться с его вдовой, свалившейся на его голову неизвестно откуда. Прости, я не хотела тебе говорить.

— Ты неправильно его поняла. — Глаза Эли опасно полыхнули белым.

Бесполезно. Она меня не слышит! А это нехорошо. Это очень нехорошо!

Я судорожно вспоминала, как вендиго относятся к себе подобным и существам, связанным с сородичами. Выходило, что не трогают. Придется рискнуть — к Кевину я Элизу не подпущу!

Пусть что хочет думает! Что я влюбилась в Кевина, что ревную, что угодно, но Эли слишком светлая девушка для него. Даже сейчас. Она не сможет ему лгать. Или он сам поймет, что с ней не все так просто. И тогда все будет кончено.

Эли заметила мои метания, нахмурилась, придвинулась вплотную и прошептала в самое ухо:

— А какое отношение имеет к Кевину моя... проблема? Я не настолько глупая, чтобы говорить ему сразу.

— Как ты?..

Элиза пожалала плечами.

Видимо, моя попытка взять ее чувства под контроль, направить их в безопасное русло вытряхнула Элизу из привычной апатии. Хорошо. Отлично! Плохо другое: придется рассказать о вендиго. Мы близнецы, сестра почувствует ложь. Я могу недоговаривать, но врать я ей никогда не умела. Но есть еще один вариант, почти правды...

— Пусть я неправильно его поняла. Пусть его поступок был... ошибкой и у него слишком много гордыни, чтобы извиниться. Возможно... Но ты уверена, что, если будешь рядом с Кевином, он ничего не заметит?.. — Я вытащила из сумочки зеркальце, протянула сестре.

Увидев в отражении периодически возникающие и пропадающие белые всполохи в своих глазах, Эли потерла веки кулаками. Но это не помогло избавиться от предательского света. Сестра зло посмотрела на меня, алая кошка-ярость тут же немного подросла. Боль от нее не отставала. Еще немного, и придется их развоплощать.

— Ты права, — наконец согласилась Элиза, — мне лучше держаться от него подальше. Я точно тебе сейчас не нужна? — последние слова она произнесла вялым и безжизненным голосом.

Однако предательское пламя в ее глазах не погасло. Эли скрыла его в

тени ресниц.

Мне придется отправить ее обратно в комнату. И надеяться, что слухи о том, что вендиго не трогают тех, кто так или иначе имеет отношение к их виду, правдивы.

— Думаю, ты права, тебе лучше вернуться обратно. Запрись в комнате и никому, кроме меня, не открывай.

— Ты что-то недоговариваешь. — Сестра обняла меня за шею и, глядя в глаза, спросила: — Кто на самом деле ранил Кевина?

— Бандит.

— Ты лжешь. — Объятие превратилось в весьма болезненную хватку, кожу несильно оцарапали острые коготки. — Кто на него напал? Габи! Прекрати меня опекать! Я не настолько слабая! Я справлюсь, позволь мне помочь!

Судя по тому, что у меня вот-вот затрещат ребра, совсем не слабая.

— Габи?!

Видят духи, я этого не хотела! Я зажмурилась и, уткнувшись в шею сестры лицом, едва слышно выдохнула одно слово:

— Вендиго.

Эли испуганно охнула, отпустила меня, удивленно посмотрела на свои руки. Прижала их к груди, будто пытаюсь защититься.

— Габи... это ведь не?..

— Нет, это другой зверь, — поторопилась успокоить сестру.

На лице Эли промелькнул целый калейдоскоп эмоций: облегчение, радость, страх, беспокойство, догадка и понимание.

— Думаешь, он здесь? В поместье? В особняке? И снова нападет на Кевина?

Я нехотя кивнула.

— Тогда я с тобой! Меня он не тронет! — снова обняв меня, в этот раз нежно и осторожно, жарко зашептала Эли. — Я только сбегая за вуалью. Я тебе помогу! Я ведь тоже... почти...

— Ты человек! — сердито перебила я. — Была, есть и будешь! У нас все получится. Никаких «почти», запомни! Никаких! Просто все стало несколько сложнее, чем мы думали.

Элиза согласно закивала. А я поняла, что ее мысли занимает отнюдь не собственное спасение.

Мало мне Витора с его безумным планом избавиться от неугодных родственников! Я вспомнила наши с ним пикировки, поцелуй. К счастью, я не Эли и не верю, что любовь и симпатия способны перевоспитать мужчину.

Правда, радости от осознания этого факта не ощущала. Мне стало тоскливо. Алистер был первым мужчиной, которому понравилась я настоящая, а не копия моей примерной сестры. Видимо, права была мама, когда говорила, что, если не стану во всем равняться на сестру, останусь одна. Без друзей, без семьи.

Я дала себе мысленную оплеуху. Не раскисай! У меня есть цель. Зарядить накопители, помочь Элизе. Помешать Алистеру уничтожить родственников. Как? Для начала оказываться рядом с теми, кто первый в списке.

Благо Витор подсказал, к кому он испытывает повышенный интерес! Кевин, его мать и отец. А еще пара троюродных кузенов.

На данный момент самый вероятный кандидат — Салливан. Алистеру важно, чтобы его не заподозрили. Он обставляет происшествия как несчастные случаи. И, судя по всему, о его истинных целях никто не знает, даже доктор и его супруга. Хотя они точно в курсе того, что Витор жив. Но почему-то не задают вопрос: зачем ему этот глупый розыгрыш?

Впрочем, вспомним репутацию Алистера: самый молодой мастер, склонный к авантюрам.

Меня тоже вполне устраивало объяснение с проверкой на вшивость родственников, пока не увидела Витора на той стене... и исчезающего вендиго, которого даже не пытались схватить. Недопокойный супруг висел на стене и ждал, когда раскрывший себя дух уйдет.

— Я быстро! — Элиза сжала мои пальцы, заглянула в глаза: — Я верю, что у нас все получится... просто... Просто иногда мне кажется... Но я все равно верю! Правда!

Эли убежала за вуалью.

Я, постучав в дверь и дождавшись разрешения войти, отправилась выяснять, как обстоят дела у Кевина.

В гостиной Берта устроила филиал кабинета доктора. Везде были разложены приготовленные биксы с инструментами, расставлены пузырьки с зельями и коробки с перевязочным материалом. Дверь в спальню Кевина была распахнута. Кровать разобрана до досок, которые застелили простыней. На ней лежал пострадавший, над ним колдовал доктор.

— Как он? — взяв протянутый Бертой бикс, спросила я.

— Зачарованная сталь, яд, больше сотни ран — плохо. — Берта, уставшая и запыхавшаяся, жестом попросила отнести бикс мужу.

Приблизившись к доктору, я незаметно бросила взгляд на грудь бледного как смерть Кевина. Раны действительно были нанесены острым прямым клинком, а не загнутыми когтями. С каких пор вендиго пользуется

оружием? Глупый вопрос. С тех самых, как дух служит мастеру теней, которому нужно списать смерти родственников на случайности!

— Поставьте туда. — Эрл показал на придвинутую к кровати тумбу. И, не отрываясь от больного: — Я ждал двэйну Салливан. Но и ваша помощь пригодится. Кевин запретил звать прислугу и настоял, чтобы мы перетащили его сюда.

Я понимала Салливана. Он не хотел пригласить в помощники доктору вендиго. Тварь вполне могла незаметно подменить зелье на яд. А что касается комнаты — тут я чувствовала себя хуже, чем в остальном доме, значит, стоит какая-то дополнительная защита. Когда он только успел? Сразу как понял, что брат завел шашни с духом? Или раньше, когда выслеживал вендиго у деревни?

Не стала мешать доктору, вернулась к Берте.

— Он приходил в себя?

— Дважды. — Женщина протянула мне саквояж. — Расставь их по видам, там есть пометки: заживляющие, кровоостанавливающие... Это запас на всякий случай. Первый раз — когда мы с тобой только ушли. Запретил слуг звать и сюда сказал нести, потом пытался что-то прошептать и потерял сознание. Второй раз — уже тут. Сразу магичить начал. Мой его чуть за это не прибил! Еле дышит, а туда же! Защиту укреплять!

Понятно: Витора, конечно, тут тогда уже не было. Кевин понял, что его пропавший кузен жив, связан с духом и попытается убить его снова. И укрепил защиту. Но достаточно ли, чтобы остановить вендиго?

— Ты чего такая смурная? — нахмурилась Берта, заметив, что я замерла с пузырьком в руке. — Поймали бандита уже! Поймали! Кевин выживет! И не с такими ранами вытягивали!

Она искренне радовалась и беспокоилась за Салливана. А я думала: какой же Витор лицемер! Доктор и его жена Алистера на самом деле любят. И его кузена. Всю высокомерную семейку. Иначе бы Берта не искала оправданий матери Кевина, до сих пор не явившейся к сыну.

— Наверняка опять мужа ищет! — Берта вручила Эли поднос с приготовленными бинтами. Стоило сестре появиться на пороге, как женщина моментально подключила ее к лечению Салливана. — Хороший он мужик. Но до баб охоч, аки кот по весне. Батюшка его на нашей Софи и женил, думал, такая бойкая жена в ежовых рукавицах держать будет. А он, как уж, из колючек выскользнул! Да и не может она ему запретить, чтобы или — или!.. Было дело в молодости...

Женщина загадочно покачала головой и отправилась помогать мужу.

Я лишь пожала плечами: не понимаю двэйну Софи! Твой ребенок при

смерти, а ты гоняешься за неверным мужем. Пусть хоть десять дам себе заведет, это ведь его не убьет, правда? А сын — один.

Остаток ночи мы с Эли провели между гостиной и спальней Кевина. Помочь доктору не могли, поэтому Берта определила нас на подхват. Отец никогда не выгонял из лавки, так что зелья мы знали назубок. С инструментами оказалось сложнее. Ничего, сориентировалась.

К утру доктору удалось нейтрализовать яд. Целительские чары и повязки, пропитанные зельями, должны были помочь ранам закрыться.

Берта отправила измотанного мужа спать. Мы с Эли вызвались помочь ей убрать лишнее. Элиза под любым предлогом забегала в спальню Кевина. Пришлось напомнить наш разговор и что она вообще-то приличная элтина. Сестра поморщилась и на целых пять минут прекратила свои забеги. Потом все повторилось сначала.

Я не знала, что делать. Как достучаться до сестры.

Берта следила за нами с плохо скрываемой улыбкой.

— Из них получится хорошая пара.

Я чуть не выронила пузырек, который собиралась положить в саквояж, и удивленно посмотрела на женщину, собирающую грязные бинты.

— С Кевином только так и надо: мягко, но настойчиво, — устало пояснила она. — Вы бы с ним не ладили. Даже если бы он не вел себя как мальчишка.

— Вы ошибаетесь, Эли ему не подходит. Он ее ломает. А она не сможет быть временной игрушкой, — тихо возразила я, убедившись, что Элиза опять застряла у кровати Кевина.

— Поверь моему опыту! Твою сестренку не так просто сломать! — хмыкнула Берта.

Верю. Но ее романтическая натура не выдержит цинизма Кевина.

Женщина окинула меня долгим взглядом, с прищуром, внимательно, словно пыталась увидеть что-то невидимое глазу. Потом задорно хмыкнула и, снова взявшись за уборку, ответила:

— Вы обе сильные! Но такие разные... Ты как ветер на горной вершине: можешь притвориться легким ветерком, а можешь, набрав силу, стать ураганом. А Эли — вода. Она принимает любую форму и разрушает любую преграду. Мальчикам повезло. Кевину не понять тебя, но ему не зря приглянулась твоя сестра. А Витор... вы с ним похожи... уверена, предки направили его к тебе, а тебя к нему. Они знали, что рядом с вами Кевин и Эли. И они нужны друг другу.

Настала моя очередь хмыкать. Вышло нервно: возможное внимание недоубитого мужа после увиденного на стене пугало.

— Не веришь? — шепотом спросила Берта, подходя ближе и с заговорщицким видом протягивая сжатую в кулак ладонь.

— Нет, — я отрицательно покачала головой, — наши предки давно переродились, а призракам без памяти до нас нет дела.

Берта загадочно приподняла брови, потянула меня на диван.

— Ты права, предки тут ни при чем. Просто я вижу любовь. Зарождающуюся или угасающую.

Удерживать недоверчивое выражение лица с каждым словом женщины становилось сложнее.

Неужели она такая же, как я? Это было невероятно. И непонятно. Почему она решила мне открыться? Ведь наших способностей нет ни в одном трактате по магии.

Берта воровато посмотрела на распахнутую дверь спальни, потом кивнула своим мыслям и решила.

— Роб, конечно, не одобрит. Но ты такая светлая, я верю, что ты не расскажешь о моей маленькой тайне.

Уверенно кивнула.

Хранить тайны я умею.

Женщина тепло улыбнулась и раскрыла ладонь. На ее пальцах заплясал маленький вихрь.

— Разве это тайна? — устало улыбнулась я в ответ. — Вы маг. Можете управлять воздухом. В этом нет ничего необычного, стихийные способности не такая уж редкость.

— Ничего, кроме того, что когда-то я могла перемещаться со скоростью ветра.

Я нервно закашлялась. Сердце бешено заколотилось в груди, сжалось от радостного предчувствия. Наконец-то хоть кто-то сможет объяснить, что со мной происходит. Затем вспомнила о Виторе. О том, что доктор и его жена ему помогают. Он их использует вслепую, в этом я была уверена. Но кто знает, не поделится ли Берта с Алистером моей тайной? Не со злости. Попытается помочь нам сблизиться. Если она увидела что-то похожее на любовь. Насколько я поняла по ее намекам. А потому...

— Но ведь это невозможно? Двигаться с такой скоростью? — Пауза и догадка: — Это вы принесли Кевина к особняку. А почему не позвали мужа? Устали? Или побоялись, что Кевин вас видел?

— Нет, это сделала не я. Я потеряла способности много лет назад. Почти выгорела. Осталось немного магии воздуха. И любовь. Я даже сестер не чувствую. — Глаза женщины подернулись пеленой грусти.

Я окончательно запуталась. Были способности — их нет. Выгорела.

Лишилась способностей? Почему? Маги не выгорают. Хотя уровень магии может изменяться в зависимости от физического здоровья и морального состояния одного. Не видит сестер — каких еще сестер? Или она сказала «не чувствует»?

— Видишь ли, моя бабка была эфирией, — ошарашила Берта. — Да, они до сих пор периодически появляются в нашем мире. Они с братом прожили долгую и счастливую жизнь. Оба нашли свою судьбу. Не понимаешь?

— Нет. Я слышала, их уничтожали, поэтому они прекратили... — я замешкалась, подбирая слово, — воплощаться в нашем мире.

— Не перестали, их стало меньше.

— Зачем вы мне это говорите? — отстраненно разглядывая свои пальцы, спросила я.

— Потому что Кевина спас... Не человек или нелюдь. Это была либо эфирия, либо подменьш.

Я поперхнулась воздухом, закашлялась. В голове царила звонкая пустота. Я знала, что не могу быть эфирией, я дочь своих родителей. Сестра Элизы, а не какой-то там воплощенный дух ветра. Мысли о подменьше показались куда реальней. И страшней.

— А почему вы так решили? Оборотни ведь очень сильные и быстрые? — справившись с приступом, просипела я.

— Следов не осталось, и она вытащила Кевина прямо из лап... — женщина закашлялась — ага, врать непросто, — бандита. Это или чистокровная эфирия, или сильная полукровка, или подменьш, который побоялся разоблачения. Если он много лет скрывался под видом кого-то из деревни... и ему показалось, что Кевин его видел и понял, что он такое, вполне мог его вытащить и сюда оттащить, чтоб выиграть время. Если бы его убили там, законники всех бы допрашивали, возможно... привлекли бы еще какую-нибудь службу... Во избежание неожиданностей. А так, пока мы тут разбираемся, его уже и след простыл. Как раз один из деревенских пропал.

Однако Кевина вытащил не пропавший житель деревни, которого вряд ли бы пропустила охрана поместья.

Я мысленно прошлась по семейному древу матушки. Ничего подозрительного. Одни люди. А у батюшки что? Тут еще проще. Люди, люди и еще раз люди. Хотя деда по отцовской линии мы никогда в глаза не видели. Говорили, он был залетным офицером. Соблазнил бабку и улетел.

Так что, возможно, во мне есть кровь эфирий?

— А как эфирии сюда попадают? — решила сразу разобраться с

дырами в собственной родословной. — Я читала, что им не нужна сила и плоть живых, как воплощенным духам и подменышам.

Про занятые тела я умолчала. Не к лицу девушке говорить о таких страстях. Достаточно размытой формулировки о силе и крови с плотью.

— Они почти как подменыши.

«Подменыши», — я поморщилась. Иногда духи нападали на детей, заменяя их копиями. Кровожадный младенец с умом взрослого мог долго водить родных за нос. Поэтому детей привозили в храм в первые дни после рождения.

— Но они не убивают, — поспешила заверить Берта. — Они появляются там, где умирает новорожденный младенец. Эфирии связывают себя с душой ребенка, делая его сильнее, и эта связь позволяет им пройти в наш мир и получить тело. Почти такое же, как у малыша.

Ох! Не верю! Элиза родилась здоровым ребенком! Это я вечно болела! Скорее поверю в деда-эфирию! Или в то, что у мамы были близнецы, и я... одного из них... я подменыш?

— Раньше их принимали за злых духов и уничтожали. Сейчас об эфириях сообщают мастерам, и только. — Женщина поморщилась. — Но об этом знает не так много людей и нелюдей. Эфирии — редкость, а подменыши — наша страшная реальность. Нельзя давать матерям пустую надежду. Пусть лучше думают, что все духи подлежат уничтожению, потому что опасны.

Наверное, это правильно. Иначе женщины будут надеяться, что именно их ребенок — эфирия. Начнут скрывать младенцев от храма. Впрочем, если бы мой малыш начал вести себя странно, я бы тоже его без боя не отдала. Попыталась помочь. Сохранить ему жизнь. Защитить окружающих, найти альтернативу. Попробовать сделать так, чтобы он не причинял другим вреда.

Вот еще один довод в пользу того, что я не могу быть эфирией или подменышем. Мама слишком правильная, чтобы рискнуть! Сейчас она молчит только потому, что Элиза — до сих пор Элиза. Хоть и с кучей проблем и странностей. Если бы что-то подобное случилось в день нашего рождения, мама без колебаний отдала бы меня храму.

— А эфирии, ставшие близнецами умирающих малышей... Эти девочки совершенно безобидны. Они не помнят прошлой жизни, как правило, не владеют какой-либо особой магией. Она может проявиться у их детей или внуков. Но не в полном объеме, — продолжала вслух размышлять Берта.

— Вы сказали «девочки»? — стройная теория о беглом деде

стремительно рушилась, но я все же предприняла попытку поставить на место падающие кирпичики. Лучше быть эфирией, чем подменышем!

— Конечно, девочки. Эфирии — женские духи. И в нашем мире они могут стать только младенцами женского пола, — улыбнулась женщина. — Интересно?

— Да. Всегда считала, что духи в нашем мире только злые, — смущенно солгала я, иначе Берта может заподозрить, что спрашиваю не из праздного любопытства.

— Не все. Всегда есть исключения.

Это я поняла.

— Вы сказали, о них сообщают мастерам? А зачем? — не смогла промолчать.

Вдруг за мной уже давно наблюдают? Захотелось поежиться и боязливо оглядеться; сдержалась. Вернулась к прерванной укладке флаконов в саквояж. Простые движения успокаивали.

— Им нужно знать. Это их работа. — Берта снова придирчиво вгляделась в мое лицо. И уныло вздохнула — очевидно, она ждала другой реакции.

То есть, чисто теоретически, обо мне могут не знать? Чушь! Что знать-то? Я не эфирия. И, судя по всему, даже не полукровка. И не подменыш. Мама в любом случае сдала бы храму и изменившегося малыша, и неожиданно свалившуюся на голову копию собственного ребенка. А если во мне и есть кровь духов, то какие-то капли. И в Эли тоже. Теперь понятно, как ей удается держаться так долго. Просто в нас способности предка проявились по-разному.

Я мысленно сделала себе пометку, какой именно теме в спрятанном в обложке дамского романа трактате нужно уделить внимание. Первым на повестке дня стоял вендиго, вдруг найду что-то новое. Вторым — подменыши и эфирии.

— Давайте заканчивать, — подвела черту под нашим разговором Берта. — Потом я принесу нам всем бодрящего чая. Мне — сидеть с Кевином, вам — идти на завтрак. Вы ведь хозяйка дома.

Я тихо фыркнула. Хозяйка на две недели!

— Хозяйка-хозяйка! — хмыкнула Берта. Шепотом: — И поверь старой женщине, ты занимаешь в сердце Витора много больше места, чем обычный контракт. А он... — не морщи носик! — в твоём!

Я равнодушно пожала плечами. Занимал Витор место в моем сердце или нет, сложно сказать. А вот мысли были исключительно о нем. Длительное отсутствие супруга я могла истолковать как подготовку к

очередному несчастному случаю. Хотелось обежать гостей и проверить, не раздавил ли кого упавший балдахин кровати. Не поперхнулся ли кто вином. Не напали ли на кого бандиты.

Не прошло и часа, как гости — кстати, вполне живые и здоровые, кроме супруга двэйны Софи, сбежавшего из особняка искать любви и ласки, — отошли на второй план: у меня возникла неожиданная проблема. Выпив чай, принесенный Бертой, Элиза, бледнея и кусая губы, наотрез отказалась оставлять Кевина в обществе жены доктора. Попытка Берты помочь выглядела откровенной халтурой. Покивав согласно и повторив пару моих фраз о приличных элтинах, она поспешно сбежала отпаивать мужа чаем. Обещала быстро вернуться. Я не поверила — слишком довольный взгляд Берта бросила на Эли, когда выходила из гостиной Салливана, где я воевала с сестрой.

— Эли, представь, что подумают гости? — в очередной раз попыталась достучаться до Элизы, в которую, казалось, вселилась я сама.

Сестра сняла вуаль и, сузив глаза, ставшие нормальными, сердито посмотрела на меня. Я словно видела свое отражение: упрямое, уверенное в правоте. А я-то считала, что мы не похожи. Да мы практически копии друг друга! Значит, спорить бесполезно; можно только убедить.

— Послушай, ты боишься за него, я понимаю. Но, чтобы отпугнуть зверя, достаточно Берты. Его смерть хотят выставить как несчастный случай. Иначе бы его не стали резать кинжалом... — Я нахмурилась, поняв, что насторожило меня в ивняке.

Я действительно видела в лапе вендиго кинжал! Пришлось медленно выдохнуть: неприятно. Стоит признаться, что я надеялась на невиновность Витора. Где-то глубоко в душе теплилась... розовым огоньком симпатия. И теперь она умирала, причиняя почти физическую боль.

Мне до последнего казалось, что моя догадка окажется ошибочной. И Витор не заключил сделку с духом для избавления от родственников. Но это так, увы!

— Как ты не понимаешь?! — сбивчивый шепот сестры, придвинувшейся вплотную и приникшей к моему уху, заставил вздрогнуть от неожиданности. — Там, в парке, тогда, на почтовой станции! Тот воплотившийся дух! Он был совсем рядом, я не ошиблась! Нет! Он был в шаге от нас! А потом увидел, что я не совсем человек, и перенесся! Понимаешь?! Перенесся! Он меня испугался, Габи! Представляешь?!

— Это я его перенесла, — если не скажу, Эли додумается выйти один на один с серым гостем Алистера.

— Ты? — Эли часто заморгала, нервно потерла пальцами лоб. —

Шутишь?

— Нет.

— А как?.. Ты ведь только эмоции видишь, ну и убираешь их...

Мне бы тоже хотелось знать, почему я начала видеть эмоции и двигаться со скоростью ветра. Ведь я не эфирия. Во мне нет их крови. Про подменьшей старалась не думать.

— Не знаю. Так получилось.

— Может, это из-за меня? — Эли плюхнулась на диван и утащила меня за собой.

— Не уверена.

Когда я принесла домой сестру, раненную вендиго, совершенно растерянная, ничего не понимающая, мы с отцом решили: стресс спровоцировал скрытые резервы организма. Спящие способности, доставшиеся от предков. Сейчас, узнав об эфириях и задумавшись о подменьшах, я в этом не была уверена. А что, если я была такой с самого начала?

Но ведь есть мама — она бы не согласилась скрывать лишнего ребенка?

С Эли мы ее долго уговаривали. Зелье отца стало решающим фактором. Матушка согласилась, что у нас есть надежда.

Вдруг восемнадцать лет назад она тоже согласилась?

Почему тогда они не сказали, что за мной наблюдают мастера теней? Зачем я им вообще?

Или родители смогли скрыть мою истинную суть от храма? Как?

Но ведь мы почти год не даем Эли превратиться в монстра. Зелье не только помогает бороться с чарами вендиго, оно маскирует.

А я была крайне болезненным ребенком. Меня все время лечили...

Нужно больше сведений об эфириях! Иначе скоро приду к выводу, что действительно являюсь эфирией. Но ведь это бред!

Скорее поверю, что мама нам не родная, а нашей с Эли родительницей была именно эфирия. Иногда жены принимали детей со стороны. Совсем редко выдавали за своих отпрысков.

Но папа души не чает в маме! Он не мог ей изменить. Случайная слабость? Цинично, однако вполне может быть.

Или я вообще подменьш? И родители вначале не догадывались, что со мной что-то не так? А потом привыкли и не смогли выдать?

Жутко, но пока это самое логичное объяснение.

Возможно, во время моего... появления что-то случилось, и я осталась без воспоминаний духа. Поэтому спокойно жила, росла. А когда родители

заметили необычные способности — решили, что это шутка природы. Не захотели делать из меня лишенку. И воспоминания полета, которые иногда всплывают в памяти. Это прошлое духа.

Но ведь подменыши убивают?

На моей совести, кроме пары убитых тапочком пауков, никаких жертв не числилось.

Я потомок эфирии?

— Габи, а когда ты стала быстро бегать? — осторожно спросила Эли.

— Несколько недель назад. — Решила не пугать сестру рассказом о тайне моей амнезии, оказавшейся или обычным блоком, или чем-то непонятным. И не совсем обычным. С чем нужно обязательно разобраться!

— А больше ничего с тобой не происходит? — обеспокоилась сестра.

— Я вижу положительные эмоции, не полностью, не всегда понимаю, что это, но вижу. — Смысл скрывать? Элиза знает, как именно я ей помогаю. Пришлось рассказать, чтобы не пугать сестру приступами оцепенения. Так что новая грань моего дара ее не удивит.

— Правда? — Глаза Эли хитро блеснули, она задумчиво пожевала нижнюю губу.

Хитрюга!

— Эли, я не могу посмотреть, что Кевин чувствует к тебе. Это не так просто.

— Вредина! — обиделась сестра.

— Он без сознания. К тому же я не всегда понимаю, кто стал причиной чувств.

Эли старалась выглядеть равнодушной, попыталась натянуть привычную маску приличной элтины. У нее получилось, но я прекрасно поняла: сестра расстроена.

— Вы еще здесь? — В гостиную заглянула Берта.

— Мы уже уходим, — посмотрев на часы, я потянула Эли за руку; сестра уперлась:

— Я останусь!

— Эли? Мы же уже говорили на эту тему... — раздраженно начала я.

— Я останусь с Кевином, — твердо заявила моя проблема.

— Ой, как хорошо! — обрадовалась Берта. Предательница! — Я тогда отнесу двэине Софи успокоительные капли!

И натуральным образом сбежала, подмигнув Эли.

Это заговор!

— Хорошо, — сдалась я.

Элиза просияла радостной улыбкой, чмокнула меня в щеку и

упорхнула в спальню Кевина. Заглянув внутрь, я увидела сестру, сидящую на придвинутом к кровати кресле. Она не отрываясь смотрела на спящего мужчину. В ее глазах была нежность. Она же парила над головой на розовых крыльях. А рядом трепетали алые крылышки пока еще маленькой любви.

Если Кевин обидит Эли, не знаю, что с ним сделаю.

Ожидаемо, в свои комнаты я шла в весьма мрачном расположении духа. В одном из коридоров столкнулась с Майлзом. Управляющий выглядел откровенно озабоченным. Поприветствовав, он рассеянно поцеловал часы на моем запястье.

— Часы тоже рады видеть вас в столь ранний час! — разглядывая свою руку, улыбнулась я.

— Простите, — Майлз взлохматил пальцами волосы, виновато улыбнулся, — надеюсь, ваши часы не обиделись? Столько проблем навалилось. Нападение на Кевина, ночная... прогулка его отца... всю ночь объезжали с двэйной Салливан... окрестности.

Он тактично заменил побег отца Кевина к любовнице на прогулку, даму сомнительного поведения — на более широкое понятие. А двэйна Софи — упрямая особа. Или у нее есть повод для беспокойства?

— Надеюсь, ничего серьезного? Вы просто разминулись с грэди Салливаном?

Майлз согласно закивал.

— Грэди Салливан оставил супруге записку, но она почему-то разволновалась.

М-да, двэйне осталось только посочувствовать. Гнать надо мужа, предупреждающего о походе к любовнице! Видимо, она сильно его любит, раз терпит такое. Или сильно зависит от него.

Управляющий извинился за то, что не будет присутствовать на завтраке. Двэйна Софи все еще жаждала найти мужа. Причем по неизвестной Майлзу причине поиски должен был проводить именно он.

Посочувствовала мужчине и свернула на лестницу, где едва не налетела на дядю. Он флегматично сообщил, что мама мое письмо получила, и усадьба теперь больше напоминает приграничный форт. И мама настаивает, чтобы я не задерживалась в поместье Алистеров больше, чем требуют приличия.

Дядя ее не понял, побурчал, что я теперь тут хозяйка и сестра не права. Я согласно покивала, мысленно радуясь, что мама решила подождать. Вполне могла сообщить мастерам теней, кем именно является сестра супруги Алистера.

У нас есть всего десять дней, чтобы наполнить накопители и не дать зверю муженька расправиться с гостями.

Пока плескалась в душе, одевалась в чистое черное платье, крепила платок к прическе — размышляла о том, зачем Витору смерть родных. Не каких-то там, а именно самых близких. Что за вендетта? Родители Алистера погибли. Трагическая случайность. Он винит в их смерти родных?

Но ведь это равносильно тому, что я начну истреблять тех, кто был на выпускном. Так как, глядя на их веселье, задержалась. Не поехала с тетей. И теперь вынуждена помогать сестре. Или папа с мамой начали бы мстить мне.

Витор точно больной!

Я криво усмехнулась, глядя на отражение в зеркале.

Нет, он слишком логичен для болезни. Тут что-то другое.

Фиктивный брак, фиктивная жена, фиктивная смерть.

Невидимый окружающим провожатый, исчезающий без предупреждения. Боль, идущая рядом с ним. Боль, которую я развоплотила, но она вернулась. Что невозможно.

Вендиго.

Проверка охраны поместья на мне. Зачем?

Снова серый зверь.

Покушение.

Вендиго с кинжалом.

Его встреча с Витором. Витор не пытался его остановить.

Незадолго до этого Алистер не мог принять материальную форму...

Я пытаюсь найти ему оправдание?

Какая связь между всеми этими точками? С чего все началось?

С шутки.

Той, что не шутка.

Невеселые размышления прервал тихий женский вскрик. В нем было столько страха и безысходности, что я отбросила так и не закрепленный платок и высунулась в окно по пояс.

Солнце только выглянуло из-за горизонта, и парк казался темным и унылым. Но мне хватило света заметить между ветками куста серую шерсть. Над зарослями парил огромный еж страха. На кого бы ни напала тварь, сейчас он и пальцем шевельнуть не может. Наверняка в оцепенении смотрит на приближающуюся смерть.

Юбку заткнуть за пояс, туфли скинуть.

Можно поступить проще: закричать. Однако, пока прибегут слуги,

спасать будет некого. И вендиго, расправившись с жертвой, спокойно примет человеческий облик.

Прыжок на дерево вышел неудачным, я больно ударилась рукой. Не обращая внимания на наливающийся синяк, спустилась вниз. Быстрее, еще быстрее!

Ветер всколыхнул ветки кустарника, выдавая мое присутствие. Но я уже вылетела на мощенную камнем площадку, где лежала ничком двэйна Софи. Я бросилась к женщине. Живая. Над мертвыми не парят воплощенные эмоции! Не добежала пары шагов до нее, краем глаза заметила нечто серое за спиной, круто развернулась.

Острые клыки, серая шерсть...

Меня толкнули; отлетев спиной в куст, я быстро подскочила на ноги, готовая, схватив двэйну, бежать.

— Теперь точно не выживешь! — прорычал в лицо Витору вендиго.

Вырвал из груди Алистера длинный кинжал и шагнул в мою сторону.

— Не смей! — откуда-то сверху спрыгнула Элиза.

Выставив руку с длинными серебристыми когтями, она загородила собой меня и Витора, осевшего на землю.

Вендиго оскалился. Эли зарычала в ответ. Два сияющих серебром взгляда встретились. Зверь повел ушами. Издал звук, напоминающий сиплый смех, и ушел тенью.

— Дорогая супруга! Простите, дорогая моя вдова! Я безумно рад лицезреть вас и вашу сестрицу! Какого духа вы обе выперлись в сад?! Вас что, не учили: если кто-то вопит благим матом, надо звать на помощь?! Или хотя бы чем-то вооружаться! — прохрипел Витор, прижимая руку к теряющей материальную форму груди, быстро превращающейся в тень. Покосившись на Эли: — Не когтями, элтина, которые вы толком выпустить не можете! А хотя бы арбалетом со стены! Надо было внести в наш контракт пункт: мужу не обижаться, профессионально создаю проблемы! В комплекте — сестра!

Элиза не пыталась скрыть свою нечеловеческую суть. Она вглядывалась в полумрак парка, принималась, хотя когти на ее руках стали заметно короче.

Я искренне завидовала лежащей в глубоком обмороке двэйне Софи. Что делать? Эли спасла нас, но раскрыла себя. Мастеру теней. Тому, кто должен ее уничтожить.

Единственное, что радовало: кажется, я ошиблась, и вендиго сам по себе. Иначе зачем Витору подставляться под удар? Отвести подозрения?

Какая теперь разница!

Мы в полной его власти.

Эли, покусанная вендиги полгода назад. Эли, борющаяся с захватчиком своего тела. И я, предположительно, полукровка, или эфирия, или хуже того — подменыш.

— Габи! — позвал Витор.

Я, настороженно косясь на полупрозрачного супруга, придвинулась к нему.

— Похоже, вы станете мой вдовой на самом деле, — криво усмехнулся он. — Мой вам совет: сразу после моих похорон уезжайте, — бросил полный сожаления взгляд на Эли. — Как можно дальше. И поищите в архивах сведения об эфире и его связи с эфириями, живущими в нашем мире. Вы сможете ее спасти, уверен. А еще лучше — спросите у Берты и ничего не бойтесь.

Больше похоже на прощание. Я окончательно убедилась, что ошиблась. Однако предпочла перестраховаться. Склонившись к прозрачному уху Алистера, тихо спросила:

— Скажите, вы не могли причинить вред вендиги там, на стене, у вас не хватило сил?

— А вы все же выглянули в окно? Как вы его открыли?

Я пожала плечами.

— Никак. Если высунуться из окна спальни, все прекрасно видно.

— Так вы решили, что я его отпустил? Хорошего же вы обо мне мнения. — Витор поморщился, глядя на свои ноги, уже непрозрачные, плоские и почти потерявшиеся в утреннем полумраке. Сидящая рядом с ним боль заметно подросла.

— Жестокая шутка, странные исчезновения, нападения, которые вы скрывали, — какое я должна была составить о вас мнение? — сердито проворчала в ответ, прикидывая, что нужно вспомнить, чтобы развоплотить боль одним махом.

— Что у меня отвратительное чувство юмора. — Витор накрыл ладонью мои пальцы; прикосновение почти не ощущалось. — Не стоит. Мою боль вам не убрать.

— Что с вами?

Ответа я не дождалась — Алистер потерял сознание. Пока прикидывала, стоит ли оставить двэйну под присмотром Эли — дотащить обоих у меня не выйдет при всем желании, — к нам буквально выбежал доктор, сонный, помятый, с саквояжем.

Элт сориентировался мгновенно. Его не смутило то, что Эли прячет взгляд в тени растрепавшихся волос и убирает руки за спину. А я не

отрываясь смотрю на пустое место: на боль.

— Элиза, смените Берту у Кевина. Быстро! Габи, что б вы там ни видели, не трогайте его.

Я удивленно переглянулась с Элизой. Сестра согласно кивнула и, подобрав юбку, исчезла в тени. Надеюсь, это обратимо. Думать о том, что я потеряла Эли, себе запретила.

— Слишком много яда... — пробормотал доктор. Потер блестящую от пота лысину, озадаченно потеревил куцый хвостик на затылке. — Мне не справиться.

Вытащил из саквояжа пузырек и, сбрызнув платок бесцветной жидкостью, зачем-то отер лицо обморочной двэйны. Женщина плавно перешла из обморока в глубокий сон. Захрапела тонко и со вкусом. Хоть кому-то сейчас хорошо!

Вернувшись к Витору, все больше растворяющемуся в тенях, элт громко кашлянул и севшим от волнения голосом предложил:

— Габриэлла, а вы бы не хотели стать женой Витора на самом деле?

— Что? — Я непонимающе развела руками. — Зачем? Как? Он ведь почти... пропал и без сознания...

Я старалась не замечать, что у меня горят уши и щеки.

Доктор огляделся по сторонам, придвинулся вплотную, заставив поморщиться от аптечного запаха.

— Жены мастеров теней — их якорь, не дающий раствориться в тени, когда телу нанесены серьезные повреждения. Витор был тяжело ранен, мне пришлось стать его якорем. Но это другое. Моих сил попросту не хватает, чтобы вытащить его оттуда. Слишком много яда. Если до этого он медленно умирал, теперь он почти агонизирует.

Я покосилась на боль. Серая псина выглядела унылой и едва различалась. У мертвых нет эмоций. Никаких.

— Что нужно сделать? — решительно посмотрела на доктора.

— Поцелуйте его. — Доктор закопался в саквояж.

— И все? — скепсис в голосе скрыть не удалось — вспомнились слова Витора о детях, появляющихся от поцелуев. Я не сдержала истеричный смешок.

— Пока этого достаточно. Вашей симпатии должно хватить, чтобы вытащить его. Я сразу займусь ядом. — Видимо, элт до конца не верил жене, утверждавшей, что у нас с супругом что-то большее. Я была с ним согласна.

Лишь бы моей симпатии, почти убитой подозрениями, хватило.

Склонившись к Витору, я зажмурилась, чтобы не видеть траву сквозь

прозрачное лицо мужа. Его губы были холодными, дыхание едва ощущалось. Поцелуй скорее напоминал прощальное лобзание — именно так жрецы провождали покойных.

«Зря вы, мой супруг, шутили о прощальном поцелуе!»

— Прощу, продолжайте! — громким радостным шепотом попросил доктор.

Я осторожно приоткрыла глаза. Получается?

— Давайте! — махнул на меня рукой доктор, колдующий над грудью Алистера, все еще прозрачной, но постепенно приобретающей материальную форму.

И тут в голову закралась предательская мысль: а надо ли спасать Витора? Он знает, кто такая Эли. Он обязан ее убить. А все эти отговорки об эфириях и шансе — попытка выглядеть на смертном одре благородно.

— Габи, немедленно прекратите сомневаться! Иначе, клянусь, я сам сдам вашу сестру мастерам теней! — слова доктора ударили не хуже пощечины.

— Вы мне угрожаете? — отстранившись от Алистера, я уставилась на доктора.

В вершинах деревьев обеспокоенно зашумел ветер.

— Нет. Мне нужно было вас встряхнуть. Чтобы вы поняли, этот мальчишка мне как сын. — Мужчина потер ладонями виски. — Я работал с его отцом. Вы готовы на все ради сестры? Так вот, я тоже сделаю что угодно для его спасения.

— Плохой из тебя психолог! — Берта подбежала к нам. Строго посмотрела на смутившегося мужа, потом, с осуждением — на меня. — Что смотришь? Вытаскивай этого барана упертого, раз начала! И не бойся, сестру мы тоже вытащим. — И шепотом: — Если у меня вышло, у тебя и подавно получится. А что до силы, так от нее одни неприятности. Или тебе сила важнее?

— Нет! — Я снова склонилась к губам Витора.

Старалась, целовала. И злилась. Возвращался из тени Алистер медленно. Но возвращался! Казалось, он еще и размышляет, надо ли ему обратно в наш мир!

— Оригинально! — ехидный голос, прозвучавший из тени, и Кевин, шагнувший к нам оттуда же, стали для всех сюрпризом.

Минутная немая сцена — и команда Салливана, подозрительно бодрого для умирающего:

— Доктор, отодвиньтесь. Габи, я безумно рад, что вы «отыскали» вашего пропавшего супруга и решили привязать к себе; отпустите его пока.

Продолжите в более удобном месте. Доктор, Берта, в мои покои. Ее сестру не пускать.

Не успела подумать, что последнее уточнение прозвучало странно, как меня вместе с мужем затащили в тень. Руки у Кевина были заняты кузенком, пришлось вцепиться в его локоть. И подавить желание взобраться на мастера, как на дерево. Боль посмотрела на меня с осуждением. Ей проще, она тут, видимо, частая гостья!

Мы шли в редком черном тумане, по темной тропинке. Она виляла, расширялась, сужалась. Справа и слева, словно отражение друг друга, были два мира. Или все же один?

С одной стороны проносились обычные деревья, стены особняка, сквозь которые мы буквально пронырнули. С другой — то же самое... и не то. Странные существа ползали по стенам, грелись в солнечных лучах. Кажется, я видела призрака, сизой дымкой скользящего между веток деревьев.

Но что самое странное: меня влекло не в реальный мир, а в эфир. Протяни руку — и...

— Ай! — Потерла запястье, по которому меня не сильно, но вполне чувствительно стукнул Кевин.

— Еще успеете, когда сестру будете спасать, — снизошел до объяснений Салливан. — А вы ее будете спасать, не сомневайтесь. Потому что я не собираюсь прощать ей... гм... ее вольность.

Мне стало нехорошо: что там выкинула Эли?

У стены покоев Кевина натолкнулись на прозрачную пленку защиты. Мастер провел по ней кончиками пальцев, и мы вышли из тени у кровати. Салливан сгрузил прозрачного, но целого кузена и упал в кресло.

— Целуй, раз начала! — Он потянулся за одним из пузырьков, которыми был заставлен столик.

Хотела огрызнуться, посмотрела на Витора и послушно отправилась выполнять приказ.

Я как раз уловила слабый отклик, когда в комнату вошли Берта с доктором. А из-за двери донесся возмущенный вопль Эли.

— Пустите! Я тоже хочу помочь!

— Кевин? — Берта вопросительно посмотрела на мастера.

Салливан скривился и, пошатываясь, вышел.

Я оторвалась от почти нормального, в смысле, материального мужа, чтобы перевести дух.

— Куда это он?

— Занимать твою сестру, — со странной улыбкой пояснила Берта.

— Занимать? — Я внутренне разрывалась между желанием запустить чем-нибудь в женщину, побежать к сестре и загнать ее в комнату, посадив под замок, и пониманием, что не смогу этого сделать, пока Витор не стал человеком. — Ты хоть представляешь, что она себе навидумывает?! — Я тоже перешла на «ты». Раз уж все мне тыкают, смысл разводить реверансы?

— Что он к ней равнодушен, — сипло ответил Витор, морщась. Почти материальный, он совсем немного просвечивал. Зеленое постельное белье придавало его лицу пикантный оттенок спелого яблока. — Что недалеко от правды. Мой кузен всерьез увлечен твоей сестрой. Так что это мне нужно опасаться за его жизнь.

Шутку я не оценила. Наклонилась к говорливому покойнику и заткнула его поцелуем. Закрыла глаза — зеленушный оттенок от простыни и наволочки наводил на мысли о чем-то не совсем живом.

Сейчас я не просто касалась его губ. Мне отвечали. Пытались перехватить инициативу, но сил не хватало даже на это. Пришлось стараться. И надо признать, мне нравилось целовать Витора.

И это злило.

Весь план полетел коту под хвост, а я готова растечься по груди супруга, как тот пресловутый студень, с которым когда-то сравнивала Алистера. И признать, что — да, мне нравится быть его якорем. Особенно сам процесс возвращения.

— Эм? Неожиданно, — хмыкнул Витор, когда я оторвалась от него.

Поняла, что за нами все это время наблюдали доктор с супругой, и покраснела. Долго смущаться не дали, Алистер тихо скомандовал:

— Габи, Роб, Берта, вам придется меня похоронить.

Дружное молчание и написанное на лицах сомнение в адекватности мастера стали ему ответом.

— Роб, подлатай меня. Чтоб я смог закрыться тенью и исчезнуть. Потом скажешь Кевину. Он молодец, сообразил. Берта, когда пойдешь за лекарствами, постарайся выглядеть мрачной. Габи, не говори сестре, что я жив.

— Опять?! — сердито пробурчала Берта.

— Ты справишься? Придется тебе побыть якорем, пока я лечу его. — Доктор кивнул на меня. — Это ведь не любовь. А яд я не смогу вывести полностью. Это будет всего лишь временная отсрочка.

— Почему я не могу сказать Эли?! — Я ничего не понимала. Мозг фиксировал отдельные слова.

Не любовь. Яд. Отсрочка.

Витор шумно выдохнул. Доктор зачем-то вытащил из саквояжа

успокаивающее зелье. В руках Берты появился носовой платок.

— Габи, ты еще не поняла? — Витор поморщился, бледный до синевы, вполне нормальный, совсем не прозрачный.

Зачем ему якорь?

— Не поняла. О чем ты? — Я отрицательно покачала головой.

— Элиза связана с вендиго, напавшим на Кевина.

Глава 8

— У вас горячка? — участливо, не скрывая злости, специально переходя снова на «вы», поинтересовалась я; для убедительности потянулась потрогать усыпанный бисеринками пота лоб мужа.

— Безусловно! — перехватив мою ладонь, Витор погладил свободной рукой пальцы и прижал к своему боку, словно грелку или целительский кристалл. — Четыре дня уже как болею!

Берта тихо хмыкнула, доктор спрятал успокоительное. И они поспешно вышли, плотно закрыв за собой дверь. Снаружи тут же донеслись возмущенные голоса. Доктор ругался, ему отвечали Кевин и Эли, хором. Занятно. Потом разберусь, когда они успели прийти к согласию. А пока...

— Если у вас горячка, попросите у доктора капель!

— Это крайне въедливая форма, ее так просто не одолеть, — продолжал шутить Витор. Очевидно, считая, что сможет отвлечь меня от вопроса вендиги и своего более чем необоснованного обвинения.

— Въедливая форма? Впервые слышу подобную характеристику болезни. — Чуть не ставший настоящим покойником супруг открыл рот, я тут же закрыла его пальцами свободной руки, вспомнив фокус, который Алистер провернул в кабинете Кевина. — Болеете? Лечитесь. Но не смейте переносить ваш бред на мою сестру! Ваш вендиг — совершенно другой зверь. Своего я никогда не забуду.

Витор протестующе мотнул головой, побледнел до синевы — пришлось убрать пальцы. Скривив губы и с жалостью глядя на меня, прошептал:

— Вы так в этом уверены?

— Да. — Я запретила себе бояться, и сейчас это помогало спокойно посмотреть в зеленые глаза мужа и без паники, без трепета и замирания сердца сказать: — Я видела его так же близко, как вас сейчас. Я вырвала Эли из его когтей и принесла домой.

Во взгляде Витора промелькнула непонятная грусть.

— Вы в этом уверены? — повторил он. Тот же ледяной тон, что в день нашей встречи. Лежащий на кровати мужчина был не Алистером — аристократом, решившим в одиночку поймать вендигу, — он был мастером теней, идущим к своей цели. Ему-то я и мешала. Рушила стройную теорию о помогающей зверю сестре.

— Я. Уверена.

Я гордо выпрямила спину, отобрала у мужа ладонь, вызвав недовольную гримасу. Сложила руки на коленях, расправила подол юбки. Если он — мастер теней, я — примерная элтина. Не совсем, конечно. Примерная грохнулась бы в обморок от таких воспоминаний, а я собиралась рассказать Витору обо всем случившемся на той поляне.

Вначале кратко обрисовала предысторию: выпускной, бал, шутка с переодеванием, мое беспокойство, побег, место нападения на карету, поиски сестры.

Витор внимательно слушал. По его лицу было не понять, что он чувствует. Кроме боли, других воплощений эмоций я не видела. Самоконтроль у мастера мне на зависть.

Вот я и подошла к встрече с вендиго, чья шерсть была лунного цвета.

— ...Когда я выбежала на поляну, Эли была уже ранена. Зверь держал ее в лапах и словно чего-то ждал. — Потом я узнала, что вендиго — как раз одно из исключений. И захватывают тела совсем не так, как другие духи. — Я испугалась за сестру, сильно. Я не заметила, что двигаюсь со скоростью, намного превышающей ту, которую способен развить человек. Я увидела кровь на розовом шелке ее платья, и в голове будто щелкнуло. Буквально вырвала ее из лап вендиго. И понесла домой. У усадьбы столкнулась с отцом, он поехал искать меня. Я ему все рассказала. Эли пришла в себя. Эли... не дух... и мы решили попробовать. Отец вспомнил о старых разработках прадеда...

Я задумчиво пожевала нижнюю губу.

— Но зелье не вылечило Эли, оно затормозило процесс... и замаскировало ее суть... так у нас появилось хоть немного времени...

— Ваш прадед по линии отца? — уточнил Витор, хмурясь.

— Да. А что? Какое это имеет значение?

— Жестянщик?

Я пожала плечами: куда он клонит?

— Не находите, что это несколько странное увлечение для жестянщика? — с сарказмом спросил Витор.

— Он был разносторонним человеком! — Настолько разносторонним, что о некоторых его увлечениях отец узнал незадолго до нашего с Эли рождения, когда прадед давно покоился в земле. Жестянщик промышлял контрабандой и незаконным зельеварением. На основе его разработок отец сделал несколько успешных легальных зелий. Мой тоник. И зелье для Эли. А еще из запасов деда нам достался старый папирус с весьма специфическим обрядом на основе силы мастеров теней...

Но что-то я отвлеклась.

— Так вот, я отлично разглядела вендиго. Напавший на мою сестру зверь был ниже, уже в кости, с двумя парами рогов, с более тупой мордой, и шерсть у него была лунного цвета.

Витор тихо выругался, недовольно покосился на сияние целительского заклинания на своей груди.

Да, именно так, господин мастер! Ваша теория развалилась! Эли не имеет отношения к поселившейся рядом с вами пакости!

— Вендиго был совсем другим, понимаете? — решила закрепить результат. — Клыки, морда, цвет шерсти — все другое!

— К вашему сведению, цвет шерсти не показатель, — недовольно поморщился Витор. — Лунная шерсть у вендиго в сильном теле. Серая — у того, кому требуется новое.

Вот она, особенность этих духов. Они живут в нашем мире, переселяясь из одного тела в другое. И это для них не временная мера, а нормальное состояние. Они не разрушают душу временного обиталища, они ее поглощают.

Другие духи создают собственное тело из плоти, крови, магии того, кто как-либо поспособствовал их появлению в этом мире. А вселяются в случайных прохожих временно, чтобы уйти от преследования. И после, найдя новую жертву и соблазнив ее посулами, провоцируют новый вызов себя в этот мир.

Вендиго сами проникли к нам. И нашли, что изменять тела носителей намного удобнее, чем создавать свои. Вендиго — древние сильные духи зимы, голода и ледяных ветров.

Зелье отца уже полгода защищает душу Эли. А я помогаю бороться с воплощенными эмоциями, которые подпитывает сила вендиго, связанного с ней. Страшнее всего ярость — она может вынудить Элизу вкусить человеческую плоть, и тогда для нее все будет кончено.

— Так что, Габи, ваш лунный зверь вполне может быть и нашим серым. Тогда он только выбрал себе тело, сейчас готов его сменить, — продолжил гнуть свою линию Витор.

Не поверила. Скорее всего, он сказал полуправду. Вендиго могут менять окрас? Вполне может быть. Серый и лунный зверь — одна и та же тварь? Нет, нет и еще раз нет! Витору зачем-то нужно убедить меня, что это так? Скорее всего. Зачем ему это?

Потому что тогда выходит, с его зверем связан кто-то другой. Кто-то, кому я или Эли случайно можем проговориться о своем открытии.

Что делать?

Пожалуй, безопасней «поверить» мужу. Пусть разыгрывает очередную смерть, ловит своего вендигго. Я ему в этом обязательно помогу. Но в первую очередь постараюсь оградить Эли. Она показала серому свою суть. Неизвестно, как он себя поведет.

— Не стоит посвящать сестру в наши дела. Для нее, как и для всех, я умер. Каким бы ни был зверь, он следит за нами, и к утру завтрашнего дня вы, доктор и Берта должны выглядеть расстроенными и растерянными. Ах да, у вас случится выкидыш. Так безопаснее.

Я насмешливо фыркнула.

Мое участие в процессе снова не понадобилось. Какая бурная семейная жизнь, однако! Правда, проходит она исключительно между моим покойным супругом и его доктором.

— Я могу собирать вещи? — Меня и такой вариант устраивал.

Жаль, лишь половина накопителей заполнилась. Причем обнаружила сей факт неожиданно. Вначале шло туго, а потом буквально за пару часов, словно у Витора был всплеск силы, половина камней просигналила, что полна. Может, за оставшееся время и остальные успеют?

— Спешите сбежать? И не надейтесь. Вы моя еще на девять дней.

— Да, я помню. Я ваша вдова, — ровным тоном подтвердила я, мысленно недоумевая: Алистера мой ответ разозлил? Неужели то, что вытащила мастера из тени, дало повод считать меня своей собственностью? — Вынуждена вас расстроить, но я бы и Кевина вытащила, если бы он оказался на вашем месте. Если бы смогла, конечно.

— Даже так? — скривился Витор. — Всегда всем помогаете?

Я пожала плечами. Я вижу отрицательные эмоции. Чувствую, когда они подводят человека или нелюдя к опасному краю. Могу их развоплотить. Нежели он думает, что я бы смогла бездействовать? О чем тут говорить?

— И у вас всегда получалось?

— Не всегда, — сухо отрезала, давая понять, что мы отвлеклись от темы. — Я не всегда успевала найти тех, кто близок к грани. Люди погибали... И нелюди тоже...

Три человека и два нелюдя. Сын парикмахера, престарелая мать горничной, мясник. Оборотень-лис, огненно-рыжий парнишка, и альва, первая мной увиденная, одна из народа лесов. Думая о них, я обещала себе, что шестого погибшего не будет.

— Значит, вы хотите, чтобы я осталась? — скрыв за ресницами грусть, я удивленно заметила пальцы Витора, сжимающие мою ладонь в жесте поддержки и сочувствия.

Самый молодой из мастеров теней наверняка не раз видел смерть товарищей.

— Но ведь это будет подозрительно? Если Кевин неожиданно проникнется сочувствием и оставит меня здесь? — с сомнением уточнила я, получив согласный кивок.

— После сегодняшней ночи Кевин сляжет с горячкой и проваляется девять дней. — Витор хотел добавить что-то еще, но передумал.

Мне показалось, он о чем-то сожалеет.

— Не хотите рассказать, что тут на самом деле происходит?

— Непременно расскажу, — Витор невесело усмехнулся, — но чуть позже. Позовите Роба. Мне безумно приятно с вами общаться, но пора меня подлатать.

— Пора! — покладисто согласилась я. — Не хотелось бы становиться вдовой на самом деле, я для этого, знаете ли, слишком молода!

Алистер хмыкнул в ответ и взмахом руки, весьма слабым и вовсе не величественным, как ему казалось, отправил за доктором.

Доктора и Берту я нашла в гостиной. Сидя на диване, они прислушивались к голосам, доносящимся из соседней комнаты. Увидев меня, эти двое заговорщицки переглянулись и без каких-либо пояснений скрылись в спальне Кевина.

— Послушайте, Элиза, вам не говорили, что юной элтине неприлично находиться наедине с неженатым мужчиной? — раздался за дверью, ведущей в малую гостиную, сердитый голос Салливана.

— Говорили, неоднократно. Но! Во-первых, я здесь не как элтина, а как сестра милосердия. Вам нужна помощь, не отнекивайтесь! — вежливо, поучительным тоном, который должен был взбесить Кевина, заявила Эли. — Во-вторых, я не в курсе вашего семейного положения... и это меня в данный момент не интересует.

Ой, лукавит Эли! Все ее интересует! А о семейном положении Кевина она и без его пояснений знает.

— Во-первых, дорогая сестра, мне не нужно ваше милосердие. Мне нужны тишина и покой! — учтиво, но крайне резко отозвался Салливан. — Во-вторых, я не делаю из своего семейного положения тайны. Об отсутствии у меня жены знают все.

О, как самонадеянно!

— Во-первых, вы переоцениваете значимость своей персоны, — в тон ему ответила Элиза. А я окончательно убедилась, что мы близнецы и думаем одинаково. Именно это мне хотелось сказать Салливану, не желающему понять, что в чужой помощи нет ничего зазорного. — Во-

вторых, вы сами сказали: вам нужны тишина и покой. И сами же не хотите принимать зелье доктора и ложиться на диван. Потому как я, видите ли, отвлекаю вас от тишины и покоя тем, что, по просьбе доктора, присматриваю за вами.

Скорее по просьбе Берты. А может, оно и лучшему? Элиза занята Кевином. Она ожила. Ее захватила мысль защитить Салливана. Пусть пока посидит с ним. Если Витор сказал правду, Кевину придется разыгрывать больного. Эли от него не отгонишь.

Я улыбнулась, потом стукнулась лбом о стену.

Какая глупая!

Алистер мне ничего не объясняет. Но из того, что я слышала и видела, можно сделать определенные выводы.

Кто-то из его родственников задался целью получить деньги Алистеров. Витора он уже убрал. Кто следующий мастер теней? Кевин. А рядом с ним — Эли.

Задумка Алистера хороша: мастер в горячке, и у преступника, приведшего вендиго или, что хуже, ставшего личиной вендиго, есть потрясающая возможность сделать так, чтобы он не выздоровел.

Витору и Кевину останется только подождать нападения.

Как убрать Элизу из этого уравнения?

Моя беременность! Придется прикинуться больной. Но я ведь не могу лгать сестре, а недоговорки тут не помогут. Значит, мне придется на самом деле занедужить.

Папа часто повторял: зельевар не должен экономить на замках! Иначе заберется какой-нибудь поклонник дурмана, нахлебается чего под руку попадет, а отвечать за причинение вреда здоровью — хозяину магазина.

Доктор Элазар следовал тому же принципу. Попытка ограбить его запасы не увенчалась успехом. Пришлось возвращаться в покои Кевина и предлагать помощь Берте. Мне снова поручили складывать пузырьки. И я незаметно выбрала два нужных и спрятала в карман — небольшое недомогание обеспечено.

Я совершенно забыла о завтраке, поэтому визит дворецкого стал сюрпризом. Мужчина сообщил, что вкушать пищу мне предстоит в одиночестве. Гости спешно отбыли домой под разными предлогами. Видимо, слух о нападении на Кевина распространился по особняку со скоростью ветра. И кто-то особо сообразительный сопоставил его с нервным срывом двэйны Софи, муж которой уехал прогуляться посреди ночи.

Себя родственнички любили больше, чем бесплатный цирк с семейными разборками, так что я почти не удивилась. И порадовалась: меньше подозреваемых осталось.

Точнее, их совсем не осталось.

Остались потенциальные жертвы и мой дядя, по причине большого количества снотворного спавший сном младенца и запретивший себя будить.

Значит, все-таки кто-то из прислуги.

Может, чей-нибудь незаконнорожденный сын? Или дочь?

В любом случае мы скоро это узнаем.

Сославшись на плохое самочувствие, я отказалась от завтрака. Устроившись на диване, ждала, когда доктор закончит и Витор соизволит рассказать, что тут происходит.

Процесс лечения затягивался, и я решила посмотреть, как дела у Элизы.

В малой гостиной царила прямо семейная идиллия. Эли спала в кресле. Кевин делал вид, что спит. А сам задумчиво разглядывал настырную сестру милосердия. Надеюсь, мне не показалось, что алых всполохов рядом с нежностью, расправившей крылья над головой этого циника, стало больше. Потому что Эли была влюблена. Сильно, страстно, безнадежно.

Я, оставаясь незамеченной, осторожно прикрыла дверь. Если Витор на самом деле считает, что Эли связана с серым вендиго, ему такое соседство не понравится. Значит, мой неожиданный недуг придется ко двору.

— Габи, зайди. — Берта с мужем вышли из спальни. Переглянулись. Оба печально вздохнули и изобраили уныние.

Кажется, план с очередной смертью моего супруга уже воплощается в реальность. Интересно, а когда мой выход?

Витор ждал, сидя в кресле. Бледный, перебинтованный, но вполне живой. И не прозрачный.

Я с сожалением отметила, что якорь ему уже не нужен. Жаль: мне понравился процесс. Что за мысли лезут в голову? У меня накопители!

Понаблюдав за сменой эмоций на моем лице, Алистер жестом пригласил сесть во второе кресло. Дождался, пока устроюсь, и начал, без предисловий и пространных размышлений:

— Как вы знаете, мои родители погибли два года назад. Несчастный случай.

Я согласно закивала. Витор посмотрел на свою руку, туда, где под рубашкой я заметила повязки. Точно такие, как он продемонстрировал в

храме. Доктор — сильный целитель; почему же раны до сих пор не затянулись?

— Все выглядело именно как несчастный случай. Сыщики и мастера теней ничего не обнаружили.

— А на самом деле их убили? — нахмурилась я — вот откуда, оказывается, у «шутки» Алистера ноги растут.

— Да. Но я не мог этого доказать, — едва заметно поморщился Витор. — Сыщикам было недостаточно улик. Коллеги посчитали это упрямством большого ребенка, потерявшего родителей... Родственников устроил ответ сыщиков: несчастный случай. Мастер теней и его супруга стали жертвами фатального случая.

Мне было интересно, что там произошло. Но Алистер говорил слишком отстраненно, словно речь шла не о его родителях, а о чужих людях. Однако боль его выдавала: она росла! Поэтому я предпочла промолчать.

— За два года я проверил множество версий. Самой жизнеспособной была самая банальная: деньги. Но время шло, я готов был поверить, что ошибся. И тут меня попытались убить. Первый раз это был обычный наемник. Он даже не знал, кто его нанял. Второй раз меня заманили в ловушку. И ранили клинком, смазанным ядом, достать который можно только в эфире. Это вытяжка из плазмы одного из редких духов. Духов опасных и не стремящихся сюда.

— И вы решили, что ваш родственник связался с вендиго? Почему именно вендиго?

— Слабому духу не под силу повернуть такое. Ему нужно, не теряя связи с телом, вернуться в эфир, найти искомое и протащить его через тень обратно.

— Но это под силу только вендиго? — Не удержалась и зябко поежилась. Неприятно думать, что эти твари так легко путешествуют в эфир и обратно и тащат сюда всякую гадость.

«Яд. Отсрочка», — не надо быть прорицателем, чтобы понять: доктор не может спасти Витора.

— Еще эфирии. — Пока я в ступоре моргала, Алистер пояснил: — Но они платят за это способностями. Да и не станут они творить зло, это против их природы. А вот вендиго вполне может рискнуть и повернуть такой фокус. А чтобы не потерять способности, они убивают. За яд на том кинжале погибла целая деревня на окраине королевства. Мастера были уверены, что зверь где-то неподалеку. Ведь если его мучает такой голод, он должен себя не контролировать.

Если смотришь на лопаточку, не заметишь, как сбегает зелье — воистину правду говорил папа.

— И вы тогда решили инсценировать собственную смерть?

Витор коротко кинул. Прикрыл глаза.

— Почему я? — не верилось мне в случайность.

— Вы показались мне самой бесперспективной кандидатурой.

— Прости-ите? — Я откровенно растерялась от такого заявления.

— Вы не могли быть эфирией, — неопределенно пошевелил пальцами Алистер.

С недоумением глядя на супруга, я ждала пояснения. Исходя из того, что сказала Берта, получалось с точностью наоборот. Любой близнец женского пола мог быть эфирией.

— Почему я не могла быть эфирией?

— Храм и служба контроля сообщают мастерам обо всех эфириях. Даже если они не из нашего королевства и приехали сюда... Понимаете, их способности проявляются в раннем детстве... скрыть их очень непросто. Зелье вашего отца отлично сработало. Тоник, да?

Я кивнула. В голове не укладывалось! Хотя да. Тоником меня поили, сколько себя помню, — я была крайне болезненным ребенком. Просто после той поляны я стала принимать его регулярно. А таким ли плохим было мое здоровье в детстве? Честно говоря, ничего такого не помнила. Кроме тоника, которым меня периодически поили после появившихся практически на пустом месте соплей или покрасневшего ни с того ни с сего горла.

Папа — зельевар, ему не составило труда искусственно вызвать у меня нужные симптомы. Чтобы ни у кого не возникло вопросов, почему родители постоянно поят одну из дочерей тоником.

И так с самого рождения?

Но ведь меня возили в храм, как полагается, на третий день, об этом говорит запись в метрике. Правда, не в столичный, а в тот, что рядом с усадьбой, поменьше. Однако я была в храме, и меня признали человеком.

Выходит, мама согласилась? Она приняла подкидыша?

Кажется, я не только сестру не знаю, но и собственную мать!

А мои провалы в памяти?

Папа вполне мог подсуетиться и тут. Я ведь не забыла ничего, просто отстранилась, и меня не смущало, что так легко получилось. Похожее действие было у зелья, назначаемого докторами людям после всяких трагедий. И, скорее всего, оно было добавлено в тоник. Оставшись без него, я поняла, что что-то не так.

Какая теперь разница?

— А все-таки почему не эфирия? — И я повторила мужу свои размышления о близнецах.

Витор тихо фыркнул, снова напомнив Грома, не желающего есть кислое яблоко, и пояснил:

— Эфирии не всегда успевают, младенец погибает, и остается его копия.

Теперь ясно, почему их путали с подменышами! Родители считали, что именно дух ветра убил ребенка, а не болезнь или что-то еще.

— ...Их путали с подменышами. Но вы правы, близнецы всегда под пристальным вниманием храма. Особенно те, появление которых не смог диагностировать целитель. Остальные после проверки в храме, проверки целителя, наблюдавшего их мать, снимаются с учета.

Ну да, теперь понятно, что я... а собственно, кто я? Мама говорила, что доктор сразу обрадовал их новостью: будут близнецы. Получается, я та самая не успевшая эфирия? Или подменьш? Дефектный. Либо опоенный каким-то зельем и потому не злой?

— Случаи, подобные вашему, бывают крайне редко. Я был уверен, что вы человек. К тому же вашу мать наблюдал один из наших докторов. Не до самых родов — ваша матушка умудрилась произвести вас на свет в каком-то охотничьем домике.

Не каком-то, а нашем. Мама не любила вспоминать, говорила, к концу беременности причуд у нее было не просто много, а вдвойне много. В день нашего рождения ей захотелось прогуляться по лесу. Папа пытался отговорить, но не смог. В итоге схватки начались в охотничьем домике, где родители остановились отдохнуть. Ехали мы домой уже вчетвером.

— В компетенции врача я был уверен, — закончил Витор.

Беременность у мамы была тяжелой. Это я знала. Но вот то, что ее наблюдал кто-то из докторов мастеров, оказалось сюрпризом.

Выходит, мне повезло, что этот эскулап не присутствовал при родах. Надо бы узнать у мамы, кто именно ее наблюдал. Вдвойне повезло! Родители не приняли меня за подменьша и поняли, что я пыталась сделать!

— А что с нами не так? Вы сказали, выбирали девушку, которая точно не была бы эфирией? — засыпала я мужа вопросами.

— Для вас помогать другим — это как дышать.

Все-таки эфирия. Можно вздохнуть спокойно!

— Разве это плохо? — возмутилась я.

Впервые слышу, что кого-то попрекают добрыми делами.

— Это не плохо. Но вы можете попасть в переплет... оказаться в

опасности...

— Так не любите эфирий? — насмешливо перебила я. — Это профессиональное?

Если отбросить детали, я — дух. Воплотившийся в этом мире, но дух. Последний год я только и мечтала повернуть время вспять и сделать так, чтобы ничего не случилось и эфир остался для меня чем-то сказочным, немного жутким. Мечтала. Я! Дух! Из эфира! Разве они могут мечтать? Оказывается, очень даже могут!

Нервно рассмеявшись, ждала ответа на вопрос.

— Напротив, мастера теней очень любят эфирий. И редко позволяют им выходить за тех, кто им дорог. Ведь вы — наша страховка. Крайне редкая и по-своему уникальная. Для этого вас ставят на учет в храме. Родители не выступают против мужей — мастеров теней, ведь у нас положение, состояние. — Витор говорил резко, зло.

— Но ведь Берта — эфирия? — Я вспомнила оговорку женщины, что она видела сестер из эфира, а теперь не может. Это были слова не полукровки. И не внучки эфирии. — И она замужем за доктором?

— Отец отпустил ее. За нее просил Роб. Взамен он стал доктором отца. Роб — один из лучших целителей.

Как цинично! Спасибо родителям, не дали сделать из меня непонятно что для мастеров теней!

— Мой отец был настоящим аристократом и настоящим мастером теней, — с горечью сообщил Витор.

Тогда Берта просто святая! Спасти того, кого тебе навязали? Ведь я правильно поняла слова о страховке, да? Лишиться способностей. Жить рядом с ним. Искренне любить его сына. Не уверена, что я бы смогла!

— Берта — чудесная женщина! — лицо Витора просветлело, боль немного уменьшилась. — Продолжим. У вас есть вопросы, я вижу. Зададите их потом. Отвечу... На все.

Я мысленно потерла руки.

— Так вот, я мог верить только Берте и Робу. Остальные были под подозрением.

— Даже Кевин? Вы же с ним друзья? К тому же он мастер теней? С чего ему заключать сделку с вендиго?

— А вы хорошо осведомлены... Неужели вы считаете, что наши способности и профессия делают нас непогрешимыми? — с нескрываемой иронией спросил муж.

— Нет. Но на месте духа я бы не рискнула.

Витор задорно хмыкнул:

— Какая забота о благополучии духа! — И добавил уже серьезно: — Найти подход можно к любому. А Кевин порой бывает настоящим...

— Аристократом? — участливо подсказала я.

— Именно им.

Алистер задумчиво постучал пальцами по колену.

Некоторое время мы молчали, потом я не выдержала:

— Что дальше? В невиновности Кевина вы убедились. Будем ждать, когда дух нападет на него снова?

— Да. И следить за обитателями особняка.

— А конкретней нельзя? Я ведь тоже часть вашего плана. И Эли... — Конечно, я собиралась согласиться с утверждением Витора, что Элиза связана именно с серым зверем, и почти согласилась. Но, глядя сейчас на взирающего в пустоту Алистера, на лице которого был написан приговор вендиго и его помощнику, поперхнулась словами и сказала совсем другое: — Как бы вам ни хотелось упростить себе жизнь, моя сестра не связана с серым зверем.

Никаких эмоций. Кроме боли, естественно. Серая так и сидела рядом.

— Вопрос о причастности вашей сестры к происходящему мы как раз сейчас и выясняем. — Витор повернул мою руку, посмотрел на часы. — Думаю, к утру завтрашнего дня мы будем точно знать, связана ваша сестра с серым или нет.

— Нет.

— Проверка покажет.

— Что за проверка? — Я прислушиваюсь к себе, пытаюсь уловить беспокойство, означающее, что с Эли что-то происходит. Ничего.

— Прямо сейчас у Кевина начинается жар. Лихорадка бывает весьма опасна для жизни. Если Элиза и серый — единое целое, она попытается его убить.

— Она вас спасла! — Я была возмущена методами мастера.

Он понял, что Эли увлеклась его кузенком, и решил устроить проверку! А о ее чувствах кто-нибудь подумал?!

— Спасла. Но если она подчиняется зверю, это мог быть тактический ход, — неохотно пояснили мне.

— Тактический ход? — повторила я ровным голосом. Элтины не истерят. И я не буду. — Тогда проверять нужно не только ее, но и Кевина. Почти сотня ударов кинжала, и он до сих пор жив!

— А кто сказал, что я его не проверяю? — лицо Витора закаменело. — Или, по-вашему, я просто так тут до сих пор сижу?

Не быть мне мастером теней, не понимаю я их логику. Если Элиза

попытается подстроить Кевину несчастный случай — она связана с серым. Если на Витора, в очередной раз погибшего, нападут в защищенной магически комнате — Кевин виноват.

— Считаете, ваш кузен идиот? Он ставил эту защиту, и, если с ней что-то случится, Роб, Берта и я подумаем на него. Или, думаете, он и нас убьет?

— Возможно. — Витор чуть склонил голову, насмешливо улыбнулся. — Но на его месте я бы подождал, когда я отсюда выйду, и проследил бы за вами.

Превосходно!

— Так он убьет и меня?

— Как повезет.

Алистера забавляла сложившаяся ситуация, он с нетерпением ждал нападения. Понимаю, два года искал убийцу родителей. Но! Моя смерть в мои планы, даже ради столь благородной цели, не входила. Тем более сейчас, когда Берта намекнула, что я смогу спасти сестру сама. Не каким-то там древним ритуалом из папируса, который, честно говоря, может и не сработать.

— Не проще вам навестить Кевина и немного посидеть рядом? — предложила я. — Эли я оттуда вытаску.

— Прекратите паниковать. Я почти уверен, что это не Кевин. И, если быть совсем честным, не ваша сестра. — Витор откинул голову на спинку кресла, устало вздохнул. — Но, если это не так, у нас в два раза больше проблем, чем я думал.

— Не скажете? — Губы сами сложились в ехидную улыбку.

— Нет. Не сейчас. Завтра. Идите к себе и отдохните. Роб скажет слугам, что дал вам успокоительное. Если вам понадобится прогуляться — будьте осторожны. Вендиго не догнать эфирию, но от неожиданного нападения скорость вас не спасет.

Я поняливо кивнула. Резонно. Муж не сможет меня сопровождать, ему надо следить за гостями и изображать наживку для кузена. О том, что Эли может напасть на Кевина, я подумала со скептическим смешком: серый — не лунный зверь.

— Ах, да! — Витор потер пальцем кончик носа. — Ваша беременность... до завтра вы все еще беременны.

Какая любопытная рокировка. То есть мы не только ждем нападения на Кевина или нападения Кевина, но и меня подставляем под удар. Если наш монстр не связан с Кевином, он будет уверен, что Витора удалось убить. И тогда я становлюсь следующей на его пути. Салливан ведь и так в горячке. Или он становится первым? Его же проще убрать.

Я запуталась. Мне приказали отдыхать до завтра? Никуда не лезть. Вот я и отдохну. Вначале попробую разобраться с хитроумным планом Витора. Потом ограблю его личную библиотеку.

Кстати, о библиотеках!

— Это все? — уточнила я.

— Да.

— Вы обещали ответить на мои вопросы.

— Обещал. Задавайте. — Быстрый взгляд на мои часы. — У вас четверть часа.

Я чудом уложилась в отведенное время. Витор отвечал четко и кратко. Многое поняла, однако некоторые пояснения добавили вопросов. Старалась охватить все и сразу, поэтому к концу разговора в голове царил настоящий кавардак.

Почему Витор торопился? Изменил первоначальный план, не дал нам с сестрой пройти по магазинам? Коллеги отправили извещение о его пропаже. Видимо, он со своими поисками убийцы родителей крепко их достал за два года, раз они не стали выжидать положенные три дня. Алистер предполагал что-то подобное, но не думал, что дела обстоят настолько плохо.

О ранении и невозможности взять кровь. Мое предположение, что он боится порезов, повеселило Витора.

Причина была в другом. Яд из эфира отравил кровь Витора. Если бы в чашу жреца попала хоть одна капля, я бы отравилась. Поэтому Алистер использовал кровь из запасов доктора. Элт хранил немного крови мастеров, с которыми работал, в данный момент — моего супруга и его кузена. Случалось, обычное переливание помогало лучше магии.

А невозможность взять кровь из-за повязок и целительских чар была банальной отговоркой. Подсланный убийца с кинжалом, смазанным ядом из эфира, буквально исполосовал руки Алистера. Так что предоставить травмы при необходимости он мог. К слову, на балу я не заметила ничего странного, потому что муженек закрыл бинты, выглядывающие из рукавов, мороком.

Тут меня сильно смутил метод убийства Витора: зачем рисковать, находясь некоторое время перед мастером теней, если можно напасть со спины и ударить один раз? И как убийце удалось так сильно порезать ему руки? Алистер не беспомощный ребенок, он сильный взрослый мужчина.

Оказалось, Витору в ресторации подсыпали дурман, на мастеров он действует в очень больших дозах, всего один раз, потом вырабатывается иммунитет. В момент нападения он был вялым и заторможенным. Чудом

смог отбиться. А официанта, добавившего отраву, тем временем убили. Обставили все как нападение уличных грабителей. Парень оказался крепким и успел нарисовать закорючку на асфальте. Она очень напоминала герб Алистеров. Нападавший ушел. Витор считал, что именно он убрал незадачливого отравителя.

Неудивительно, что Вигор прицепился к Эли. Ведь если его родственник не нанял зверя, а сам является им, случится жуткий скандал. Дух в семействе мастеров теней!

Именно поэтому я могла вздохнуть спокойно: коллег к поискам виноватого во всех безобразиях Алистер не пригласит. Значит, у меня есть время узнать, как я могу спасти сестру. Главное — не попасться в лапы вендиго и не дать ему причинить вред Эли. Хотя, судя по тому, что видела в парке, дух ее трогать не собирался.

Интересно, почему?

Витор что-то недоговаривал, настаивал на виновности Эли и связи с серым. Говорил, что вендиго нет смысла убивать свое будущее тело.

А я все больше утверждалась в мысли: тут что-то другое.

После препирательств касаясь виновности моей сестры мы немного «попрыгали» по эфириям и мастерам теней. Мне было интересно все. Витора поджимало время: куда он так торопится, супруг не захотел пояснять.

Во-первых, легенда о мальчике, убившем мать и ставшем первым мастером, не так далека от правды. Мальчик убил именно свою мать — духа.

Я озвучила Витору прописную истину: у духов нет детей. Исключение — эфирии.

А мне пояснили: детей нет. Если это не вендиго. Иногда тварь выбирала для переселения беременную женщину. Рожденный ребенок был стопроцентным мастером теней. Поняв это, вендиго начали старательней выбирать новые тела и убивать уже рожденных малышей. Но начало новым способностям было положено. Они стали передаваться по наследству. Стараниями носителей способностей вендиго почти не осталось. А те, что есть, невероятно осторожные и хитрые. Даже мастерам их сложно выявить.

Вот так. Устойчивые к магии духов мастера сами являются потомками созданий эфира.

Кстати, о потомках созданий эфира!

Эфирии. Их магия не передается потомкам ни в какой форме. Их дети — обычные люди и нелюди.

Берта врала, когда рассказывала о полукровках. Она не была уверена,

что я эфирия. Хотела посмотреть на мою реакцию. Ведь эфирия никогда не пройдет мимо того, кому требуется помощь. Независимо, есть у нее силы или уже нет. Даже если это чужой человек, которого она видит первый раз в жизни.

Историю жены доктора Витор сократил до невозможности. Берта была зарегистрированной эфирией: единственной, появившейся за последние пятьсот лет. Естественно, ее мужем должен был стать мастер теней. Между просто, сильным и сильным и богатым выбрали ее родители. Ожидаемо — богатого, отца Витора. Берта была послушной дочерью.

Но она влюбилась в доктора, работающего с одним из мастеров. Принципиального, талантливого, которого хотел заполучить себе отец Витора. Он и заполучил. Обменял невесту на талантливого целителя. Посчитав, что помощь эфирии может и не пригодиться. Батюшка Алистера был весьма самоуверен.

Зачем нужны мастерам эфирии?

Все дело — в их способностях.

Эфирия может излечить мастера от смертельной раны, буквально вытащить обратно в наш мир. Как и своего двойника при рождении. Но за второй раз она заплатит эмоциями. Обычно лишённые чувств эфирии долго не живут. Банальная рана может стать смертельной. Женщина не почувствует боли и истечет кровью. Это самая распространенная причина гибели.

Помимо этого, эфирия способна перемещаться в эфир, как вендиго. Именно так она разрывает связь духа и тела. Если успеет до того, как от души человека или нечеловека ничего не останется. За это эфирия платит способностями и закрывает себе доступ в эфир навсегда, становясь человеком.

Именно так поступила Берта. Она спасла незнакомого паренька, неудачно оказавшегося рядом с духом, за которым гнались мастера.

И так я смогу освободить Эли.

Я согласна стать человеком и потерять способности. Это даже не обсуждается. Но было еще одно...

Незаметно покосилась на руки Алистера.

Как он сказал? Эфирия не может пройти мимо? Вот и я не могу. Надо подробней расспросить БERTY. Смертельная рана и смертельный яд — не такая уж большая разница.

Но Витор не позволит. Не согласится. Он рад тому, что эфирий так мало. Он считает, что мастера должны сами бороться с духами, не надеясь на хрупких девушек.

Напоследок спросила про жен мастеров теней. Я совершенно не понимала, что там за якоря и прочее.

Оказалось, за дар мастеров теней перемещаться тенью и уничтожать духов есть плата. Их постепенно поглощает тень. Скорость зависит от того, как часто мастера ранят, сколько сил он тратит на борьбу с духами, успевает ли восстанавливаться.

На мое ехидное замечание, что мастеру, привыкшему держаться за спинами товарищей, не нужен якорь, Витор грустно усмехнулся и печально кивнул.

Якорь вытаскивает мастера из теней. Как правило, это жена. Иногда друг. Или родственник. Самый сильный якорь — женщина, с которой мастера связывают чувства. В идеале — любовь, но не обязательно. Это может быть симпатия, нежность или уважение.

Поэтому мастера стараются жениться как можно раньше, тщательно выбирают себе спутниц, берегут их как зеницу ока, окружают заботой и вниманием. А все считают, что жены — их собственность.

Двойственность натуры мастеров меня откровенно озадачила.

— В наших жилах течет не только кровь, но и частица магии вендиго, — пожал плечами Витор, когда я спросила. — Отсюда и цинизм, жестокость, расчетливость... и наша холодность. Мы с вами, эфириями, антагонисты. Мы потомки духов ледяного зимнего ветра, вы — духи летнего ветра.

— Мы теплые? — улыбнулась я; на душе стало светло и уютно.

Как же приятно видеть искренне улыбающегося Витора.

— Добрые, а иногда у вас слишком много сочувствия к другим... — И, не дав возмутиться: — Опасно много... для вас. Габи, я не соглашусь.

— О чем это вы? — не поняла я.

— Я вижу, что ты уже решила мне помочь. Я не соглашусь. Ты не должна платить за мою жизнь своей. — Мне показалось, что Витор сейчас возьмет меня за руку, но он остался неподвижно сидеть в кресле.

— Весьма резонное замечание, особенно если вспомнить, что я работаю приманкой для духа! — сузив глаза, сердито посмотрела на супруга, сделавшего вид, что ничего не понимает. Ладно. — Я прекрасно понимаю, почему моя беременность должна просуществовать до завтра. И еще.

Встала, проказливо улыбнулась и, подходя к двери:

— А ты уверен, — Витор первый перешел на «ты», — что я согласна жить, зная, что могла помочь, но не сделала этого?

Из спальни я выскочила. Подождала. Меня догонять не стали. Вот и

хорошо! Где у нас Берта? Ах да, я же сплю у себя. А где конвертик, что она дала?

Прежде чем отправиться к себе, снова заглянула к Эли и Кевину. Сестра, хмурясь, промокала лоб бледного мастера. Не знаю, что доктор ему дал, но трясло его, точно в настоящей лихорадке.

— Ты что тут делаешь? — Эли обеспокоенно окинула меня взглядом.

А я оглядела небольшой зверинец вокруг сестры. Ярость, страх, нежность и любовь. Отрицательные эмоции — небольшие. Положительные — вполне приличные. Надобности развоплощать впервые нет.

Веточка жасмина, прикрученная лентой к столбику кровати в изголовье, заставила сокрушенно покачать головой. Пропала сестричка!

Эли считала ветку талисманом.

Когда я принесла ее домой раненую, мы нашли ее в волосах сестры. Потом Элиза рассказала, что вначале пыталась отвлечь вендиго от тетушки, чтобы она смогла убежать, но та была слишком испугана. Затем убегала сама, пыталась спрятаться, надеялась, что я почувствую. Там были целые заросли дикого жасмина. Если бы не они, я бы не успела.

А теперь сестра пожертвовала свой амулет Кевину...

— Иди к себе! Доктор сказал, тебе нужно лежать! — натуральным образом прогнала меня Элиза. Вздыхнув, грустно: — Мне жаль, что Витора не спасли... — И немного обиженно: — Почему ты не сказала, что на самом деле беременна? Иди!

Я растерянно пожала плечами и пошла куда послали. А что делать? Витор все решил. Личная жизнь развивается без меня. В поимке вендиго мне тоже отвели пассивную роль.

Может, стоит согласиться?

Мне показалось это хорошей идеей.

Слишком морально вымотал разговор с Витором, слишком много нового узнала. Слишком много новых целей появилось. А старые никуда не делись!

Уже у себя в спальне я проверила накопители и обнаружила приятный сюрприз: камни были наполнены! Не это ли знак, что все у нас получится?

Сходила в комнату Элизы, спрятала драгоценные камни в шкатулку. И занялась поисками конверта. Мне нужно было поговорить с Бертой. Узнать, как эфирии разрывают связь духа и человека. И как они вытаскивают с того света умирающих.

Конверт нашелся под кроватью — я уронила его на пол и, видимо, случайно толкнула ногой. Открыла, проследила за вихрем. Чуть не протоптала в паркете тропку, пока ждала жену доктора. Поэтому на стук

ответила не задумываясь:

— Войдите!

— Это все ты! Ты! — Дверь распахнулась, двэйна Софи изобличающе показала на меня пальцем, дверь захлопнулась, судя по злому воплю, отбив перст указующий.

А порыв ветра, отомстивший беспардонной женщине за меня, игриво пошевелил волосы и со смехом и шорохом серебристых крыльев вылетел из комнаты. Опять эфирии постарались.

— Самозванка! — произошло второе явление двэйны.

Осторожно приоткрытая дверь, взгляд по сторонам и только после этого шорох юбки по паркету и гордо вскинутая голова. И припухший палец, прикрытый веером.

— Это все ты!

— Я это уже слышала. — Села на кровать — я ведь выпила снотворное, мне положено выглядеть сонной.

— Да ты! Да я! — Двэйна дернула плечом, видимо, собираясь снова совершенно невежливо показать на меня пальцем, но вспомнила, что тот сейчас выглядит не слишком презентабельно. — Да как он?!

— Выражайтесь конкретней. — Я демонстративно зевнула, посмотрела с интересом на подушку.

В конце концов, я хозяйка дома. А меня тут пытаются оскорбить. Если двэйна Софи считает, что у меня не хватит духа выставить ее из поместья, она глубоко заблуждается. Пусть только повод даст. Пока я вижу беспричинную истерику. Двэйна явно перебрала с успокоительными. Наигранно, кстати, у нее выходит.

В магазине отца я на дамочек, переусердствовавших с зельями, насмотрелась. Они не только несли всякую чушь и обвиняли его во всех грехах. Они рыдали, катались по полу.

Нет, если двэйна ради достоверности образа тоже вытрет платьем и идеальной прической пол, прощу, войду в ее положение и никуда не прогоню, так и быть.

— Ты! Девка! — Женщина приложила к уголкам глаз платок — кажется, на нем был перец: очи двэйны покраснели, по дрожащим от гнева щекам потекли слезы.

Сколько усилий — и ради чего? Неужели она считает, что я, как она выразилась, девка, испугаюсь и откажусь от наследства? Скорее, мне просто хотят потрепать нервы. Дабы отвлечься от беглого супруга.

— Девка, — согласилась я, — будь я парнем, вашему семейству было бы несладко. Пришлось бы скрывать наш брак с Витором.

Двэйна от удивления замолчала. Потом до нее дошло, на что я намекнула.

— Самозванка!

— Вам показать документы?

— Шлюха!

А вот этого не стоило говорить.

— Как и вы.

— Что?! — Двэйна забыла о платке, об ушибленном пальце, ее лицо пошло красными пятнами, не спас даже толстый слой грима.

— Вы ведь тоже вышли замуж по сговору? Ведь так? Я правильно помню? Получается, вы продали себя? — невинно хлопая ресницами, уточнила я.

— Не равняй меня!..

— Почему? — резко перебила я. Вспомнила намек Берты на грехи молодости двэйны Софи. — Я вышла замуж, забеременела. Как и вы когда-то. Хотя нет, вы успели покутить перед замужеством.

Салливан посерела лицом и прошептала:

— Откуда ты знаешь?

— Слухами земля полнится. Так что оставьте свой эпитет себе, дорогая тетушка. И будьте добры, покиньте мои покои! Если не хотите покинуть мои земли.

Двэйна онемела, но наслаждалась я тишиной и ее бледным вытянувшимся лицом недолго. Дама вспомнила об образе. Потерла глаза ладонями, всплеснула руками и, прошептав: «Где я?», картинно рухнула на пол. Как раз под ноги Берте, заглянувшей в комнату.

— О! Опять спинус недостатикус? — театрально вздохнула жена доктора, в глазах которой прыгали смешинки.

Берта быстро организовала слуг. Двэйну перенесли в ее покои. Напоили специальным зельем, сделанным доктором от ее экзотического недуга. Его, как оказалось, дамочка придумала еще лет в семнадцать, чтобы не извиняться за скандалы. Пользовалась приступами умело. И не только она. Грэди Салливан говорил любовницам, что не может развестись с больной супругой, коей требуется забота. Родные прекрасно знали, что болячка выдуманная, но тактично молчали. У доктора был свой интерес, психиатрический. Как мне по секрету сказала Берта, ее муж подозревал редкое психическое расстройство У дамы.

Идиллия!

— Гордись! — Берта с улыбкой поставила поднос с завтраком-обедом на столик и лукаво подмигнула. — Двэйна Софи вспоминает о своем

недуге, когда ей ответить нечего! Что ты ей сказала?

— Намекнула на грехи молодости. — Я взяла тарелку с салатом. — А что там случилось на самом деле? Она прямо с лица спала.

Берта помрачнела, закусила щеку с внутренней стороны.

— Нехорошая история вышла. Она тогда совсем молоденькой была, не замужем еще. Бойкая, языкая. Понравилась офицеру. Он уговорил ее сбежать. Нашли через два месяца. Бросил он ее. Наигрался и бросил. Отец ее потом быстро замуж выдал. Не девицей. Муж ей до сих пор припоминает.

Я опустила вилку с наколотым ломтиком помидора. Вот, значит, как. Если бы я только знала...

— Не кори себя! — Берта погладила меня по плечу. — Софи полезно напомнить о том, что она обычный человек, а не великая и непогрешимая двэйна.

— Все равно неприятно, — натянуто улыбнулась я, уныло вздохнула.

— Не бери в голову! — Мы с Бертой как-то незаметно перешли на «ты»; это произошло так естественно, что я даже не заметила. — А ты меня из-за нее позвала? Просто мне нужно весь дом обежать, показать свою убитую горем физиономию. Роб занят. Там Майлз приехал, побитый немного и какой-то смурной.

— Побитый? Управляющий вроде бы пропавшего грэди Салливана искал. Кому он не угодил?

— Ему и не угодил, — хмыкнула Берта. — Майлз не говорит ничего, но конюх, что с ним ездил, утверждает, что у них с грэди состоялся разговор, перешедший в мордобой. Новая дама большого сердца грэди сразу почуяла неладное и заранее из домика выскочила.

Сообразительная.

— Значит, Майлз его привез? — Теперь ясно, почему двэйна решила мне нервы помотать. Своего рода способ спустить пар после очередного скандала с мужем.

— Нет! Грэди Салливан остался у любовницы. И просил передать жене, что собирается пробыть там еще дней пять. — Берта покачала головой. — Софи — зараза еще та, но он такой козел. Лучше бы ее в девках оставили. Глядишь, поумнела бы, поняла, что язвой быть вредно в первую очередь для своего здоровья. Так что у тебя случилось?

— Хотела об эфириях спросить.

— Все-таки хочешь попробовать?

— Да.

— А он что? — Берта кивнула на стену, за которой находились покои

моего супруга.

— Он против, — недовольно пробурчала я.

— Дурак он! — усмехнулась женщина. — Давай я сейчас быстро всех обойду — и к тебе?

Я согласно кинула. Не терпелось узнать об эфириях подробнее, но прекрасно понимала: вендигу никуда не делся, он тут, и его надо выманить. А для этого нужны печальные друзья покойника. И жена, с горя напившаяся снотворного. Дважды вдова, между прочим.

— А у тебя нет пустого флакона из-под снотворного? — задумчиво разглядывая кровать, спросила я.

— Ой! Есть! Забыла! — Берта суетливо закопошилась в карманах. — Меня обморочная двэйна на пороге твоей комнаты из колеи выбила! Я же собиралась тебе отдать. Чтобы натурально было!

Женщина торжественно вручила мне пустой пузырек с надписью «Капли снотворные».

Глава 9

Ждать Берту пришлось долго. Я успела вздремнуть, проснуться и подумать. Вендигу в доме пугал больше всего.

Нет, не так.

Было жутко от того, что им мог оказаться любой. Абсолютно любой обитатель особняка! Дворецкий, добродушный усач; управляющий, милый и обходительный; да хоть и горничная, стеснительная девушка с веснушками. Поняв, что скоро начну подозревать собственную тень (Витор снова куда-то запропал), я попыталась отвлечься.

Справочник по духам эфира, который конфисковала в библиотеке, ничем новым не порадовал. Вылазка в спальню супруга не принесла никаких плодов. Все интересное и полезное для меня было закрыто магически. А общие справочники, которые сложили небрежной стопкой на нижней полке, оказались ничуть не лучше библиотечного.

Очевидно, Витор прибрался в шкафу: в первый визит в вотчину супруга я видела несколько любопытных книг, сейчас их на полках не наблюдалось. Жаль, не додумалась сразу забрать к себе.

Итак, основными источниками информации для меня остались Витор и Берта. Один исчез, вторая, видимо, заблудилась в лабиринте коридоров особняка или увлеклась ролью безутешной знакомой Алистера, в очередной раз потерявшей друга.

Я как раз собиралась «проснуться» и отправиться на поиски Берты, когда меня навестили эфирии. Всколыхнув занавески на окне, они серебряным вихрем пронесли по комнате. На миг замерли, давая осознать, что вижу не размытые силуэты, а хрупких крылатых девушек с огромными глазами на кукольных личиках, черты которых колышутся словно марево. И со смехом вылетели, завязав штору кокетливым бантиком.

Кажется, способности опять меняются. Или это связано с тем, что я начала видеть положительные эмоции? Скорее всего. Мне стал доступен больший... диапазон. И вот результат.

Последние дни выдались настолько насыщенными, что я почти не удивилась.

Разглядывая творчество духов ветра, вспомнила заявление Витора. Он меня выбрал как самую бесперспективную кандидатку? Потому что я не могла быть эфирией? Занятно. Берта — первая эфирия за пятьсот лет. Нет ли тут противоречия?

Значит, я бесперспективная в другом плане. В каком? Надо спросить у муженька. Впрочем, и так понятно. Витор не знал конкретно, какие проблемы у моего отца, однако предположил: к сыщикам мы не обратимся. А моя бесперспективность — характер, скорее всего. Хм! Выбирал бы тогда кого-то похожего на Эли!

Я улыбнулась. Эли... Полгода мы ограждали ее от мира, старались не волновать. Перед балом она первый раз выехала в город из усадьбы. Но стоило влюбиться, как с ней произошло почти чудо. И не с ней одной. Я сутки без тоника — и чувствую себя нормально, за исключением того, что сейчас признать во мне эфирию может любой мастер теней. Но оба живущих тут мастера не станут сдавать меня храму, я им нужна. Если бы не вендиго, я бы посчитала пребывание в поместье Алистера даром предков.

Берта пришла как раз, когда я собралась к дяде. Нужно было узнать, кто наблюдал маму — то, что доктор был связан с мастерами, не давало покоя. А еще необходим тоник отца. Хоть пару флаконов. Это моя страховка. Нет, рисковать памятью беспричинно я не собиралась. Как и нарушать контракт и сбегать. Мне требовалась уверенность в том, что, если Витору придется вызвать подмогу, меня не поставят на учет и не разыграют как приз между мастерами теней.

Жена доктора, услышав, куда я собралась, сердито замахала руками. Во-первых, по легенде я должна проспать минимум до позднего вечера, а не шарахаться по особняку. Во-вторых, мой дядя только что отправился на пешую прогулку по окрестностям. С тетушкой Витора. И Майлзом в качестве экскурсовода. Как ехидно заметила Берта, двэйна удивительно быстро оправилась от приступа неизлечимой болезни. Неизлечимой, потому что нельзя вылечить то, чего в природе не существует. Дядя всегда был джентльменом и не смог отказать женщине в просьбе. А управляющий не вовремя попался даме под руку. Похоже, двэйна Софи питает к нему особую любовь. С чего бы вдруг? Да и зачем ей прогулка? Сына бы лучше навестила!

На вопрос, с чего она вообще решила устроить променад, Берта пожала плечами. После нападения, которое двэйна предпочла забыть, Салливан наконец осознала, что второго шанса в жизни может и не быть, дошла до сына, расстроилась и решила проветриться. И проветрить мужчин.

Ухаживать за больным сыном ей, видите ли, не пристало. Для этого есть квалифицированная обслуга: доктор, его жена и Эли.

— Заметь, тебя Софи не упомянула! — хмыкнула Берта, усаживаясь в кресло.

— Еще каких-то пару недель, и меня признают женой Витора! — улыбнулась я. — А Кевин точно ее сын?

— Точнее некуда! — Супруга доктора открыла саквояж, который приволокла ко мне в спальню, и начала сортировать флаконы с лекарствами и зельями по сроку годности.

Я предложила помочь, мне указали на кровать и заявили, что тут работы всего ничего. И посоветовали внимательно слушать.

Постукивая флаконами и пузырьками, Берта довольно быстро обрисовала оба обряда, которые может провести эфирия: спасение умирающего и разрыв связи с духом через путешествие в эфир.

У первого обнаружилось целых два варианта. Один надежный, но достаточно сложный в исполнении. В нашем случае — особенно, так как Витор не хочет принимать мою помощь. Второй простой, но ненадежный, непопулярный среди эфирий в силу технических причин и с подвохом.

— А как же я с ним... — Я потерла пальцами вспыхнувшие щеки. — В его крови ведь яд?

— Вот именно, только в крови. — Берта задумчиво поскребла ногтем капельку, застывшую на стекле флакона. — Да и помогает он только в половине случаев. Забудь! Будем уговаривать Витора сделать все как положено!

Забуть я не могла. Способ, конечно, своеобразный, но простой. К тому же Витор мне симпатичен, и я его жена. Не думаю, что это будет неприятно. Мне же понравились его поцелуи? Остальное тоже должно.

Все равно нужно вначале вытащить его, а потом спасти Эли.

Если второй обряд пройдет удачно, я стану человеком, а человек Алистеру не поможет.

В конце концов, останется первый сложный вариант со свечами, заклинаниями и прочим.

По избавлению Элизы от духа все было более-менее понятно. Я запретила себе сомневаться: все получится. Берта спасла того парнишку, и я смогу! Правда, спасаемого не нужно было заманивать в контур и уговаривать.

— Знаешь, почему нам сложно разрывать связь духа и его жертвы? — Берта закрыла саквояж, начала перекладывать просроченные лекарства со столика в корзину, чтобы потом их утилизировать. — Мы созданы помогать, а не причинять вред. Это против нашей сути.

Я удивленно уставилась на женщину.

— Нельзя причинять вред другому духу? А ничего, что он убивает мою сестру? Превращает ее в чудовище? Если я его не остановлю, от нее

ничего не останется! Она даже переродиться не сможет. Потому что он разрушит ее душу!

— Ты не так меня поняла... Обычно духи так просто не сдаются. Тут они могут быть кем хотят. В эфире они всегда те, кем их создала природа. Нет, конечно, тебе может повезти и ты сможешь сделать это сразу. Но если этого не произойдет и ты не сможешь разорвать его связь с сестрой, придется его... уничтожить. Понимая, что в этом мире погибнет его тело. То, из которого он собирается переселиться.

— Пустое тело, в котором ничего не осталось от человека или нелюди, душу которого захватил дух. Я это переживу.

Берта недоверчиво покачала головой.

— Это не так просто. В нас нет холодного расчета мастеров теней. Да и бороться придется в эфире. А если дух окажется сильным? Ты ведь можешь погибнуть. Уверена, что хочешь попробовать?

— Да, — твердо ответила я. — У тебя получилось, выйдет и у меня.

Женщина снова слегка качнула головой, грустно улыбнулась.

— Мне попался не самый сильный дух. Впрочем, с другим я бы и не справилась. Я была совсем молоденькой эфирией, слабой. Чудо, что я смогла спасти того мальчишку и осталась жива.

Я открыла рот, собираясь возразить. Не в силе дело, а в том, что стоит за тобой. Кошку, защищающую котят, обходят стороной даже волкодавы!

— Мы слишком многим платим за возможность получить материальное тело без жертв, — задумчиво продолжила Берта, не замечая моего возмущенного вида. — Наша память о жизни в эфире — это разрозненные отрывки о полетах. Наши способности не так уж велики. Мы можем вернуться в эфир только их ценой. А за спасение жизни умирающего отдаем чувства. Неудивительно, что нас в этот мир приходит все меньше. И в большинстве своем мы совсем юные ветерки.

Мне показалось, что Берта сожалеет о своем поступке. Сомневается, правильно ли поступила, спасая парнишку. Очевидно, я слишком увлеклась игрой в сыщика — вот, уже милая женщина выглядит подозрительной! А она всего лишь грустит, что в нашем мире так мало эфирий.

— Ты отдыхай, — закруглила беседу Берта, поднимаясь и подхватывая саквояж с корзинкой. Кивком показала на конверт, оставленный на столике. — Если что понадобится — зови.

Оставшись одна, я нервно прошлась по комнате, мысленно перебирая компоненты, необходимые для ритуала исцеления Витора. Свечей в комнатах хватало, надо лишь переставить их по схеме. Вместо мелка подойдет мыло из ванной. Придется пожертвовать браслетом Элизы —

понадобится пыль из бирюзы. Самое сложное — согласие Витора. Как его заставить?

И времени мало.

Попробовать план Б?

Красивое белье у меня есть.

Осталось найти супруга и соблазнить.

Я тихо хихикнула. Вот вам и романтика! Юная невинная дева размышляет, как совратить собственного дважды покойного мужа, чтобы тот не помер окончательно!

Неприятное, растущее давление в груди и Витор появились одновременно. Не успел муж спросить, в чем дело, как я заткнула юбку платья за пояс и взгромоздилась на подоконник. Несчастный, оказавшийся у опасной грани, был далеко. Я боялась не успеть.

Витор понял без слов. Часть пути мы прошли тенью. Вынырнули у лаймовой рощи — на большее сил Алистера не хватило. Мне пришлось ускорять ставшего невидимым, но оставившим осязаемость мужа, придерживая его рукой за талию. Что бы там ни случилось, помощь мастера теней не помешает. Слишком тревожно шумел ветер!

Источником страха и боли была белокурая молодая женщина, на которую я натолкнулась неподалеку от уединенного домика. Ее сил хватило только на десяток шагов — потом мышцы сковал страх, боль утраты лишила чувства самосохранения.

В зарослях промелькнула знакомая серая шерсть.

На секунду я замерла, глядя на растерзанное тело у крыльца, рука которого сжимала короткий клинок. Дядя Витора умер как мужчина, с оружием в руках, защищая свою женщину. Ему помочь я не могла. Почувствовала легкое движение — Алистер подошел к дяде.

А я развернулась к испуганной женщине. Только начала вспоминать смех Эли, когда мы ели сахарную вату на ярмарке, как меня окутало серо-черное облако. Оно словно прошло через меня и серебристым ветерком вернулось к любовнице Салливана-старшего. Женщина задрожала всем телом, распласталась по траве и зарыдала.

Свалилась в траву и я. Причина того, что Орина не хотела жить и собралась сама пойти к вендиго в когти, была ужасна. Она видела, как дух убил ее любимого. Она на самом деле любила этого прохвоста. А еще перед нападением женщина заметила черный камзол и траурную рубашку в зарослях неподалеку. Орине показалось, что она узнала ставшего монстром гостя, хотя самого превращения не видела.

Не может быть!

Я отрицательно покачала головой. Он не может им оказаться!

Но пришлось признать: Орина узнала в блуждающем по кустам грэди гостя поместья. А потом, когда Салливан приказал ей бежать в деревню и звать на помощь, увидела в зарослях сложенную одежду того же мужчины. Вендиго отнесся к своей собственности бережливо, не стал рвать при обороте. Особо аккуратно сложил перчатки.

Эли тоже была вынуждена их носить, чтобы скрыть когти.

В одном Витор оказался прав: дух связан с Элизой. Но это еще не все — кажется, именно он устроил нападения на Алистеров. Для чего? Только если...

— С тобой все в порядке? — Меня рывком поставили на ноги.

Витор, оставаясь невидимым, отряхнул с моих чулок травинки, одернул подол платья.

— Дядя послал в поместье сигнал о нападении, скоро здесь будетлюдно. Нам надо уходить. Габи? — Я уткнулась лицом в невидимую рубашку супруга. Хотелось, как в детстве, накрыться одеялом и сделать вид, что весь мир — это моя крохотная уютная норка. Но я не могу так сделать! Эли в опасности! Мы все в опасности, потому что зверь рядом.

Я рывком отодвинулась от Витора, подняла голову, примерно прикинула, где должно быть лицо покойного супруга.

— Это мой дядя! Он убил его! Орина его узнала. Там, в зарослях, была его одежда.

— Ты уверена?

— Да. Если я чувствую причину эмоций, то всегда четко и именно так, как ее осознавал хозяин эмоций. Она заметила его в окно, когда он бродил по зарослям. Потом, когда вендиго напал и грэди Салливан приказал ей бежать в деревню, увидела спрятанную одежду. — Я шумно выдохнула. — Зачем он так? Ведь он убил тетю, да? А теперь? Чем ему помешал твой дядя?

Глупые вопросы, но я растерялась. Одно дело — предполагать, что дух — кто-то из близких. Другое — узнать. И понять, что он последние полгода, возможно больше, жил рядом.

— Все хорошо. — Витор прижал к себе, погладил по плечам. Я крепко зажмурилась, стараясь не думать, что увидит несчастная женщина, если неожиданно поднимет голову. Я обнимаю воздух!

— Быстро беги обратно, — приказал Алистер.

Нервно усмехнулась. Все правильно: просьбы на меня сейчас не подействуют. Только приказ.

— Бегом отсюда!

Меня развернули и придали ускорения несильным тычком в спину. Я побежала. Но очень скоро поняла, что быстро перемещаться в длинной юбке попросту не умею.

— Зачем Витор ее одернул? Нормально же было! Подумаешь, ноги в чулках видно! — бурчала я, выбираясь из кустов неподалеку от лаймовой рощи.

Только выпуталась из веток, как пришлось лезть обратно — по роще шествовала двэйна Софи. Чуть поодаль — Майлз. Вряд ли тетка Витора оценит хозяйку поместья, выбирающуюся из зарослей на четвереньках, куда я улетела, запутавшись в длинном подоле.

— Где же он?! — пискляво, с истеричными нотками вопрошала двэйна, обмахиваясь веером и обеспокоенно поглядывая в сторону поселка, откуда я только что прибежала.

— Не знаю, двэйна Салливан! — уныло отозвался управляющий, на лице которого красовались разноцветные пятна синяков и кровоподтеков.

Доктор постарался, и выглядели они, будто прошла уже неделя, а не несколько часов. Беседа с мужем двэйны явно удалась!

— Так пойдите и найдите его! Скажите, я ошиблась, и веер со мной! — высокомерно фыркнула женщина.

— Вы же сами только что запретили вас покидать? — с вежливым поклоном напомнил Майлз.

— Запретила! Но почему его так долго нет?! — капризно заявила двэйна. — Обойти дом этой шлюшки — дело пяти минут! Что он там возится?

— Не знаю, двэйна, — учтиво предложив руку даме, ответил управляющий. В его глазах было плохо скрываемое желание послать двэйну на все четыре стороны и пойти куда-нибудь напиться.

С чего бы это? Неужели дамочка до печенок достала? Или разговор с ее мужем вывел всегда невозмутимого управляющего из себя?

Дождавшись, когда двэйна Софи и Майлз отойдут подальше, я быстро выбралась из кустов, отряхнулась, подняла юбку повыше и понеслась вперед. Уже в спальне, переводя дух, вспомнила слова тетушки Витора: дядя пошел искать ее веер! Ревнивая женщина, решившая посмотреть на дом любовницы мужа, его якобы потеряла. Наверняка сунула в сумочку и не заметила, потом нашла.

А что до одежды в зарослях — это может быть и не его вовсе!

Или я ищу оправдания?

Сев на пол, я прислонилась затылком к подоконнику; там меня и нашла влетевшая в спальню, запыхавшаяся Эли.

— Габи! Он уходит! — упав на колени передо мной и стиснув дрожащими пальцами ладони, выдохнула она. — Я знаю, что отец Кевина убит! Я видела! И он уходит! Габи, его нет в поместье, он уже далеко!

В блестящих от возбуждения глазах сестры, сияющих белым огнем, отразились надежда, страх и облегчение.

— Ты видела, как дух убил грэди Салливана? — ужаснулась я.

— Нет. Я видела его уже мертвым. Потом — одежду нашего дяди... Дух забрал ее и сбежал. Это ведь он, да? Дядя? — Эли потерла переносицу пальцами. — Он не причинит вреда маме, не бойся, он сейчас идет в другую сторону. Сбегает. Он не уверен, что ты не позовешь мастеров. И он знает, что ты можешь меня спасти.

Эли заморгала, словно прогоняя марево перед глазами. В ее ставших голубыми глазах был немой вопрос.

— Нет. Я не позову мастеров. Я хочу спасти... — запнулась, не зная, могу ли сказать сестре о том, что Витор жив, но отравлен.

Слова Эли подтверждали то, что я узнала от любовницы убитого грэди. Однако не понимала, зачем дядя открыл охоту на Алистеров. Будь он человеком, я бы заподозрила чувства к тетке Витора. Но! Это был не наш дядя, а вендиго! Осторожный циничный жестокий дух. Для него все должно нести выгоду; какая выгода в убийстве наследников?

— Мы обязательно сообщим о дяде мастерам, когда попробуем меня спасти! Мы предупредим маму! А зачем ему Алистеры? Хотел жениться на тетке Витора? — Эли подумала о том же.

— Не знаю, возможно. — Это был бы неплохой вариант для вендиго.

Вряд ли мастера будут искать духа у себя под носом.

Смерть тети вписывалась в эту теорию. А Эли оказалась случайно связанной с духом — я помешала ее убить. Почему он не сделал этого потом? Побоялся привлечь внимание. От несчастного случая сестру оберегали мы с отцом. А второе нападение вендиго на фактически одну семью могло вызвать много опасных вопросов. По этой же причине меня до сих пор не убили.

Теперь дух сбежал. Знает, что я разорву его связь с сестрой и Витор с Кевином из кожи вон вылезут, но поймают его. В то, что придется убивать духа в эфире, не верила. Берта обо мне беспокоится, вот и пугает.

Если бы не мои способности, у вендиго все бы получилось. Тетушке не пришлось бы ничего делать, она осталась бы единственной наследницей. А дядя быстро снял бы траур и женился. Вряд ли бы двэйна Софи долго горевала по гулящему супругу, мало того что не способному простить ошибки других, так еще и постоянно напоминающему о них. Чего

стоит записка жене о его желании отдохнуть у любовницы. Тетушка Витора, конечно, вредная и противная, но такого обращения не заслуживает.

— У тебя получится? — Эли смотрела с надеждой.

— Не сомневайся! Обязательно получится! — Я обняла сестру, вдохнула аромат жасмина.

— Габи?

— У?

— Только давай немного подождем...

— Почему?

Я отстранилась, заглянула в сосредоточенное личико сестры.

— Кевин сильно болен. Доктор поехал в город за лекарством. Сказал, его отравили.

Прикрыв глаза, я тихо и длинно выругалась. Дядя оказался умнее, чем мы думали! Уверена, отравила сына двэйна Салливан. Подлила в его лекарство, пока ругалась с Эли, какую-нибудь гадость, которую ей дал дух под видом редких капель от всех недугов. В природе таких не существует. Однако это не мешает обогащаться шарлатанам.

— Ты же не знаешь, как мы будем себя потом чувствовать? — Элиза покраснела. — Я не могу его оставить. Не знаю почему, но не могу. Даже сейчас, когда у него Берта, мне не по себе.

Сердце ноет — так говорила мама. Несмотря на все свои недостатки, она любила отца. И пару раз даже успевала вытащить его из лаборатории до того, как та взлетала на воздух. Эли — ее дочь.

— Хорошо! Завтра сделаем! Иди к нему! — улыбнулась окончательно смешавшейся сестре.

До завтра я либо уговорю Витора принять помощь, либо... Прикрыла ладонями лицо, чтобы выходящая из спальни Элиза не заметила яркого румянца на моих щеках.

Первым делом я решила предупредить маму. Написала, что дядя замешан в деле папы. Что он источник наших проблем. В общих фразах, без деталей — несведущему человеку могло показаться, что речь идет о самых обычных долгах (мало ли к кому случайно может попасть письмо). Попросила выслать несколько пузырьков тоника и спросила, кто наблюдал ее во время беременности. Последнее тоже зашифровала. Надеюсь, мама поймет, что я имела в виду.

Зачем такая конспирация?

Было в истории дяди что-то странное,стораживающее, не дающее радостно закричать: «Ура! Мы вычислили злодея!» Возможно, я слишком

мнительная. Или не все знаю, поэтому и беспокоюсь. Скорее всего, Витор развеет сомнения. В любом случае, через день у меня будет тоник.

К тому времени муж вполне может воскреснуть. Смысл ждать установленный в контракте срок? Виновник найден. Причины скоро будут выяснены.

Получив от мамы ответ, что дядю к усадьбе не подпустит, потому что помнит сестру (мамуля у меня сообразительная, быстро сложила два и два!). Тоник придет. Ждет нас домой. Охрана на доме новая. Отец все еще в коме и убить ее за лишние траты не сможет. Доктора говорят, что его долгий сон — это нормально: дней через десять-двенадцать, может раньше, придет в себя.

Общий настрой письма был боевой. Все же я привыкла к более мягкой маме. Маме, помешанной на этикете. Маме, чувствующей себя защищенной. Маме, забывшей, что она магиня. И отнюдь не слабая. Маме, переставшей помнить, что когда-то она пошла против воли отца, чтобы быть с любимым зельеваром. Лишилась имени, наследства — всего!

Наша?..

Я улыбнулась.

Да, наша мама!

Мама не отнесла меня в храм немедленно, не вызвала мастеров теней, почувствовала, что во мне нет зла, рискнула. И потом терпела непоседливую, непослушную эфирию, подбивающую ее родную кровь на шалости, старалась воспитать из нее приличную элтину. Полюбила как собственного ребенка.

Так вот... кажется, наша мама очнулась.

Мне же пора готовиться к лечению мужа. Приведу себя в порядок — после падения в заросли я прямо дух дерева, а не девушка. Заодно успокоюсь. А Витор ничего не заподозрит: главное «оружие» будет под траурным закрытым платьем. Так что лучше пусть сразу соглашается на ритуал со свечами и символами, нарисованными мылом и просыпанными бирюзовой крошкой! Хоронить его на самом деле я не нанималась!

На водные процедуры, поиски подходящего белья в гардеробе и наведение марафета я потратила почти два часа. Наверное, оно и к лучшему, что долго. Я нервничала. Сильно. Мне, безусловно, нравился Витор. Но мой опыт ограничивался поцелуями. И вообще, мне всегда казалось, что это меня будут соблазнять, а не я!

Одно дело — флиртовать с Витором на балу, делать недвусмысленные намеки, надеясь, что обойдется. Другое — знать, что под наглухо закрытым черным платьем отнюдь не монашеское белье. И надето оно не для

поднятия собственной самооценки.

Впрочем, Витор же может согласиться и на первый способ? Двенадцатилучевую звезду на полу спальни я нарисовала и прикрыла ковром (надеюсь, мыльные художества не сотрутся!), толченую бирюзу спрятала среди флаконов на туалетном столике, свечи расставила по периметру комнаты, как на схеме. Осталось получить согласие супруга, присыпать бирюзой линии и встать вместе с Алистером в центр звезды.

Только вот вместо мужа пришел управляющий. Я, изображая сонную и вялую двэйну, которую только что разбудили, сидела на диване в гостиной и следила за Майлзом. Управляющий извинялся за беспокойство, сожалел, что пришлось лишить меня сна. Мрачно поглядывал на дверь, ведущую в коридор. То и дело рвано выдыхал, словно никак не мог решиться.

— Что-то случилось? — подсказала я.

— Да, двэйна... — управляющий снова рассыпался в извинениях, а потом скорбно сообщил: — Грэди Салливан погиб... медведь... видимо, сбежал из цирка.

Цирк имени семейства Алистеров. А его «директор» опять куда-то запропал! Что задумал Витор? Или это всего лишь забота о репутации семьи? Скорее всего.

Я испуганно выдохнула, провела ладонью по лицу. Майлз засуетился, предложил воды. Не отказалась. Сейчас я была хозяйкой дома, а не эфирией, знающей, что случилось на самом деле.

Управляющий принес не только воду, но и успокоительное. После отравления Кевина пить зелья, не запертые в шкатулке, я опасалась. Пришлось неловко разлить воду и смахнуть флакон на пол. Совершенно случайно.

Майлз позвал горничных. Мы переместились в малую гостиную. Уходить управляющий не спешил. Он нервно сжимал и разжимал кулаки, кусал губы. И наконец решил:

— Мне нужно рассказать вам, двэйна, одну важную вещь... Она касается вашего мужа и меня...

Управляющий поморщился, дотронулся до цветущего синяка на скуле.

— Как вам, наверное, уже сообщили, я незаконнорожденный. Кем был мой отец, мать так и не сказала.

Не вижу связи между отцом Майлза и моим дважды покойным, куда-то в очередной раз запропавшимся мужем.

Я согласно кинула.

И управляющий продолжил, нервничая все больше:

— Мне всегда было интересно, кем он был. Но мать не говорила. А

двэйн Алистер-старший вообще посоветовал смотреть в будущее и не ворошить прошлое.

Любопытно. Представляю, какие выводы сделал мальчишка, что решил доказать хозяину дома, что достоин его помощи. И доказал!

— И вы решили, что он ваш отец? — озвучила я очевидный вывод.

— Да. И сделал все, чтобы доказать ему, что я достоин его внимания. — Майлз взлохматил пальцами волосы. Определенно, при желании сходство с отцом Витора, да и самим Витором можно найти. Как и со мной, и с десятком других черноволосых мужчин и женщин. Если очень захотеть. — Но он так и не сказал мне, что я его сын.

Управляющий взволнованно стиснул пальцами подлокотники кресла.

— Я не собирался претендовать на его имя... мне...

— Вам нужен был отец? — Я понимала мужчину, сочувствовала ему.

— Да. Моя мать умерла от лихорадки, когда мне было семнадцать. Я все ждал. А потом привык. Смерть двэйна стала для меня ударом. — Управляющий потер ладонью лоб. — А недавно в мои руки попали письма. Двэйн Салливан хотел рассказать мне, кто мой отец... он хотел, понимаете, а Витор его отговорил. Сказал, что мне так будет спокойнее.

— Идиот! Отец хотел рассказать ему о его отце, а не о себе! — прошептали мне в ухо — чудом не заорала.

Веер я забыла; пришлось молча слушать управляющего, сердито сопя на невесть откуда возникшего невидимого Витора, опершегося о спинку дивана. И незаметно косясь на серую псину, усевшуюся рядом.

— К письмам прилагалась записка. Аноним весьма язвительно высмеял мое стремление угодить отцу и расписал, как Витор потешался над моими потугами, — усмешка Майлза была виноватой и растерянной.

— Что-то подобное я подозревал, — задумчиво произнес Витор.

— Мне захотелось напугать Витора, поставить на место... Я нанял какого-то типа, приказал разыграть нападение. Его поймали. Тогда я попытался сам. Это было как затмение. Я пил в каком-то кабаке... очнулся с кинжалом в руках рядом с Витором. Я сильно изрезал ему руки. Не знаю, как я ушел. И куда делось оружие. Я не хотел его убивать. И, слава предкам, ранил легко.

— Гм! — глубокомысленно хмыкнул Витор.

А я вспомнила его слова о ловушке и убийце с кинжалом, отравленным ядом из эфира. Кто-то мастерски манипулировал Майлзом. Кто-то, знакомый с семьей Алистеров изнутри. Вплоть до малоприятных тайн прошлого.

Мой дядя? Да быть такого не может! Тетка Витора слишком помешана

на чести семьи, чтобы сообщать ему такие тонкости. Если только это не она заключила сделку с вендиго и подставила дядю.

— Когда я пришел в себя, писем и анонимки не было. Но я запомнил почерк... — Майлз вытащил из кармана скомканный лист, расправил и протянул мне. Дядин почерк я узнала и запуталась. Кто кого подставил? И зачем? — Я подумал, вам нужно знать, что ваш родственник, видимо, по указке двэйны Салливан сеет раздор в семье Алистеров. И еще... чтобы между нами не было недопонимания... — Управляющий понуро опустил голову. — Я узнал, кто мой отец. Это погибший грэди Салливан. Когда я нашел его у любовницы, он был пьян. Он мне все сказал. И мы... повздорили...

— Поэтому я и отговорил отца рассказывать ему, — печально вздохнул Витор. — Майлз — хороший малый, но слишком честный и прямолинейный. Если бы не наш поклонник вендиго, вряд ли бы у него вышло бы меня ранить.

Мне тоже было жаль управляющего. Одно дело, отец — циничный мастер теней, другое — гуляющий кобель. Интересно, а двэйна Софи знает, кто такой Майлз?

— Двэйна Софи в курсе, — как от зубной боли скривился Майлз, — именно поэтому она все время ко мне цеплялась.

— У тетки с мужем в этом плане полное взаимопонимание! — нехорошо усмехнулся Витор.

Подробнее нельзя?

Жаль, сейчас спросить не могу.

Майлз тем временем еще раз извинился за беспокойство. Он действительно сожалел, что повелся на провокацию и пытался причинить вред Витору. Управляющий был готов принять любое мое решение. В том числе и увольнение с самыми отвратительными рекомендациями.

Но кто не ошибается?

Я отпустила Майлза, взяв с него слово, что впредь он будет осмотрительней.

Едва зашла в спальню, как поспешно уточнила у невидимого Витора, ладонь которого прочно обосновалась на моем локте:

— Почему ты сказал, что двэйна Салливан и ее муж стоят друг друга?

Не совсем так, но смысл тот же.

— Потому что они стоят друг друга. — Край ковра приподнялся — супруг оценил мои художества. — Нет. Я не стану использовать твою силу.

— Почему?! — возмутилась я. — Ты ведь не нашел вендиго! Как ты это сделаешь, если умрешь?

— Я не успею умереть. — Моей шеи коснулись невидимые пальцы, холодок дыхания скользнул по лбу.

Мне бы податься вперед, зажмуриться и поцеловать его. Но я застыла истуканом.

— Что случилось?

— Ничего. У меня к тебе небольшая просьба. Никому не говори, что я вернулся. Вообще никому.

Я растерянно заморгала.

— Совсем?

— Да.

И меня поцеловали. Вначале мягко, словно спрашивая разрешения, уговаривая. Потом — напористо, страстно. Страхи исчезли. Я подчинялась, училась... затягивала в ураган прикосновений и вздохов. И растворялась в нем сама. Поэтому момент, когда меня отодвинули на расстояние вытянутой руки, оставив растерянной и удивленной, оказался очень болезненным.

— Габи... — Витор, прозрачный, но вполне видимый, с грустью смотрел на меня. — Почему ты такая?

— Какая? — с вызовом глядя ему в лицо, спросила я.

Алистер неопределенно пожал плечами, улыбнулся и резко сменил тему.

— Ты ведь не знаешь, почему мастера теней берут эфирий под опеку?

— Мы портативный реаниматор! — невесело усмехнулась я. — А ты мне не даешь выполнить свои прямые обязанности, между прочим! Ни так, ни этак! Как мне тебя спасти, а? У меня так комплекс неполноценности скоро разовьется! Приспособление для реанимации не может реанимировать больного, потому что он сопротивляется! Тебе не стыдно?

Витор тихо рассмеялся, обнял меня и, поцеловав в макушку, прошептал:

— Если бы я мог... — И с выдохом, деловым тоном, почти силой усаживая на кровать и растворяясь в тени: — Возможность вытаскивать с того света раненых мы открыли потом. Изначально мы защищали вас от магов.

Голос, звучащий из ниоткуда, напрягал.

— Габи, сильная эфирия, убитая в нашем мире, выплескивает энергию такой силы, что ни одна защита не устоит. А если девушка еще и влюблена и защищает того, кто ей дорог, то собранной энергии хватит на небольшую магическую войну.

До этих слов я порывалась встать и попытаться соблазнить

невидимого мужа, после же — чуть не свалилась с кровати.

Одно попадание из двух! Я действительно его защищаю.

Поморщилась, незаметно покосилась на то место, где, по моим предположениям, должен стоять Витор.

Или... два из двух — я в него влю... Ну или почти. По крайней мере, он мне очень симпатичен.

— К чему ты это сказал? — В голове было столько предположений одно чуднее другого, что я решила не тратить время и прямо спросить у супруга.

— Проверил одну теорию.

— Какую?

— О твоей осведомленности.

Я ничего не поняла. Пожала плечами и предупредила:

— Если сейчас же не расскажешь, что тут происходит, каким боком ко всему этому моя семья и эфирии, я начну строить предположения. Их у меня много, поверь! И половина — откровенно бредовых, хоть сейчас бульварный роман пиши! Выбирай: или скажешь сам, или выслушаешь двести теорий заговора с точки зрения вчерашней институтки, полгода просидевшей в поместье и совершенно не разбирающейся в политике!

Моя словесная тирада развеселила Витора. Смех раздался рядом и заставил подпрыгнуть на месте. Я сердито огляделась: псина высунула голову из-под кровати. Могла бы и раньше появиться!

— В который раз сожалею, что не встретил тебя раньше, — отсмеявшись, голосом улыбнулся Алистер.

Вышло это у него тепло, душевно — губы сами сложились в улыбку, я пообещала любой ценой вытрясти из упрямого почти покойника согласие на ритуал. Лучше жить без чувств, чем с мертвым сердцем. Пора прекращать юлить и признаться: моя симпатия намного глубже, чем думала. И симпатия ли? Два из двух — однако!

— Не хочешь объяснять? Нет? Ладно... — Я прислонилась плечом к руке невидимого мужа и начала: — Вариант первый, грандиозный: кто-то хочет свергнуть короля, и ему нужна сила эфирии! Чтобы трах-бах — и нет монарха!

Витор поперхнулся воздухом и закашлялся.

Я его предупреждала? Предупреждала. Пусть теперь слушает.

— Нет? Хорошо. Вариант второй, авантюрный: кто-то хочет ограбить короля и собирается взломать защиту сокровищницы, чтобы стать обладателем редкого драгоценного камня, обладающего невероятной силой! Или украсть магический фолиант с запрещенными заклинаниями!

— А проще вариантов нет? — хмыкнул Витор, пальцы которого будто случайно переплелись с моими. — Без участия коронованных особ и невероятных сил?

— Проще? Да легко! Мой отец и мама грезят о славе... зельеваров, открывших... что-нибудь такое... эксклюзивное! Они решили вырастить меня, влюбить и убить. И даже привлекли к делу вендиго. За часть магии, я так думаю. — Бред полный! — А твое семейство просто стало неудачным объектом для моего влюбления. Хотя нет! Не случайным! Вендиго хочет замуж за Кевина! А что? Безопасно и зелье есть. И моих родителей это устроит. Им же наплевать на нас с Эли, главное — слава!

— Какой очаровательный бред. — Витор заметил наши переплетенные пальцы и убрал руку.

Поздно! Я уже все поняла! И теперь точно не отцеплюсь с обрядом! К тому же теперь меня альтернативный способ почти не смущает.

— А откуда у вашего отца взялось зелье? То, которым они замаскировали тебя и замедлили превращение Элизы?

— От деда! Но это, конечно, не так! — Алистер развлекался, а я злилась, что ничего не понимаю. Не получалось картинки из всех этих убийств, духов, яда, покушений, подстав и нас с сестрой. — Мой папа, то есть мужчина, меня воспитавший, выкрал рецепт зелья у... у мастеров теней! Доработал и применил к нам с Эли! Хотел быть уверенным, что нас не рассекретят и я никуда не денусь! А! Чтобы не потерять ни капли моей силы, он солгал мне и вручил накопители якобы для сбора твоей силы, необходимой для ритуала! Какого ритуала? Естественно, древнего, на основе магии мастеров, способного избавить Эли от вендиго. Конечно же, это тоже ложь! — закончила с горечью, потому что поняла: кое-что не такой уж и бред.

Дед-жестянщик-контрабандист, увлекающийся зельями, мне всегда казался подозрительным. Особенно настораживал удачно найденный папирус с нужным нам обрядом. Раньше я, как и мои родители и Эли, посчитала бы это удачей; сейчас в подобное совпадение верилось с трудом.

Откуда взялись зелья и обряд? Где папа нашел бумаги? Нет, не хочу даже предполагать, что виноваты в этом кошмаре родители. Такого просто не может быть. Я их знаю, они хорошие, добрые. Но кто тогда плохой? Кто так вовремя подбросил отцу бумаги? Зачем?

— Витор... — Я нащупала пальцы мужа и вцепилась в них мертвой хваткой. — Вашу силу можно собрать в накопители?

Силу мастеров считают обычной магией. Но ведь они произошли от вендиго. Что, если мы ошиблись?

— Нет, — подтвердил худшие опасения Витор.

Я сглотнула вставший поперек горла комок.

— А мою?

— Достаточно сложно. Но, когда эфирия вступает в полную силу, накопители могут уловить и ее магию.

Я подорвалась с места и не глядя понеслась в комнату сестры. Кажется, во второй раз умудрилась пройти тенью; двери точно не открывала. Разве эфирии так умеют?

— Умеют. А как бы они вытаскивали мастеров с того света? Мы ведь боремся с духами в тени, — подтвердил мои мысли Витор, прошедший следом.

Шкатулка была открыта; накопителей не было! Я потянулась за пузырьком с зельем, отвинтила крышку, принялась. Что это за гадость?

— Оперативно сработано, — оценил подмену и кражу невидимый супруг. Пока я в панике соображала, что это все значит, он сделал какие-то выводы: — Пойдем, придется воспользоваться твоей мыльной звездой.

Шкатулка сама закрылась, меня подхватили под локоть и тенью увели обратно в спальню. Сидя на кровати, наблюдала, как ковер аккуратно приподнимается и отъезжает в сторону, а потом линии звезды прорисовывает кусок мела, и тонкой струйкой на них сыплется бирюза. Я пыталась осознать случившееся.

Шкатулку вскрыли. Без моей крови. Забрали накопители с моей силой. Подменили зелье Эли на безвредное желудочное средство.

Увидев это, Витор передумал сопротивляться и согласился на помощь.

Значит, дело совсем плохо.

— Иди сюда! — позвал Витор из центра звезды.

Послушно подошла, переплела пальцы с пальцами мужа. Осталось позвать блуждающую по жилам Витора отраву. И распрощаться с чувствами навсегда.

Так, может, напоследок поцеловать мужа еще раз?

Я привстала на цыпочки. Витор понял, склонился и медленно поцеловал.

— Я безумно хочу не делать этого, — прошептал он, отрываясь от моих губ, — но Кевин один не справится. Прости.

— Я знаю, — просто ответила я, почувствовав за словами мужа столько теплого летнего ветра, что хватило бы отогреть целую северную страну.

Торопливо, пока Алистер не передумал, зажмурилась. Представила болезнь Витора как уродливое чудовище, сидящее внутри. Потащила его

наружу. Сквозь плотно закрытые веки увидела вспыхнувшие свечи и сияние бирюзы. Чудище не желало вылезать из мужа. Оно цеплялось за него щупальцами, старалось запустить когти поглубже в его грудь. Пришлось буквально затягивать его в себя. Это было страшно. В отличие от воплощенных эмоций смертельная болезнь обернулась нездоровым сизым туманом лишь в последний момент.

Открыв глаза, чуть не села на пол. Ноги подкашивались. Руки дрожали, перед глазами плыло. Но я совершенно не чувствовала усталости или боли. Не боялась, не смущалась близости подхватившего меня на руки Витора.

Я выпила воду, которую он мне подал. Потому что так надо. Мое тело наверняка устало, ему нужен отдых. Откинувшись на подушки, следила за Алистером. Невидимый муж старался устроить меня максимально удобно. Это было лишним. Я ничего не чувствовала. Для меня не существовало понятия удобства. Лишь бы не нарушить кровотока какой-нибудь неестественной позой. Не повредить связки, мышцы или кости.

Однако в нынешнем состоянии были и плюсы. Больше не пугал вендиго. Не было злости, страха. Ничего.

— Как ты себя чувствуешь? — озабоченно спросил Витор, усаживаясь рядом и беря меня за руку. Странно: прикосновений я тоже не ощущала.

— Бесчувственной. Тело словно деревянное... нет, будто я вся занемела: и внутри, и снаружи.

Муж рвано вздохнул и пообещал:

— Я обязательно найду способ помочь. Ты мне веришь?

— Да.

Без эмоций и чувств оказалось намного проще жить. Да, я фактически бревно, но мысли в голове на редкость упорядоченные. Я не все понимаю, однако кое-что выстроилось в стройную логическую цепочку.

— Твоего дядю убили, чтобы ты ушел из поместья? Погналса за моим дядей?

Витор согласно кивнул.

— Его подставили. Он все еще жив. Им ведь нужен живой подозреваемый, чтобы увести тебя по следу?

— Да, — последовал мрачный ответ.

— Его убьют потом, инсценируют брошенное вендиго старое тело. Сделать из человека мумию не так сложно, да?

— Да.

Я знала, что надлежит беспокоиться за дядю, поэтому спросила:

— Ты здесь. Кто идет за обманкой? Кто не даст убить моего дядю?

— Я. Уже не дал. Твой дядя и его похитители спят в снятом ими номере на постоялом дворе.

— Ты великодушен.

— Отнюдь. Там обычные наемники. Убирать их нет смысла, к тому же на них магические маячки. Если они погаснут, наш гость быстро свернет всю кампанию и исчезнет.

Понимаю.

— Вендиго — маг?

— Да. Способности к магии, доставшиеся от тела, сохраняются.

— У Эли магия почти исчезла.

— Это ваше зелье.

Значит, оно не только охраняет душу Элизы, но и лишает ее магии. И устраивает игры с моей памятью. Занятные побочные эффекты.

— Зелье Эли уничтожено; вендиго хочет переселиться в новое тело? — продолжила размышлять я. — Почему именно в нее? При чем тут твоя семья?

Магу проще было бы провернуть всю эту операцию без Алистеров. Нападение разбойников на дороге, и Эли — уже не Эли. А я и тетя — трупы. Ведь я бы защищала сестру до последнего, а еще я ее люблю... любила. Все условия получения силы выполнены. Или есть разница между любовью к сестре и к мужчине?

— Количество силы, выброшенной умирающей эфирией, зависит от вида любви?

— Да.

— Зачем ему моя сила? Если он не собирается устраивать покушение на короля, грабить защищенное хранилище, для чего ему сила, способная взломать любую защиту?

— Это я и хочу понять. Моя семья и вы с сестрой для меня загадка.

Лица мужа я не видела, по интонации поняла:

— Ты лжешь. Зачем?

— Не хочу опрометчивых поступков с твоей стороны.

Смешно. Наверное. Или это должно разозлить меня? Расстроить?

— Витор, у меня нет чувств. Никаких. О каких опрометчивых поступках ты говоришь?

Витор тихо выругался, закрылся тенью, превратившись в едва заметный темный силуэт. Этаким черным призраком, которого можно увидеть, только присмотревшись.

— Ты ведь не знаешь, что вендиго сделает? — предположила я.

Тишина.

Не то.

— Ты знаешь, но опасаясь, что Эли через меня как-то поймет и сообщит вендигу? Ведь она осталась без зелья, и ей сейчас тяжело.

— Да. Просто доверься мне. Что бы ни случилось, я рядом, я подскажу, что делать.

— Хорошо. Это правильно.

Мы с Эли иногда даже думаем одинаково. Улавливаем настроение друг друга. Если вспомнить про ее связь с вендигу, все может быть. Сестра не сдастся, будет бороться до последнего, но дух вполне в состоянии понять по ее мыслям, что со мной происходит. Сейчас Эли не прибежала только потому, что, в отличие от моего кривоватого контура, звезда, подправленная Витором, вышла идеальной. Она закрыла меня от сестры, когда я боялась, когда боролась с болезнью Витора. А в данный момент у Эли нет повода для беспокойства — я просто ненормально спокойна.

— Что мне делать?

— Ждать ночи. Уверен, за тобой придут. Тебе придется сыграть испуг и страх.

— Хочешь скрыть от них, что излечился?

— Да.

— Хорошо. Где все случится? — в душе вспыхнула и погасла искорка. Что это? Любопытство. Крохотные остатки эмоций. Наверное, они не сразу исчезнут.

— В одном из флигелей.

— Почему там? — Еще одна тусклая искорка. — Ночью в господских покоях намного удобней. Много места. Слуги далеко. Единственная помеха — твоя тетушка, но ей можно подсыпать снотворное.

По движению воздуха поняла, что Витор пожал плечами или отрицательно покачал головой.

— Не хотят рисковать репутацией господ? — догадалась я. — А слуги могут всяких глупостей натворить.

Видимо, с тетушкой я не угадала. Она не жертва, а зачинщик. А нападение вендигу в парке было подстроено, чтобы выманить «пропавшего» племянника. Не такая уж она глупая. Теперь понятно стремление уничтожить Кевина и Витора. Вендигу решил... решила получить наследство.

Зачем ей я и Эли?

Отвлекающий маневр? Или не только он?

Больше сотни ударов кинжалом, а Кевин жив. Эли в него влюблена, и ни у кого не вызовет удивления факт их помолвки и женитьбы. А я стану

источником силы. Для чего ей нужна моя сила?

— Витор, мои силы можно использовать не только для разрушения, но и для защиты и маскировки тоже?

— Да.

Вот и сложилась картинка.

От дяди тетка-вендиго узнала о близняшках. Наверняка родственничек проговорился о сложной беременности сестры. Проверить догадку для вендиго не составило труда. Как и сделать из деда контрабандиста с увлечением зельями, которые она давно разработала и успешно применила на себе. Отец всегда путался, когда рассказывал, когда именно нашел свитки. Дурман, не иначе.

А потом она ждала. Когда мои способности стали просыпаться. Устроила нападение, подстегнула их развитие.

Дальше был папирус с ритуалом. И афера с мастером теней. И теперь у нее есть вошедшая в полную силу эфирия, влюбленная и защищающая сестру.

Не вписался только изменившийся внешний вид духа. Я по-прежнему была уверена, что видела совершенно другого зверя. Или это маскировка, чтобы я настаивала на своем и мешала Витору? Наверняка так и есть.

Однако тетка не учла одного: я спасла Витора, и сейчас во мне слишком мало чувств, чтобы бояться встречи с ее истинным воплощением в эфире.

Глава 10

В отсутствии эмоций имелся один несомненный плюс: я совершенно не волновалась. Ни страха, ни желания, чтобы все поскорее закончилось. Я спокойно ждала.

Долгий летний вечер сменили светлые сумерки, которые уступили место звездной ночи.

Стресса не было, зрение осталось человеческим, пришлось зажечь свечи. Случился маленький казус: я обожглась и не почувствовала. Не сразу поняла, зачем Витор, осторожно перехватив мою руку, дует на пальцы, а потом создает простенькое охлаждающее заклинание.

Надо быть аккуратней.

— А почему Кевин тебя не видит и не слышит? Он ведь тоже мастер теней. Ваши способности похожи. Или мастера могут укрываться друг от друга? — Наблюдая, как вокруг ладони обвязывается носовой платок, спросила я. В душе снова слабо вспыхнула искорка любопытства.

— Это не наша магия, — неохотно ответил Витор. — А моя разработка.

Я вспомнила механические ворота с встроенной защитой. Оказывается, увлечение мужа весьма полезное. И опасное.

— А твоя разработка может скрыть любого?

— Да, — больше Витор не стал ничего объяснять.

Все поняла сама. Скорее всего, одной из причин появления вендиго в семье Алистеров стало увлечение юного двэйна механикой. Точнее, создание гибридов. Магия плюс механика.

Надо же, а дух умеет ждать.

Сколько лет меня выращивали и оберегали? Пять? Десять? Восемнадцать? Помогали скрывать суть, чтобы не потерять будущий источник силы. Поправка: возможный источник. Далеко не у всех эфирий в нашем мире появляются специфические способности. Я вполне могла оказаться пустышкой.

За Витором тоже наблюдали. Видимо, идея сделать нечто, способное скрыть человека ото всех, захватила его давно. Тоже риск и долгие годы ожидания.

Впрочем, возможно, я не права. И вендиго появился в их семье задолго до рождения Витора. У духов нет детей. У Софи есть Кевин. Значит, на момент его рождения она была человеком. Или дух специально оставил

ребенка в живых, чтобы женщину не заподозрили? А захватил он ее, когда она сбежала с офицером. Теперь понятно, почему ее так быстро выдали замуж.

Кевин не сын Салливана. И злость мужа становится более обоснованной. Ему вручили жену с «сюрпризом», который он признал своим.

Тогда, получается, Кевин не может стать наследником Витора? Дух просчитался?

Нет. Он сын двэйны Софи, сестры отца Витора, следующий мастер теней в семействе Алистеров.

Поэтому вендиго убила мужа. Он был свидетелем, неудобным и опасным. А до этого терпела его — потому что ей было выгодно играть роль недалекой женщины, смилившейся с ветреностью супруга и делающей вид, что готова заплатить за его молчание любую цену.

Поэтому Витор и сказал: Софи и ее муж стоят друг друга. Он знал, что Кевин не сын Салливана.

И какой вывод?

Зверь, много лет живущий в семействе мастеров теней, умный, возможно, древний, способный идти на оправданный риск.

За размышлениями время пролетело незаметно. Часы показывали полночь, когда Витор тихо сказал:

— Не забывай показывать эмоции. Я рядом.

— Хорошо. — Я растянулась на неразобранной кровати, положила рядом роман, под обложкой которого был бесполезный справочник по созданиям эфира, и закрыла глаза.

В дверь тихо постучали.

— Да! — сонно отозвалась я.

— Хорошо, что ты еще не легла, — грустно вздохнула Берта. — Мне нужна твоя помощь. Эли надо отдохнуть, а она не хочет отходить от Кевина ни на шаг.

Не вовремя она озаботилась здоровьем моей сестры. Женщина явно решила сменить Элизу на посту у кровати больного. Мне бы не хотелось, чтобы Берта пострадала. Придется придумать, как убрать жену доктора от постели Кевина.

— Да, конечно, — уверенно кивнула я, суетливо расправляя складки на платье и направляясь следом за виновато улыбающейся женщиной.

Из спальни Кевина доносился голос доктора: элт пытался убедить Элизу пойти отдохнуть, заверял, что опасность миновала и больной может побыть до утра без нее. А самой Эли нужно поспать в нормальных

условиях, а не скрючившись в кресле.

Кажется, придется не только Берту убирать из спальни Кевина, но и доктора.

— Вот! — Берта распахнула дверь и, пропуская меня вперед, показала на доктора и Эли, застывших друг напротив друга в шаге от порога. По всей видимости, Роб хотел вывести Элизу силой, но та уперлась. Справиться с девушкой, связанной с вендиго и получившей от него нечеловеческую силу, доктор не мог.

Сестра стояла ко мне спиной. Гордо вскинутая голова, упрямо сжатые кулаки. Перчатки на пальцах треснули под напором растущих когтей. А взгляд Эли наверняка сейчас «радовал» доктора белым сиянием.

Я шагнула в комнату, собиралась окликнуть сестру, но тут мне на глаза попался размытый алый силуэт. Видимо, огромная кошка-ярость полностью окутала Элизу.

Я привычно попыталась вспомнить что-нибудь хорошее, хотела помочь Эли — не вышло. Мало того, ярость начала исчезать, но не потому, что Эли ее поборол, — я видела хвостатую все хуже. Теперь поняла, что было не так. С момента, когда забрала болезнь Витора, я не видела ни одной эмоции. Ни положительной, ни отрицательной.

Тревожный, холодный ветер, налетевший неизвестно откуда — окна в спальне Кевина были закрыты и плотно зашторены, — оставил на коже неприятный липкий холодок. Я инстинктивно отпрянула, где-то на периферии зрения уловила быстрое движение за спиной. Обернулась.

— Кевин, займись вторым! Габи, эфир! — Витор, держа за когтистую руку Берту, вокруг которой в воздухе кружились снежинки, нырнул в тень вместе с изменившейся женщиной, сквозь черты которой проступал зверь.

Лунная шерсть, две пары рогов, расчетливый нечеловеческий взгляд. Я была права: серый зверь, сейчас нападающий на выздоровевшего Кевина, и напавшая на карету тети тварь — разные духи. Два вендиго — слишком много для одного поместья.

Если бы мама не забыла сказать мне, кто наблюдал ее во время беременности, неприятного, сюрприза можно было бы избежать. Мама забыла, а я не вспомнила, слишком занятая мыслями о спасении мужа.

Я отвлеклась — этого хватило, чтобы Эли накинулась на меня с когтями. Если бы не скорость эфирии, рыдающая сестра расплосовала бы мне грудь.

— Габи! Эфир! Она переходит в ее тело!! — Кевин старался затащить серого зверя, в которого превратился доктор, в тень. Но тот был слишком силен. Древний, умный, он изматывал мастера, видимо, так до конца и не

оправившегося от ран.

Чему поспособствовал сам дух. Вот зачем было нужно нападение на Кевина — ослабить новое тело. Мастеров теней нельзя захватить? Нельзя. Если у тебя нет силы умирающей эфирии, способной взломать все, любую защиту, в том числе и врожденную.

— Габи! — недовольно прикрикнул на меня Кевин.

Я вздрогнула, перехватила руку сестры, на лице которой не осталось и тени эмоций. Шагнуть в тень и потом — в эфир. Кевина не убьют, он им нужен. А вот у нас с сестрой не так много времени — Витор не сможет долго удерживать лунную тварь.

Дернула Эли на себя, когти сестры проехали по моему плечу. Где-то глубоко в душе шевельнулось понимание, что рана не опасна. И догадка: вендиго не могла промахнуться, это Эли. Она борется, сдерживает духа. В груди болезненно сжалось сердце: бедная моя сестричка.

В тени я задержалась ненадолго: пара секунд, только убедиться, что Витор не убил вендиго, не спровоцировал переход духа в новое тело. Все в порядке, супруг не дает лунному монстру уйти тенью.

В эфире нет места живым? Да. Туда могут попасть лишь духи и души, а еще эфирии и те, кого они спасают.

Шаг через тонкую грань.

Мир неузнаваемо изменился. Та же спальня Кевина — и не та. Над свечами пляшут крохотные духи пламени. На стене проступает недовольное старческое лицо хранителя особняка, разбуженного нами. Сквозь шторы просвечивает серебро. Эфирии не могут проникнуть в дом, ищут щелку, крохотную трещину в раме, чтобы присоединиться ко мне.

А моя рука, ставшая тоньше и изящней, сжимает прозрачное запястье сестры.

Пока еще сестры.

Вокруг Эли быстро проступает звериная сущность вендиго. Тонкими нитями лунного серебра она проникает в душу Эли, подчиняет, поглощает. Инеем проступает на стенах, морозным облачком срывается с ее побелевших губ, снежинками оседает на черных волосах, резко контрастирующих с бледным лицом.

Я тянусь к нитям — пальцы проходят сквозь них, не причиняя вреда.

Две пары глаз, сияющих серебром, смотрят на меня. Губы сестры и оскалившаяся в насмешке пасть духа смеются — одним голосом, одними словами:

— Забыла сказать: способность эфирии бороться с духами в эфире зависит не от ее силы! А от эмоций! Ты ведь так хотела спасти Витора? —

издевалась вендиго, все больше опутывая сестру нитями лунного цвета. — Не вини его! Мастера теней не знают о такой тонкости! Откуда им знать? Они ведь не эфирии.

Клыкастая морда удобно устроилась на худеньком плече Элизы.

— Мы бы тоже не узнали об этом... если бы одной дуре-эфирии не приспичило спасти малолетку, в которого я вселилась, уходя от погони. — Коготь ласково обвел контур лица Эли.

Я вздрогнула: сестра, как котенок, прикрыла глаза и потерлась щекой о лапу.

— Она была слабой и глупой, как ты. Но оказалась полезной. Роб чуть не убил меня, когда понял, что потерял источник. Впрочем, он успел напоить меня зельем до прихода мастеров. А потом мы договорились...

Вендиго наслаждалась моей беспомощностью. И это... раздражало? Злило? Я не могла подобрать слова к странному чувству, что росло внутри.

Я сама загнала себя в угол.

Сама лишилась чувств и эмоций.

Сама сделала себя беспомощной.

Но я не могу сдаться!

Эли — моя сестра! Хоть я и не дочь ее матери!

Я не отдам Эли!

Я не сдамся и не отступлю.

Иначе пострадаем не только мы с Эли. Погибнет Витор, а Кевин станет монстром. Моих родителей тоже убьют, как опасных свидетелей.

От нас ничего не останется.

Не позволю!

Я резко подняла голову, вокруг за клубился алый туман. Ярость? Не только! Вспыхнули красные искры — целый рой рдяных бабочек ринулся на духа, ранив и разрывая нити, несущие смерть Эли. Любовь бывает беспощадной.

Эфирии не могут убивать?

Да.

Я обняла сестру, оттолкнула взывшего духа. Да, любовь иногда ранит. Особенно если вместе с ней идут ярость, боль и страх за близких.

Ненависть? Нет, ее не было.

Как и желания уничтожить духа.

Я хотела защитить Эли, Витора, Кевина, родителей. Мне было больно, потому что я видела, как внутри духа бьются частички души Берты. Их почти не осталось, но именно они заставляли вендиго поступать по-человечески. Например, не дали убить меня сразу, как я вошла в комнату,

замедлили руку вендиго, помогли Эли, заставили болтать, когда надо было убивать.

Я не могла оставить все так, как есть, должна была попытаться помочь. Но вначале — Эли.

Я вытолкала сестру обратно в мир теней. Мимолетный взгляд на Витора, на осевшую на темную полосу земли, разделяющую два мира, Элизу. Свободную, живую.

И я снова в эфире.

— Какая самоотверженность! Хочешь умереть, ветерок? — хрипло рассмеялся дух. — Или желаешь стать новым сосудом?

— Желаю.

Я первая шагнула к вендиго. Встретила потянувшиеся ко мне серебристые нити. Вспомнила, как забирала отрицательные эмоции. Как потом усиливала положительные. Если я могу забрать, почему бы не отдать то, что я чувствую.

Да, чувствую!

Жалость, нежность и сожаление, что слишком поздно встретила монстра, что не смогу помочь настоящей Берте. Ведь все так просто. Вендиго усиливает отрицательные эмоции, разрушает положительные. Я видела это каждый день целых шесть месяцев. Я боролась с этим. И я поделилась всем тем светлым, что сейчас билось в груди. Тем, что не способен чувствовать дух зимы, тем, что противоречит его сути.

Радуга эмоций хлынула по нитям. Вендиго попыталась отстраниться, оборвать связь. Нет, эфирии не убивают, они освобождают. Разделяют духа и души тех, кого он поглотил...

Но что это?

В ледяной сущности духа зимы и холода я почувствовала грусть и тепло — частички души Берты. Потянулась к ней. Мне показалось, что за вихрем воплощенных эмоций я увидела эфирий. Серебристые девушки дружно кивали мне, пытаясь что-то сказать, объяснить жестами.

И я поняла! Это было невероятно!

Но на удивление и испуг от того, что предстоит сделать, не было времени. Я всего лишь шаловливый летний ветерок, мне не удержать вендиго, обернувшегося серебристым зимним бураном и пытающегося вырваться из силков чувств.

Придется поторопиться!

По частичке, по крупице я вынимала из больно кусающей за пальцы метели то, что осталось от души Берты, соединяла, сплетала с теплом и грустью, связавшими меня и ее. Ведь пока есть хоть один целый кусочек

души человека, остальное можно вернуть. Увы, сам дух такого не выдержит, даже такой древний и могучий, каким была моя вендиго.

Жаль, спасти можно только тех, от которых еще что-то осталось.

Я бы хотела дать возможность возродиться не только душе Берты, но и другим жертвам духа.

Лунное серебро вспыхнуло последний раз и растворилось в вихре из алых бабочек, нежно-голубых птиц и белоснежных перьев. Закрутив меня вихрем, эмоции исчезли. Оставили один на один с грустно улыбающейся призрачной Бертой. Печально вздохнув, женщина стала облаком и растворилась в легкой дымке других облаков, окрашенных алыми лучами восходящего солнца.

Оглядевшись, я с удивлением заметила, что вишу над крышей особняка. Видимо, нас с вендиго вынесло из дома. Буквально!

Я смотрела на недовольно ворочающегося духа особняка. Старику не нравилось то, что происходило внутри. Ни в эфире, ни в тенях. Суетились лохматые домовые. Их было несколько, по одному на каждое крыло дома. Выглядывали из окон странные шестиглазые кошки и огненные ящерицы. Все, кто так или иначе мог соприкоснуться с реальным миром, волновались за материальных обитателей.

Об этом не написано в книгах, но духи прекрасно видят наш мир. Они живут и тут, и там. В нем и одновременно вне него. И вне полосы теней, где сейчас в размытом черном мареве происходило страшное. Витор бился с доктором, точнее, с духом вендиго, много лет скрывавшимся под его личиной.

Но что могут сделать духи?

Да ничего, по сути. Вспыхнет огонь в камине, или качнется люстра, или эфирии всколыхнут занавески.

Ошарашенная открытием, я так и не поняла, в какой момент оказалась в кольце духов ветра. Закружив меня в хороводе, они звали с собой, радовались моему возвращению, заверяли, что там, в мире живых, все разрешится и без меня. Ведь тут так хорошо, нет болезней, нет старости. Есть лишь полет, свобода!

Эфирии погибают? Нет. Победив духа, они возвращаются к сестрам.

Я отрицательно помотала головой.

Эфирии грустно вздохнули, переглянулись и затолкали меня в тень. Где я долго не задержалась — меня пулей выкинуло в реальный мир. Со всего размаху приложило спиной о паркет. Ушиблась прилично, но я была благодарна духам ветра за помощь. Иначе тень не пропустила бы! Я лишилась способностей, увы. А обычному человеку нет места в тенях.

— Габи! Габи! — Голос Эли звенел от слез. — Габи?!

Я с трудом открыла глаза. Голова гудела, раненое плечо горело. Но это были такие мелочи. Элиза, заплаканная, бледная, кусающая дрожащие губы, смотрела на меня испуганно и растерянно. Эли... Эли? Получилось!

— Габи! Он исчезает! Он победил его! Но он исчезает! — дрожащая рука сестры показала куда-то в пустоту.

— Кто? Кого? — осипшим голосом прохрипела я.

Я валялась на полу спальни, рядом на коленях сидела Элиза. За ее спиной, раскинув руки, лежал Кевин. Он был без сознания. Вендиго удалось его оглушить.

— Витор?! — Я рывком села. — Где он?!

— Там! В тени! Я не могу его вытащить! — Эли снова неопределенно махнула рукой. — Он почти растворился!

— Ты можешь ходить тенью? — Я судорожно соображала, искала решение и не находила.

Я — якорь Витора. Но никто не объяснил мне, как его вытаскивать, если он застрял там, а я тут!

— Могу, — кивнула Эли. — Такое бывает у тех, кого спасают эфирии. Это было в воспоминаниях духа. — Сестра смутилась. — Когда он почти меня победил, я вспомнила, как видела его глазами папу, и попыталась сделать это сама. У меня вышло, но не так.

Я покивала: не важно, потом разберусь. Сейчас надо спасти покойного мужа, пока он не стал действительно покойным. На глаза попался Кевин.

Добравшись до него ползком (ноги не держали), трясущимися руками попыталась растолкать.

— Может, чарами? — предложила Эли, воспользовавшаяся тем же способом передвижения.

— Магия вернулась? — Глупый вопрос: способности сестры блокировало зелье, а не дух. — Давай!

Элиза кивнула, чуть не свалилась на пол. И присветила в грудь Кевина небольшой молнией. Мастер сипло выдохнул, выругался, открыл глаза. Взгляд был мутным, но вполне осознанным.

— Сможешь вытащить Витора из тени? — прохрипела я, взмахом руки привлекая внимание мужчины.

— Нет! — прошептал Кевин. — Ты его якорь — тащи.

— Как?

— Представь, что хочешь его видеть, и тащи... — Кевин прикрыл глаза. — Эли, в стене тайник, принеси мне тоник... за картиной...

Хочу видеть? Я — его? Да! Я очень хочу его видеть! Просто

придушить готова, как хочу видеть! Самоуверенный лживый одиночка! Не доверяющий никому! Помешанный на чести семьи аристократ! Косорукий изобретатель, чтоб тебя!

Два! Два вендиго в поместье! А он не вызвал подмогу!

Авантюрист! Аферист!

Где же ты?!

В какой-то момент к злости и страху примешались нежность и тоска. Я безумно боялась, что не смогу достучаться до Витора. Не успею. И случилось то же, что произошло в ночь нападения на карету. Мир вокруг неумовимо изменился.

И, вопреки всем законам и предупреждениям, я не просто увидела раненого, почти растворившегося в тени мужа, но и смогла подойти к нему и буквально вытащить в реальный мир.

Тень сопротивлялась нахальному вторжению, старалась не пустить, но потом сдалась, словно обнаружила, что ошиблась. И даже, как мне показалось, помогла вернуть мужа.

Полупрозрачный, он все еще растворялся в тени, хоть и лежал на вполне материальном полу.

— Возвращайся! Немедленно! В нашем договоре нет твоих похорон! — прошептала я, принося к просвечивающим губам.

Старалась вложить в поцелуй всю нежность, всю любовь, на которые была способна. Даже если придется пойти вслед за душой Витора в эфир, я это сделаю. Ведь всегда есть исключение, которое скрывается под безликими «в большинстве своем», «как правило».

Мы с Эли как раз оказались одним из них.

Близнецы. Не рожденные одной матерью, но дважды связанные магией эфирий. Мы боролись каждая по-своему. Каждая во имя жизни другой. И мы победили. И смогли сохранить силы друг друга.

Да, вот так.

Иначе я бы не смогла увидеть Витора, не смогла бы вернуться в тень.

Сказки не лгали. Когда-то не только мастера теней могли ходить теньями. И не одним лишь духам и душам был доступен эфир без страшной платы. Маг и его близнец-эфирия могли сделать это. Но случалось подобное крайне редко. Слишком сложным был путь к таким силам, слишком тернистым. Даже эфирии уже не помнили, что это возможно. Что говорить о людях. Тем более о вендиго, которым крайне редко попадались тела земных воплощений эфирий и их память.

Губы мужа потеплели, Витор приоткрыл глаза и тихо застонал.

— Только попробуй умереть! Венком придушу! На дверях склепа

повешу! У нас контракт еще на девять дней! На эти девять дней ты мой! Моя тень, мой сопровождающий, моя заноза! — сердито пробурчала я, отстранилась и бегло осмотрела его раны.

— Ты весьма оригинально радуешься моему возвращению! — слабо улыбнулся супруг.

— Безумно! Я все жду, когда смогу посидеть у камина и поиграть в безутешную вдову! — Заметила ехидный блеск в глазах мужа: — Поиграть! И не думай помереть на самом деле! Я тебя из эфира достану и обратно в тело запихну!

— Удивила. Некроманты часто подобное практикуют. И зачем тебе поднятое умертвие?

— Буду в любви признаваться! — Я бы и сейчас призналась, но почему-то смутилась. Вспомнила не к месту, что мама пеняла, какая я неправильная элтина.

Витор поперхнулся смешком.

— Может, все же меня вперед пропустишь? Как старшего?

— Я подумаю.

— С нетерпением жду твоего решения.

Эли тем временем открыла тайник, сунув Кевину нужный пузырек, подползла к нам, и мы в четыре руки начали перевязку. В запасах Салливана нашлось все необходимое.

К счастью, наших знаний хватило, чтобы оказать первую помощь Витору.

А потом события понеслись со скоростью испуганного пегаса. Кевин вызвал доктора. Из тех, кто помогал мастерам теней. Вполне логично, пришлось Витору воскресать раньше времени. После в особняке стало не протолкнуться от коллег Алистера.

Мы с Эли дергались, боялись, но старательно изображали счастливую вдову, предчувствия которой оправдались, и ее сестру, скромную компаньонку. Предусмотрительный Витор успел пошарить в моей шкатулке и конфисковал немного зелья и тоника. Себе на исследование. Вот они и пригодились.

Естественно, о двух убитых вендиго, проникших в самое сердце семьи Алистеров, Витор коллегам не сообщил. Доктор с женой неожиданно уехали к родственникам. Моего дядю похитили ради выкупа. А мужа двэйны Софи, похороненного тихо и при почти неприлично малом количестве родственников, задрал сбежавший из заезжего цирка медведь.

История с вендиго закончилась.

И мы наконец-то разобрались, что случилось.

Как я и предполагала, все началось отнюдь не полгода назад, а много раньше. Перспективный юный доктор, работающий с мастерами теней, тестировал на себе одно из своих зелий. Элт был достаточно молод и полон авантюризма. Он считал, что врачи должны сами уметь делать лекарства, а не только покупать уже готовые у аптекарей и зельеваров.

Именно это и привлекло вендиго. Древнего, сильного, не один десяток лет успешно скрывающегося от мастеров теней. Вооруженного памятью сотен погубленных жизней.

Разработки элта Элазара показались ему перспективными. А когда доктор изобрел зелье, маскирующее истинную сущность, вместо безопасного средства для магов, чью магию сложно контролировать, он сам себе подписал смертельный приговор.

Влюбленная в Элазара эфирия стала приятным бонусом.

Пока не решила спасти парнишку на улице и не проиграла. Фальшивому доктору новая хозяйка тела Берты не пришлась по вкусу. От нее не было никакой пользы: эфирия выгорела, лишилась способностей. Но у второго духа была ее память, из которой она могла почерпнуть много интересного.

Зелье защитило самозванку, и доктор заключил с нею договор.

Живя жизнью доктора и его вначале невесты, а потом и супруги, они целенаправленно искали эфирий. И альтернативные способы скрывать свою суть. Зелье уменьшало способности, делая их слабее.

И они нашли.

Вначале сын мастера, с которым работал Элазар, проявил интерес к механике. Потом его знакомый пожаловался на сложную беременность сестры. Элазар был очень хорошим доктором. Ему ничего не стоило подстроить все так, что мама с отцом посчитали: им очень повезло, что он согласился понаблюдать ее беременность.

Это был риск?

Ничуть.

Вендиго собирались привлечь эфирий самым действенным методом — Эли начали травить еще до рождения.

Расчет оказался верным: появившийся на свет младенец умирал. Его спасла эфирия, обретя при этом подобное младенцу тело. Мать и отец младенца, ставшие свидетелями чуда, отказались нести меня в храм немедленно, нашли безопасную перспективу. Очень кстати пришлась «ошибка» доктора, прочившего появление двух младенцев. На тот момент рецепты деда-жестянщика-контрабандиста уже булькали в лаборатории отца. Папа лукавил, когда говорил, что изобрел зелье для Эли после

нападения вендиго, — он всего лишь усилил то, что уже было. Мама об этом не знала, считала зелье его заслугой.

Семнадцать лет ожидания. И духи приступили к реализации плана. Убийство родителей Витора было первым шагом к долгой спокойной жизни под личиной мастера теней и его юной супруги.

Нападение на тетю, одержимость Эли, афера со вдовством. Все это должно было сделать меня сильнее.

Не учли они только одного: мы близнецы. Я — эфирия, Эли — маг. Попытка спасти сестру из лап вендиго второй раз изменила наши способности.

Вот оно, одно из «но», которые я так не любила раньше. Исключение спасло наши жизни.

И сделало их сложнее.

Витор и Кевин настаивали, что нам с Эли нужно пройти проверку. Мужчины заверяли: в службе контроля не все так печально, как считают обыватели. Далеко не всем блокируют способности. Если нас признают неопасными для окружающих, то поставят на учет, и мы сможем жить спокойно, без зелий и оглядки. А что до происхождения нашей магии... мастера ведь тоже не маги в привычном понимании. Тем не менее их когда-то посчитали безопасными и даже полезными.

Мы с Эли не торопились идти в службу контроля. Ждали приезда отца и мамы. А также деда и бабушки — уж не знаю, что там мама им наговорила, но старшее поколение резко сняло опалу и решило присоединиться к среднему и навестить младшее.

— Как думаешь, что Кевин собирается сказать? — Элиза придвинулась ближе, обняла меня рукой за плечи, беззаботно поболтала ногой.

Мои сапоги сидели на ней как влитые. Впрочем, как и платье-костюм, в котором я ездила на бал. Выглядели мы сейчас с сестрой как два сорванца, оседлавшие ветку ивы, чтобы незаметно понаблюдать за стайкой юных оборотней, играющих в салочки на той стороне реки. Парочка волчат, две лисички, пятерка рысят и три девчушки, не сменившие облик, забавно кувыркалились на песке.

Следить за ними было одно удовольствие, особенно в компании сестры. По скорости Эли со мной не могла соперничать. Но вполне успешно перемещалась тенью.

Кроме этого, у нее остались нечеловеческая сила, слух, зрение и небольшие когти, которые появлялись, когда сестра злилась.

Я тоже изменилась. Эмоции видела прекрасно. Любые. Бегала со

скоростью ветра. Могла войти в тень. Эфир тоже был мне доступен. Но без веской причины я не рискнула отправляться в страну духов. Остались и минусы: по-прежнему не могла долго находиться в закрытом магически пространстве.

Но главное! Ко мне вернулись чувства и эмоции!

И сейчас я откровенно недоумевала. Прошло почти семь дней. Витор общался со мной исключительно по делу. Кевин — и тот уделил больше внимания. Извинился за свое мерзкое поведение. А Эли даже пригласил на свидание. Хотя какое свидание, если того, кого он считал отцом, только похоронили?

Но ведь пригласил!

Понимаю, у Витора забот полон рот...

Но контракт-то заканчивается!

Два дня всего осталось. Если соглашусь поехать на проверку — почти день туда, обратно можно не возвращаться.

А вдруг он просто забыл?

Я скривилась: Витор — и забыл? Ну да! Скорее, ему попросту не нужна больше вдова. И жена тоже.

Но я ведь его якорь!

А кто сказал, что нельзя найти другой?

— Габи! — обиделась Элиза. — Ты меня не слушаешь!

— Слушаю! Ты боишься идти на свидание с Кевином.

— Я не боюсь!

Ага. Я искоса посмотрела на поджавшую губы сестру. Еще как боится! Любит его до одури. Вон какая бабочка над ней парит! Настоящий парусник.

— Немного... — потупилась Эли, краснея.

— Не-а, — усмехнулась я, целуя сестру в щеку, — обманщица!

— Так нечестно! Ты видишь мои эмоции, а я твои — нет! — надулась Эли.

— Я была бы не против, — задумчиво глядя на кувыркающуюся на берегу реки ребятню и зверье, отозвалась я.

— Ничего не видишь? — Элиза положила подбородок на мое плечо.

— Ничего.

С момента, когда вытащила Витора из теней, супруг стал для меня девственно чистым листом. Словно пропавшая после смерти вендиго серая псина забрала с собой все его эмоции. Или что-то случилось с моим зрением.

Узнать правду было попросту не у кого.

Мастера раньше с подобным не сталкивались.

А эфирии, которых я видела вполне четко, лукаво улыбались и смеялись.

Мы с Эли решили, что это временное явление. Перенапряглась, вытаскивая Алистера, и вот результат. Нужно отдохнуть, и все вернется. А не вернется — что тут поделаешь. Я ведь могла вообще выгореть и остаться полностью без чувств.

Когда вспоминала свои холодные размышления, становилось не по себе.

Признаваться, что Витор на самом деле ничего не чувствует, было страшно. Я старательно выискивала знаки, что ошибаюсь: муж не просто так меня целовал, не потому что был обречен. А его шутка о признании в любви?

В общем, я искала. И не находила.

Витор занимался делами, касающимися собственного воскрешения, поместья, тетушки. Мы с ним фактически виделись на завтраке и ужине. Иногда вечером. Например, вчера он в очередной раз пытался уговорить нас с Эли поехать в службу контроля. Убеждал, что стандартная проверка признает нас неопасными, частично оборотнем и эфирией. Он ведь все проверил! В лаборатории.

Из его слов и поведения я сделала неутешительный для себя вывод. Я не получу развод по окончании контракта. Слишком уж Витор настаивает на моей легализации. Я нужна ему рядом.

Эли тут же размечталась бы о неземной любви. Я бы тоже хотела. Но Витор ничего не чувствовал. Ничего не делал, чтобы сблизиться. Я могла бы сама попробовать, однако мне было страшно. Я боялась ошибиться. Узнать, что мои чувства безответны.

Вот такие противоречивые выводы умудрялась сделать. То я ему не нужна, то нужна.

Оставалось лишь ждать. Два дня, и все станет на свои места. Эли ничего не грозит, Витор ничего не сможет ей сделать. Даже если захочет, Кевин не позволит. Он влюблен, да, именно так.

А вот я силком себя на проверку не дам уволочь. Надо будет — сбегу. Тем более, где у отца хранится рецепт пресловутого тоника, знаю, спросила у мамы.

Но ведь Витору не нравилось, что эфирий принудительно связывают с мастерами? Почему тогда он так себя ведет?

Мне безумно не хватало папы — скорей бы он приехал! Посоветоваться с мамой? Я пыталась. В ответ на мое путаное письмо,

полное сомнений, пришло поздравление с удачным замужеством и почти что приказ не забивать голову ерундой, слушать мужа и вести себя как подобает. Точка. Ни намек на попытку успокоить или поддержать.

А мне самой элементарно не хватало жизненного опыта. Не хотелось бы наделать глупостей по незнанию. Наверное, поэтому я до сих пор не паковала чемоданы и не седлала Грома, а с замиранием сердца ждала, когда истечет контракт на вдовство.

Всего два дня.

День уже почти прошел. Сейчас вечер. Выпроводить Эли на свидание и что-нибудь почитать. Можно даже один из любимых сестринских романов, где все обязательно будет хорошо. Герой спасает героиню, а не она вытаскивает его неизвестно откуда едва живого. И тут же признается ей в любви и женится. Или одновременно. И никаких вопросов и недоговорок.

Последние дни я читала подобное запоем. Эли даже посмеиваться начала, что она меня не просто когтями оцарапала, а заразила вирусом страшным, превращающим меня в романтическую особу.

Пусть так.

Мне нужно было что-то делать. Я привыкла к тому, что у меня есть какая-то цель, какой-то план. А тут... я очень боялась ошибиться и остаться с разбитым сердцем.

Струсил?

Да, впервые в жизни.

Трусилая, нерешительная и влюбленная. Странное чувство.

На обратном пути в особняк мы столкнулись с Витором и Кевином.

Зря я согласилась показать сестре ворота, снабженные магической защитой.

Над одной из створок как раз и колдовал мой воскресший супруг. Салливан стоял, прислонившись к дверце коляски, запряженной каурой лошадкой, и с нескрываемым скепсисом наблюдал за действиями кузена. Алистер не обращал на него никакого внимания, что-то встраивал в небольшой шар на столбике. Витор был одет в домашнюю рубашку, простые брюки и сапоги. Кевин вырядился в парадный мундир — этакий сияющий офицер от гладко выбритой физиономии до блестящих носов сапог.

— Ой! — Элиза поспешно схватилась за растрепавшиеся волосы, с ужасом оглядела свой наряд и юркнула в тень. — Я в особняк!

Меня на ужин в летней беседке не приглашали, так что я отдернула полу защитно-зеленой рубашки, приветливо улыбнулась заметившим меня

мужчинам и помахала веткой ивы, которой отгоняла мошкар.

— Новая защита? — поинтересовалась, следя, как Витор пачкает носовой платок какой-то гадостью для смазки механических деталей и с прищуром смотрит на свою работу.

— Новая глупость! — ядовито ответил Кевин. Развел руками, перехватив насмешливый взгляд Алистера: — Безусловно, гениальная! Глупость.

Витор хмыкнул.

— Все! Ушел! — рассмеялся Салливан.

Алистер искоса посмотрел на кузена, кивком указал на коляску.

Кевин хитро взглянул на меня, как истинный аристократ, спрятал непонятную усмешку, толковать смысл которой я не стала, чтоб попусту не нервничать, и укатил.

— И что они теперь делают? — Я присмотрелась к воротам, но никакой разницы не заметила.

Поднесла руку к створке, убрала. Проследила, как она бесшумно открывается и закрывается.

— Записывают ауры выходящих и входящих на территорию поместья. — Витор задумчиво потер пальцами подбородок.

— Ух ты! — впечатлилась я. — Да у тебя отбоя не будет от желающих установить такую защиту! Это же просто гениальная идея!

— Сомневаюсь, — поморщился Алистер, в очередной раз осматривая шарик на столбике ворот. — Она записывает ауры всех!

— Но так ведь это же отлично, да? — не поняла я причины недовольства Алистера, глядящего на свое изобретение с кривой усмешкой.

— Всех! Габи, всех! — раздраженно повторил он. — Людей, нелюди, животных, птиц, пресмыкающихся, насекомых. Всего живого! Всего, что проползает, пролетает мимо!

Задача.

Я задумчиво отмахнулась от комариного войска, атаковавшего меня с тонким писком. Часть кровососущего облачка попала в поле действия шара, и тот тут же тускло засветился и погас. Потом снова вспыхнул. Я озадаченно покрутила головой, высматривая причину возмущения.

— Вот! — Витор показал на крохотную зеленую лягушку, неторопливо взбирающуюся по склонившейся к воротам ветке орешника. — И вот!

Я проследила за большой бархатной бабочкой, медленно проплывшей над нашими головами. Задача.

— А если поставить какой-нибудь фильтр?

— Пока не выходит, но я над этим работаю. — Витор спрятал

испачканный платок в карман и предложил мне локоть.

Мы прошли тенью в особняк. Точнее, в кабинет Алистера. Усаживаясь в кресло для посетителей, я старалась выглядеть невозмутимой. Вполне ожидаемо, что Витор решил не тянуть до завтрашнего дня и объясниться. Вон и контракт мой на вдовство из стола достал. Обидно ли мне? Да. Что была такой глупой, наделась на что-то большее. Витор играл со мной, я была нужна ему. А теперь... Кстати, что теперь?

— Завтра заканчивается наш с тобой контракт. — Витор облокотился о стол, дотронулся указательным пальцем до виска.

Зеленые глаза смотрели холодно, оценивающе. Правда, за мной на стене висел какой-то чертеж — вполне возможно, муж отвлекся и смотрел на него, вспоминая чувствительные ворота. Очень надеюсь на это!

— Завтра, ровно в шесть утра, — разбил мои надежды Алистер.

— Я помню. Сегодня же прикажу собрать наши с Эли вещи. — А что я должна была сказать? Что хочу продлить контракт, потому что влюбилась? Извините, двэйн, но этого вы от меня не дождетесь! — Завтра ровно в шесть тридцать утра нас здесь не будет.

— Вот так и уедешь? — Казалось, его лицо окаменело. — А как же все это? — Показал куда-то вверх. — Все еще считаешь, что я могу сообщить коллегам, кем именно была твоя сестра? Думаешь, я посажу твоих родителей в тюрьму за сокрытие факта одержимости?

— Я не вижу твои мысли. Я не ясновидящая и не менталист. — Я упрямо не отводила глаз.

Ждала, что скажет почти бывший супруг. Зачем все эти вопросы и предположения? К чему недовольный, оскорбленный вид и подозрительный взгляд, в котором сквозит откровенное недоумение?

— Но ведь ты видишь эмоции? — Витор отложил контракт, обошел стол и наклонился ко мне. Положив руки на подлокотники, он прищурился. — Ты ведь видишь?

— Нет, — призналась я, перебирая слова мужа и понимая, что ошиблась. — Твои не вижу...

Широко распахнула глаза: какая я глупая!

Он не видел смысла как-то проявлять чувства, потому что считал: я вижу его эмоции!

— Прости, я такой идиот! — выдохнул Витор со счастливой, полной искреннего раскаяния улыбкой. — Я был уверен... прости! Я не думал, что это сработает именно так! Оно ведь вообще не сработало.

— Что сработает? — Вот теперь я точно ничего не понимала.

— Сейчас! — Муж закопошился в ящике стола, спустя пару секунд

сосредоточенного сопения и странных улыбок, которыми он одаривал меня, выудил флакон, очень напоминающий один из тех, в которые папа разливал мой тоник. — Я пытался убрать побочные эффекты и, кажется, получил новый. Я не силен в зельеварении, поэтому подумал, что исправленное зелье вообще не подействовало.

— Ты что? — Он ненормальный! — Ты тестировал зелье на себе?!

Витор пожал плечами.

— Зачем?!

— Ты же не хочешь идти в магконтроль.

И он решил сделать для нас с Эли безопасное зелье? И сам на себе его испытал? Прямо после нашего путешествия в эфир? Когда сам был зеленый как травка, которую я когда-то видела сквозь его прозрачную физиономию в парке?

— Ты ненормальный! — сдалась я, глядя на искренне раскаявшегося мужа.

А он опустился на одно колено, взял мою дрожащую руку.

— Габриелла, я люблю тебя. Ты станешь моей женой бессрочно?

Я не сдержала нервный смешок. Оригинальное признание!

— Если не согласишься, я буду настаивать! — пригрозил Витор.

Шутка больше напоминала угрозу.

Не к месту вспомнила слухи, что жены мастеров — их собственность.

— А сможешь меня удержать? — лукаво подмигнула, намекая, что я эфирия.

— А зачем? Ты сама останешься. Тебе же интересно, что там... — Витор неопределенно покрутил пальцем у себя над головой, — у меня летает и крыльями машет? Не сомневайся, еще как машет! — И церемонно поцеловал мои пальчики. — Мне не нужна покорная кукла. Мне нужна ты!

Я была готова разрыдаться. От смеха.

— Витор, какой же ты аристократ! Собственник! Циник!

Муж спокойно кивал в такт каждому слову.

— Ты закрытый, недоверчивый, одинокий! — Меня будто прорвало. Пусть терпит! Он мне столько нервов испортил! И еще попортит. Я счастливо улыбнулась: — Холодный, расчетливый и...

— И? — заинтересованно переспросил Витор, поднимаясь и рывком подхватывая меня на руки.

— И любимый!

Я обняла мужа за шею и поцеловала.

За окном раздался тихий смех эфирий. Вот паразитки! Могли бы жестами изобразить, что я не вижу эмоции, потому что один влюбленный

мастер решил подработать подопытной мышкой!

Все благими намерениями, а мне теперь ждать, когда выветрится его модифицированное зелье!

Впрочем, не буду я ничего ждать! Я ведь и так вижу, без всяких воплощений, что он меня любит!

В спальню мы шли долго. Витор, как он выразился, проверял мебель на удобство. В кресле, за его столом, очень удобно целоваться. И на диване в гостиной. И сидя на комод в спальне. Как по мне, все эти мебельные дела были предлогом, чтобы дать мне время привыкнуть к новым ощущениям, научиться доверять мужчине.

Для меня осталось загадкой: как в Виторе сочетаются цинизм и чуткость? Напор и нежность. У меня будет много времени, чтобы разгадать загадку его характера.

А пока я следовала за Витором, подчинялась, училась и растворялась в нем...

Утро началось с ощущения взгляда, ласково скользящего по моему лицу. Открыв глаза, я удивленно уставилась на мужа, теперь уже настоящего, протягивающего мне лист бумаги и перо.

— Что это? — Я пробежала глазами первые строчки и рассмеялась.

Это был наш брачный контракт. И новое приложение к нему. В нем говорилось, что я обязуюсь принести необходимую часть клятвы, делающую брак нерасторжимым, в храме в течение суток!

Сутки!

— Боишься, что я сбегу? — расписываясь, улыбнулась я.

— Не люблю откладывать в долгий ящик. — Витор забрал документ, довольно кивнул. — Собирайся. Карета уже подана. Кстати, о нашем контракте на услуги вдовы никто не узнает. Адвокат по моему приказу уничтожил все упоминания о нем. Он же позаботится об уничтожении копий вашего отца. Ваш и мой оригиналы я аннулировал.

— Жаль! — улыбнулась я. — Я бы показывала его нашим детям и рассказывала, что папа с мамой познакомились на балу, и папа предложил маме стать его вдовой.

Я застегнула платье, повернулась к смеющемуся Витору.

— И слава предкам, что его нет! У наших детей была бы психическая травма от таких рассказов!

Выскочив из спальни Витора, первым делом побежала к Эли. Я была взволнована, счастлива, так что про двери попросту забыла. Проскочила тенью. В спальне Элизы не было, зато из малой гостиной доносились голоса. Сестра ругалась с Кевином.

— Это неприемлемо! — крайне вежливо и непреклонно объявила Эли. — В вашей семье траур!

— Я не предлагаю вам пышное торжество! — с плохо скрываемым недовольством отозвался Кевин.

— Все равно это неприемлемо! — не сдалась сестра. — Это неуважение к человеку...

Она осеклась.

— Договаривайте! — фыркнул Салливан. — Вы же в курсе, что от моего отца мне досталось только имя.

— Вот и позаботьтесь о нем!

— Я и забочусь! Или вы предпочитаете выходить замуж беременной?

От такого заявления Эли что-то уронила, а я ошалело уставилась на дверь, перед которой размышляла, вмешиваться или не стоит.

— На что вы намекаете? — ровным голосом спросила сестра и с плохо скрываемой язвительностью добавила: — Вчера я позволила вам немного больше, чем пристало приличным элтинам...

Я поперхнулась воздухом. И это моя Эли?

— ...Но, уверяю вас, я прекрасно знаю, что от поцелуев дети не появляются! — гордо закончила Элиза.

Я закрыла ладонями рот, чтоб не рассмеяться в голос. Да, тема поцелуев в нашем семействе очень актуальна!

— Что вы делаете?! — возмущенно пискнула Эли.

Я насторожилась, готовясь ворваться и защитить сестру.

— Не стоит! — Витор, обняв меня за талию, оттащил от двери. — Не бойся, ей ничего не грозит, дальше поцелуев Кевин не зайдет.

— Откуда такая уверенность? — Я попыталась вывернуться из рук мужа; меня ласково удержали и отвлекли, поцеловав в шею.

— Кевин слишком аристократ, чтобы скомпрометировать идеальную репутацию будущей супруги. Он всего лишь уговорит ее сочетаться браком не год спустя, а хотя бы через пару месяцев.

— Ладно, — нехотя согласилась я.

Тревоги за сестру не чувствовала. Напротив, на душе было спокойно. Из чего можно было сделать вывод, что Элизе сейчас хорошо.

— Ну так что? Два месяца? — сипло предложил Кевин, очевидно решив, что «уговоров» достаточно.

— О чем вы? Четыре! — голос сестры тоже прозвучал глухо.

— О! У меня есть надежда! — рассмеялся Салливан. — Вчера вы настаивали на шести!

— Четыре! — упрямо повторила Элиза.

Я уткнулась лицом в грудь мужа и хмыкнула.

Такими темпами к нашему возвращению из храма Эли с Кевином договорятся до пары недель!

По дороге в храм случилось несколько задержек: вначале лошадь повредила ногу, потом сломалось колесо кареты. Кучер, тот, что привез нас с Эли в поместье, тихо ругался. А Витор философски заявил, что, несмотря ни на что, намерен услышать от меня те самые слова. В столицу мы прибыли ночью.

У храма наша карета едва не столкнулась с очень знакомым мне экипажем, несущимся в нарушение всех правил по улице. Наш кучер собрался просветить своего коллегу в его собственной родословной, но увидел меня, радостно выскочившую из кареты, и передумал.

— Па! — Я повисла на шее отца, выпрыгнувшего из экипажа-нарушителя, чтобы решить возникшую проблему.

Сердце замерло — я безумно боялась, что отец отстранится, напомним: я не его дочь. Папа приподнял меня над землей и довольно рассмеялся, глядя в лицо странно блестящими глазами:

— Живая!

— Габи? — Мама выглянула наружу, торопливо оперлась о руку Витора и, почти что выдрав меня из рук отца, обняла! — Я так боялась за тебя! — совсем неожиданно прошептала мамуля, громко шмыгнула, окончательно уверив меня, что маму подменили, не иначе.

Но тут случилось явление деда. Высокий, худой как жердь, он окинул нас колючим взглядом и скрипуче поинтересовался:

— Что за митинг? А! Внучка, рад видеть. А где вторая егоза?

— Дома... — Это мой дед? Егоза? Рад видеть? — Ма? Па?

Я повернулась к родителям.

Мама закатила глаза, отец усмехнулся и махнул рукой — дескать, потом объясню.

— А куда это вы на ночь глядя? — Дед оценил наш походный наряд.

— В храм! Ваша внучка настаивает на клятве, боится, что я сбегу. — Витор подмигнул мне.

Нашел время шутить! У меня коленки дрожат, до сих пор боюсь, что родители решили разыграть заботу, чтобы не нервировать престарелого деда!

А сам дедуля по-птичьи склонил голову, прищурился и хрипло рассмеялся.

— Тащит? Значит?

— Ага, — подтвердил воскресший муж.

— Правильно! Нечего ополовиненные клятвы приносить! Тоже мне, взяли манеру! Поженимся, а потом решим! — И дед, бормоча себе под нос, какая безответственная молодежь пошла, подал руку бабуле, пышным тортом оборок выкатившейся из кареты и чуть не задушившей меня от избытка чувств, и под руку с супругой заковылял к храму.

Естественно, в главный зал храма нас не пустили. Не помогли ни внушения деда, ни просьбы бабушки, ни строгий выговор мамы.

— Прямо традиция! — улыбнулась я, поняв, что нас привели в ту же комнату, где подписывала контракт на вдовство.

Жрец снова принес чашу и кинжал. Долго вещал о нашем правильном решении. Если в прошлый раз мне было не по себе оттого, что обряд урезали до минимума, в этот чуть не задремала на плече мужа, слушая очередное наставление. Слова о том, что мы обязуемся любить и оберегать друг друга, пока смерть не разлучит нас, протараторила с такой скоростью, что жрец удивленно вскинул кустистые брови. Витор хмыкнул, повторил. Острое лезвие кинжала оставило небольшие царапины на наших ладонях. Мы переплели пальцы — ранки пропали, подтверждая клятву.

Жрец, глотающий зевки и терпеливо ждущий, когда прервется страстный поцелуй, мечтал выпроводить поздних визитеров поскорей, но тут Витор шепотом предложил:

— Может, убьем сразу двух зайцев?

Я напряглась в его руках, поняв, что он намекает на проверку.

— Прямо сейчас? Зачем тебе это?

— Хочешь, чтобы я продолжал пить всякие сомнительные зелья? А вдруг у меня не только эмоции пропадут? — тихо рассмеялся мне в ухо муж. — Если честно, хочу проверить одну догадку.

Опять он недоговаривает!

— Если не скажешь, что ты там раскопал, я ничего делать не буду. Пей что хочешь, хоть целиком исчезни — я с места не сдвинусь!

— Хорошо, — щекоча дыханием кожу, прошептал муж, — вполне возможно, мы ничего не знаем о не выгоревших после возвращения в эфир девушках и их близнецах, потому что не можем их определить.

— Не веришь в мою уникальность? — «оскорбилась» я. Как бы мне хотелось, чтобы все было так, как сказал Витор! Наша с Эли проблема разрешилась бы сама собой.

— Исхожу из того, что в нашем мире редко что бывает уникальным. Те же мастера произошли отнюдь не от одного мальчика, как говорится в легенде. Значит, и вы с Эли не первые и не последние. Рискнешь?

— Да! — В случае провала мне грозит всего лишь регистрация. На

аукцион меня не выставят, муж — вон он, аферист, стоит. И не смущается втягивать любимую жену в очередную авантюру! Зельями угрожает. Знает же, паразит: больше экспериментировать над собой не позволю.

— Габи? — мама с отцом вопросительно смотрели на меня.

Они поняли только часть разговора и беспокоились. Переживали. И были согласны помочь сбежать, если я откажусь. И это было здорово! Я почувствовала себя счастливой! Все страхи развеялись.

Дед с бабулей не были в курсе тайны моего рождения, мама сказала им, что у меня особые способности, и они с отцом решили их скрыть, чтобы я не стала лишенкой. Способности, которые помогли излечить сестру. О вендиго ни слова. Эли была больна. Неизлечимо. И нам вот так повезло.

Дед такой участи мне тоже не желал. И вообще, после того как он узнал, что Эли была смертельно больна, а я чуть не погибла, ее спасая, он плюнул на свои принципы.

Сейчас они с бабушкой тоже ждали моего решения.

— Хорошо! Как думаешь, в службе контроля сильно удивятся нашему позднему визиту? — Я скрыла за нервным смешком дрожь в голосе.

— У них есть дежурный сотрудник, — заверил Витор.

Мы загрузились в кареты и отправились сдаваться.

Судя по постному лицу мастера, которому выпала честь дежурить сегодня и лицезреть явление нервного семейства во главе с коллегой, заподозрившим, что у жены проснулись какие-то новые способности, мужчина нас люто возненавидел. И искренне желал, чтобы я оказалась подменшшем, не меньше. Отказать он не имел права.

В комнату для проверок я входила, клещом вцепившись в руку мужа.

— Становитесь в центр! Смелее! — Дежурный активировал сложное плетение заклинания, превращающего комнату в разноцветную паутину. — Не бойтесь, проверка занимает от силы минуту.

Я зажмурилась, вцепилась пальцами в юбку. За разноцветной паутиной, отделившей меня от мужчин, улыбался Витор.

— Не понимаю, зачем вам это, двэйн? — пробурчал мастер, убирая заклинание. — Все в порядке, ваша супруга — обычный человек с небольшими магическими способностями. Их вполне можно отнести к стихийной магии и частично — к ментальной.

Едва сдержалась от радостного визга. Мы с Эли свободны!

Только вышли из здания, как я накинулась на Витора с поцелуями. Муж со смехом отвечал. А когда я уgomонилась, торжественно водрузил мою ладонь на свой локоть и лукаво предложил:

— Прогуляемся?

Дед попытался возмутиться, но бабуля затолкала его в карету, воспользовавшись тем, что на пару десятков фунтов его тяжелее. Мама понимающе улыбнулась, отец подмигнул и сказал:

— А я тебе говорил! Будь осторожна с ним!

В ответ я виновато улыбнулась.

Родственники загрузились в карету и покатили в поместье, а мы направились к реке.

Темная лента Ирвэйны сегодня выглядела особенно романтичной. Отблески фонарей на воде, отражения звезд, словно бисеринки, разбросанные по мерцающей поверхности.

Муж с хитрой улыбкой зажег прикосновением пальцев защитные заклинания моста, над парашютом вспыхнули серебристые круги и синие спирали. Я с замиранием сердца посмотрела на разноцветную иллюминацию.

А потом случилось чудо. Я увидела ее: большую пурпурную бабочку, парящую над головой Витора.

— Зелье перестало действовать? — Муж истолковал мою улыбку правильно.

— Угу.

— И как? Большая?

— Парусник!

— Оу! — удивленно присвистнул Витор, а потом, с подозрением глядя на меня, добавил: — А ты сомневалась?

Я отрицательно замотала головой. Не сомневалась! Но увидеть чувства мужа очень хотелось.

— Пройдем по мосту? — предложил Витор, в один шаг оказался за моей спиной и, словно в танце, обнял за талию, придерживая за руку. — Ты же помнишь, я поклонник народных традиций?

— Помню. По мосту в новую жизнь? — Мне безумно приятно купаться в полных нежности взглядах. Для этого не обязательно видеть его лицо.

— В новую.

— Без афер?

— Ну, — хмыкнул Витор, — как жизнь сложится.

— Я боюсь! — Эли крепче вцепилась в мою руку и напряженно уставилась на дверь, за которой нас ждали мама и отец.

— Вообще-то это мне надо бояться! — нервно хмыкнула я.

Я ждала этого разговора, однако просьба родителей прийти к ним после ужина вместе с Эли все равно застала врасплох. Я надеялась, что они повременят, осмотрятся, свыкнутся с мыслью, что я замужем, а Эли собирается стать двэйной Салливан через неделю на скромном семейном торжестве, куда приглашены всего несколько самых близких людей. Да, Кевин определенно умеет уговаривать. Сутки — и сестра сократила срок ожидания счастливого события до минимума.

— Я за тебя боюсь! — прошептала сестра. — Вдруг они притворялись?

Кажется, моя паранойя заразна! Буквально вчера я примерно то же сказала Витору, за что получила совет пойти и наконец побеседовать с родителями, вместо того чтобы придумывать небылицы.

А по поводу притворства, честно говоря, — ничего такого я не заметила. Мама с отцом на самом деле переживали за меня и любили нас с Эли одинаково. А их нежность норовила заполнить комнату, когда мы с сестрой оказывались рядом с ними. Но почему они тогда не сказали сразу?!

Не знаю, сколько бы мы стояли у двери и ждали, но нас поторопили. Эфирии, влетев через открытое окно, распахнули двери, и мы оказались лицом к лицу с родителями, мнущимися по ту сторону преграды.

Кто-то еще сомневается, что мы родственники?

— Добрый вечер, девочки! — светски поприветствовала мама, скрыв за маской вежливости волнение.

— Да ладно тебе, Роза! — Отец нервно дернул узел на шейном платке и, приглашая войти, резко и отрывисто махнул рукой.

Родители волновались едва ли не сильнее нас с Эли.

Пока мы устраивались в креслах, они переглядывались. Мама старалась делать это незаметно, прикрывшись веером, чем жутко напомнила Эли. Сестра тоже заметила, спрятала улыбку и успокоилась.

Первым слово взял папа:

— Девочки, что бы вы себе там ни надумали, вы наши... обе. Вот так как-то. Роза?

— Да! — подтвердила мама, резким жестом сложила веер, положила его мимо столика и даже не заметила.

Теперь мне пришлось прятать улыбку — кажется, я знаю, от кого переняла привычки терять женские игрушки. Просто до сегодняшнего дня мама держала себя в руках и не позволяла чувствам пробивать скорлупу

этикета.

— Габи... — Мама посмотрела на меня непривычно мягко, открыто, что ли, — ты моя дочка. Я не родила тебя, но ты моя. Я поняла это, как только увидела тебя в колыбели рядом с Элизой... Все эти слухи о подменышах... ты не могла быть злом... зло не может спасать, а ты помогла Эли... ты чудо, которое нам послали предки...

Можно ли утонуть в нежности?

Еще как!

Мы бросились обнимать родителей или они нас — никто сказать не мог. Но когда в комнату, вежливо постучав в дверной косяк, заглянул Майлз, он увидел счастливое семейство. В котором не было разницы, кто кому родной и почему когда-то помешанная на правилах молодая мать решила оставить появившегося из ниоткуда младенца. А потом ради безопасности его и любимого мужчины даже хотела пожертвовать жизнью собственной дочери. Дочери, захваченной духом. Дочери, которую она в итоге собиралась увезти, когда не останется иного выхода, ничего не говоря нам. После того как мама поняла, что снова не сможет поступить согласно закону. К сожалению, это случилось, лишь когда пострадал отец. Если бы прозрение мамы наступило раньше, мы бы могли сэкономить много нервов.

Забавно.

Все в нашей семье хотели спасти Эли. Каждый действовал по-своему. Но все делали это из-за любви.

— Там двэйна Салливан прибыла, — кашлем привлекая наше внимание, сообщил Майлз.

Мы с Эли дружно скривились. Надежда, что мать Кевина проигнорирует свадьбу сына, не оправдалась. И главное, как вовремя она приехала! Витор и Кевин уехали по работе. Вернутся только завтра.

— Где она?! Где эта самозванка и ее сестрица?! — Ага, наша громкая проблема решила прийти к нам сама!

Ну что же, я хозяйка дома, мне и разбираться.

— Кто это? — Мама быстро вытерла слезы, подобралась, в одно мгновение став высокомерной аристократкой.

— Моя будущая свекровь! — вздохнула Эли, разглядывая испорченные когтями перчатки. — Очень своеобразная дама!

— Да? А я думала, торговка с рынка случайно забрела! — Мама поправила шейный платок отца, жестом пригласила рассестись по диванам.

Я была только за! Двэйна Софи порядком достала, ей не помешает урок хороших манер от нашей мамули.

— А-а-а! — радостно воскликнула двэйна, притормаживая у двери —

видимо, не забыла, как ветерок пошутил с ней в моей комнате.

— Простите? — Мама с недоумением посмотрела на замершую на пороге женщину, явно не ожидавшую, что у ее попытки построить будущую невестку и ее сестру будут свидетели. — Кухня двумя этажами ниже. Направо, вниз по лестнице. Повара зовут Симон, плату за овощи получите у него.

И когда мама успела узнать имя повара?

Двэйна Софи повернулась направо, потом налево. Убедилась, что за спиной никого нет, и вперила в маму гневным взглядом.

— Да как вы смеете! Я Салливан!

Тонкие брови мамы едва заметно вопросительно дрогнули.

— О! Извините! Вы удивительно хорошо сохранились!

Вот тут не только двэйна растерялась. Мы с Эли удивленно переглянулись. Папа прятал улыбку. А Майлз откровенно наслаждался ситуацией. Видимо, один он понимал, куда клонит мама.

— Позвольте выразить свое восхищение, — тем временем продолжала родительница, — вы превосходно сохранились в свои девяносто!

— Я? — севшим голосом переспросила Софи. — В какие девяносто?

— Грэди Салливан? — Маме можно было аплодировать стоя! Настолько искреннего удивления мне никогда в жизни не сыграть!

— Да как вы могли перепутать меня с моей свекровью! — начала возмущенно Софи.

И тут у нее за спиной раздалось сварливое:

— Действительно, как?! Если бы я позволила так запустить себя в ее возрасте, не дожила бы и до семидесяти! — Худенькая маленькая старушка в черном платье модного кроя окинула опешившую двэйну придирчивым взглядом. — Хорошо же ты чтишь память моего сына! Вон как расфуфырилась! На похороны не позвала, вертихвостка! Хорошо хоть у внука хватило совести на свадьбу пригласить!

Так мы познакомились с матерью погибшего грэди Салливана. Свекровью Софи. Бабушкой Кевина. Да, бабушкой. Пожилая грэди прекрасно знала, что ее сын воспитывает чужого ребенка, но все равно считала мальчика внуком. А сына — козлом, которому досталось по заслугам.

Естественно, после ее появления в поместье у двэйны Софи моментально случился приступ спинуса недостатикуса. И она, повалявшись пару минут на полу у ног свекрови, ни на гран не поверившей в ее обморок, торжественно отбыла к себе — лечиться и скорбеть по мужу.

Как потом призналась мама, она не ожидала, что старая грэди так

вовремя появится на пороге комнаты. Этому поспособствовали бабуля с дедом, понявшие, что остановить двэйну может только ее свекровь, прибывшая чуть раньше и собиравшаяся отдохнуть с дороги. Но с удовольствием отложившая сон ради свидания с невесткой.

Кстати, грэди Салливан оказалась не такой уж и вредной. Вначале она допытывалась у Эли, какой у нее срок, раз свадьба через неделю. Потом досталось вернувшемуся раньше времени Кевину за то, что его невеста не беременна и его бабуля не дожидается внуков. К возмущенным воплям старушки неожиданно присоединились наша бабуля и дед. Тут и нам прилетело с Витором.

А потом и моим родителям, «не старым еще!». И дяде.

Зря он решил помирить двэйну Софи со свекровью и привез ее обратно.

Вот тут и выяснилось: я-то, оказывается, беременная!

Мать Кевина мстительно сообщила старшим родственникам потрясающую новость. Родственники приступили к расчетам. Пришлось признаваться, что я, такая нехорошая, придумала интересное положение, потому что боялась, что меня выгонят до того, как супруг найдется. Родители и Кевин, бывшие в курсе истинного положения дел, подтвердили нашу сказку. Они тоже считали, что чем меньше народу знает, что произошло в поместье на самом деле, тем лучше.

Бабушки и дед расстроились снова, сильно. Теперь нам при каждом удобном случае напоминали, что они ну очень, очень пожилые!

— Грэди Олби! Немедленно вернитесь! Я как самая старая в этом семействе требую пояснить ваши намерения в отношении моей невестки! — Мы с Эли шустро спрятались за портьеру.

Мимо прорысил дядя. Следом — бабушка Кевина. Очень пожилая дама почти догнала отнюдь не пожилого мужчину. Я бы тоже от такой прыти в ее годы не отказалась!

— О, грэди Салливан! Простите, не услышал! Ухо застудил, знаете ли, — судя по скорбной интонации дядино гола, далеко ему уйти не удалось.

— Приложите капустный лист к уху!! И все пройдет!! — прокричала старушка.

— Обязательно. Благодарю за совет, — ответил дядя без особого воодушевления.

— Так что насчет моей невестки?!

— Она ведь его женит! — хмыкнула Эли, уткнувшись лицом в мое плечо. — Не жалко тебе их?

— Совет им да любовь! — Я закусила губу, чтобы не рассмеяться.

Нет, я не специально намекнула старушке, что дядю и ее невестку связывает нечто большее. Ну не могла же прямым текстом сказать, что нашего родственника угораздило влюбиться в двэйну! Более того, взаимно! Я сама не поверила, когда увидела у них над головами любовь! А так, глядишь, и двэйна станет не такой вредной, да и дяде пора прекращать цепляться за прошлое и смотреть в будущее.

Эпилог

— Вы станете моей женой? — вопрос прозвучал как утверждение. В зеленых глазах мужа плясали задорные смешинки.

Я искоса посмотрела на Эли и Кевина, потом на жреца, ждущего, когда ответит вторая пара, решившая поучаствовать в ритуале бракосочетания из уважения к родственникам, оставшимся в день их свадьбы без торжества. И одними губами прошептала:

— Только если вдовой!

Витор спрятал улыбку, хитро подмигнул. Алая бабочка над его головой стала еще больше. Она почти закрыла искрящимися крыльями цветочную арку, в которой проходила двойная свадьба. И была самой большой из положительных эмоций, что кружились и летали над нами. Даже больше моей любви! Но это не раздражало, а скорее наоборот. Я очень гордилась тем, что меня так любит воскресший супруг.

— Да! Согласна! — громко произнесла я.

За нашими спинами довольно зашумели гости. Их оказалось много больше, чем планировали мы с Эли.

Приехали все родственники Витора. Под разными предлогами. Им хотелось узнать, чем же закончится история свалившейся на голову вдовы и ее сестры. Многие схитрили — явились за несколько часов до скромного семейного торжества. У половины захромали кони, у второй соскочили колеса карет и колясок. Или что-то сломалось. Что-то непонятное, но ехать на таком транспорте определенно опасно! Пришлось приглашать.

Коллеги Витора и Кевина поступили проще. Их якобы вызвал кто-то из местных. Кто — никто не знает. Что за духа тут видели — тоже. «Найдем шутника — оштрафуем за ложный вызов!»

Вот так свадьба Эли и наш обряд для обделенных родственников из посиделок на десять персон превратился в настоящий праздник.

Повар чуть не слег с инфарктом, слуги сбились с ног. Мама, тетка Витора и две бабули, наша и Кевина, осипли, раздавая приказы; нас с Эли отстранили, сказав, что невестам положено ублажать взоры гостей, а не бегать по поместью с кипой салфеток наперевес и воплями: «Где еще два десятка перепелов?!»

В общем, мы с Эли ублажали. Наши мужчины отвлекали гостей от пустых столов. Обряд пришлось перенести на вечер.

В итоге мы с Эли были готовы утащить суженых в тень и сбежать.

Но все обошлось.

Еда приготовлена, дополнительные столы привезены, гости рассажены. Мы стоим под цветочной аркой перед жрецом, произносящим проникновенную речь. Эли — в белом платье и фате. Я — в алом, потому что у меня это фактически третья свадьба за месяц. Кевин и Витор — в парадных мундирах.

— Может, сделать это семейной традицией? — улыбнулся Витор, целуя меня в висок, когда мы устроились во главе длинного стола. — По свадьбе в неделю, мне нравится.

— Мы разоримся! — тихо хмыкнула я, краем уха слушая пожелание очередного незнакомого мастера теней.

— Ну, — усмехнулся муж, — вряд ли. Четвертая свадьба будет уже не таким знаменательным событием. К пятой половина наших гостей потеряет к нам интерес.

— А десятую мы будем праздновать в гордом одиночестве? И останемся без подарков?

— Ну что ты, это же юбилей! К тому времени нас будут считать весьма экстравагантной парой. И мы сможем продавать билеты на торжество.

— Аферист! — беззлобно подколола я.

Витор согласно кивнул.

— Будь я другим, вряд ли поймал бы такой непоседливый ветерок, как ты.

— Ты меня поймал? — восхитилась я такой наглости. Придвинулась ближе и, борясь со смехом, прошептала на ухо мужу: — Это я тебя поймала!

— Спорный вопрос.

— Я тебя выбрала из всех мастеров!

— Из всех неженатых до тридцати. То есть из трех.

— Я с тобой познакомилась!

— Я помню, и мой сапог тоже.

— А потом...

— А потом предложила стать моей вдовой? — рассмеялся муж.

— Ладно, поймал! — сдалась я. — Но я тебя поймала первая!

Витор хмыкнул, давая понять, что я глубоко заблуждаюсь. Поднялся и притянул мне руку.

— Позвольте пригласить, моя дорогая супруга? — громко спросил он, подавая знак музыкантам. И мне, так чтобы никто не слышал: — Что скажете, госпожа вдова?

— Что быть вашей вдовой весьма интересно, — улыбнулась я,

шагая с мужем на украшенную цветами площадку для танцев, — но женой — куда интересней!

---

notes

Примечания

1

Двэйн, двэйна — вежливое обращение к мастеру теней и его супруге, сестре, матери.

Элт, элтина — вежливое обращение к недворянину, простолюдину, соответственно к мужчине и к женщине.

Грэди — вежливое обращение к дворянину, аристократу — равно и к женщинам, и к мужчинам.